

рейчел уорд

Числа

Хаос

1. 1. 2027

25.12.2026

1. 1. 2027

1. 1. 2027

1. 12. 2027

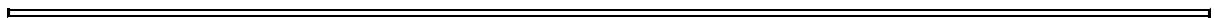
25.12.2026

1. 1. 2027

- [illegible]

- [Сара](#)
- [Адам](#)
- [Сара](#)
- [Адам](#)
- [Сара](#)
- [Адам](#)
- [Сара](#)
- [Адам](#)
- [Сара](#)
- [Сара](#)
- [Адам](#)

Рейчел Уорд
Числа. Хаос

Посвящается Оззи, моей половинке

Адам

Июнь 2026 года

В дверь стучат рано утром, только стало светать.

– Откройте! Откройте! У нас эвакуационный ордер на эти квартиры. Отправление через пять минут. Все на выход, пять минут!

Слышно, как шагают по коридору, колотят в двери, повторяют одни и те же распоряжения. Я-то не спал, но бабуля задремала в кресле и теперь встрепелась и ругается.

– Черт побери, Адам... Который час?

Дряхлая, сморщенная – такой фиолетовые волосы совершенно не по возрасту.

– Полшестого, баб. За нами пришли.

Бабуля глядит на меня – усталая и перепуганная.

– Пришли, значит, – говорит она. – Давай-ка собирайся.

Я гляжу в ответ на нее и думаю – фиг тебе. Никуда я не пойду, а с тобой тем более.

Мы этого ждали. Четыре дня просидели взаперти в квартире, глядя, как на улице прибывает вода. Всех предупредили, что дамба скорее всего не выдержит. Ее построили сто лет назад, до того как повысился уровень моря, а теперь еще и талые воды нахлынули по весне и шторма зарядили один за другим.

Мы думали, вода поднимется и схлынет, а она так и осталась.

– Наверно, в Венеции тоже было так же, пока ее не смыло, – мрачно заметила тогда бабуля. И швырнула окурок за окно, в воду. Он поплыл себе вдоль улицы туда, где раньше был бульвар. А бабуля закурила следующую сигарету.

Свет отрубили еще в первый вечер, а потом из крана потекла коричневая жижа. По улице бродили какие-то люди и кричали в мегафоны, что воду из-под крана пить нельзя и что они дадут нам воду и еду. Ничего они не дали. Нам пришлось обходиться чем было,

но без тостера и микроволновки, да еще когда молоко в холодильнике скисло, уже часов через двенадцать мы страшно проголодались. Когда бабуля ободрала целлофан с последней пачки сигарет, я понял – дело плохо.

– Когда они кончатся, сынок, придется сматывать удочки, – сказала она.

– Никуда я не пойду, – ответил я.

Это был мой дом. Все, что осталось от мамы.

– Нельзя же здесь оставаться, когда все так.

– Я никуда не пойду. – Констатация факта. – А ты езжай в свой долбаный Лондон, если так приспичило. Ты же давно мечтаешь.

Так и есть. Ей здесь всегда было не по себе. Она переехала к нам, когда мама заболела, и осталась присматривать за мной, но так тут и не прижилась. От морского воздуха она кашляла. От просторного голубого неба – жмурилась и юркала в дом, будто таракан.

– Выбирай выражения, – сказала она, – и складывай рюкзак.

– Ты мне не приказывай. Ты – не мама. Не буду я собираться, – сказал я – и не стал.

В результате у нас на все про все пять минут. Бабуля поднимается и начинает что-то запихивать в большой черный мешок для мусора. Исчезает в своей комнате и появляется с охапкой шмоток и полированной деревянной шкатулкой под мышкой. По квартире она шастает на удивление быстро. Меня колотит. Не могу я отсюда уехать. Я не готов. Так нельзя.

Беру из кухни стул и прислоняю к двери. Ее так не заклинишь, поэтому я хватаю все что попало и строю баррикаду. Поддвигаю к двери диван, ставлю сверху кухонный стул, потом журнальный столик. Пыхчу, как загнанный, по спине течет пот.

– Адам, какого черта?..

Бабуля дергает меня за руку, хочет остановить. Длинные желтые ногти впиваются мне в кожу. Я отпихиваю ее.

– Отвали, баб. Я никуда не пойду!

– Не дури. Собирай вещи. Нельзя же ехать без ничего.

Делаю вид, что не слышу.

– Адам, хватит корчить из себя идиота! – Она снова вцепляется в меня, и тут в дверь стучат.

– Откройте!

Я застываю на месте и гляжу на бабулю. В ее глазах видно число – 2022054. Ей осталось еще без малого тридцать лет – а поди догадайся. С виду-то она вот-вот концы отдаст.

– Откройте!

– Адам, будь любезен...

– Нет, баб.

– Отойдите от двери! В сторону!

– Адам!..

По замку бьют кувалдой. Потом сама дверь разлетается в щепки. В коридоре стоят два солдата: один – с кувалдой, другой – с ружьем. Оно нацелено прямо в квартиру. В нас. Солдаты быстро обыскивают остальные комнаты.

– Вот что, мэм, – говорит тот, который с пистолетом. – Вынужден попросить вас разобрать это заграждение и покинуть здание.

Бабуля кивает.

Я гляжу в дуло. Не могу отвести глаз. Еще секунда – или даже меньше – и все, может быть, будет кончено. Может быть, вот оно. Всего-то нужно двинуться ему навстречу. Если сегодня мой час, мой последний день, – вот оно.

Какое у меня число? А вдруг сегодня?

Ствол ружья такой чистый, гладкий, прямой. Интересно, я увижу, как вылетает пуля? Пойдет ли дым?

– Вали отсюда, – говорю. – Забирай на хрен свое долбаное ружье и вали.

Тут происходит все сразу. Тот, который с кувалдой, бросает свою кувалду, отпихивает диван и бросается в комнату, словно игрок в регби – в потасовку на поле, тот, который с ружьем, поднимает дуло в потолок и следует за ним, а бабуля бьет меня по лицу,

наотмашь.

– Слушай, ты, придурок мелкотравчатый, – шипит она, – я обещала твоей маме, что присмотрю за тобой, и слово свое сдержу. Я твоя бабушка, и ты будешь делать все, что я велю. Хватит тут выкобениваться. И выбирай выражения, я тебе уже говорила!

Щека так и горит, но идти на попятный я не готов. Это мой дом. Нельзя же вот так взять и выгнать человека из дому!

Оказывается, можно.

Солдаты хватают меня с обеих сторон под локти и выволакивают из квартиры. Я отбиваюсь, но они огромные, их двое. Все происходит так быстро. Я и оглянуться не успеваю, как меня протаскивают по всему коридору и по пожарной лестнице и сажают в надувную лодку, которая ждет у лестницы внизу. Бабуля садится рядом, сгружает свой набитый мусорный мешок к ногам и обнимает меня за плечи, и мы уплываем – медленно-медленно ползем по затопленным улицам.

– Все нормально, Адам, – говорит бабуля. – Все будет нормально.

Кое-кто в нашей лодке тихонько плачет. Но у всех остальных лица пустые. Меня по-прежнему корчит от унижения. Все это просто в голове не укладывается.

Я ничего с собой не взял. Не взял записную книжку. Меня снова окатывает волна паники. Надо сбежать и вернуться за ней. Нельзя мне без записной книжки! Куда я ее засунул? Где я видел ее в последний раз? Тут я чувствую в кармане что-то жесткое, лезу туда рукой. Конечно, она здесь. Никуда я ее не задевал, ношу при себе, как всегда.

Я вздыхаю с облегчением. И тут до меня наконец доходит. Мы уезжаем. Мы бросили квартиру. Может быть, я ее никогда больше не увижу.

В горле застревает ком. Я пытаюсь его проглотить, но не получается. Чувствую, как набегают слезы. Солдат, который правит лодкой, смотрит на меня. Нет, не буду я плакать – при нем, при бабуле, при всех в лодке. Не дождутся. Со всей силы впираюсь ногтями в ладонь. Слезы не отступают, так и грозят показаться. Впираюсь ногтями еще сильнее, чтобы боль вытеснила все остальное. Не буду плакать. Не сдамся. Не дождетесь.

В транзитном центре мы встаем в очередь на регистрацию. В одну очередь встают те, кому есть куда ехать, в другую – те, кому некуда. Мы с бабулей не чипированы, поэтому должны показать удостоверение личности, и бабуля заполняет анкеты на нас обоих для переправки в Лондон. Нам к одежде прикалывают бумажки с номерами, как будто мы собираемся бежать марафон, а потом сгоняют в какой-то зал и просят подождать.

Раздают горячую еду и питье. Мы снова встаем в очередь. Когда очередь уже подходит и я вижу еду и чувствую запахи, рот наполняется слюной. Остается три человека, и тут в зал входит очередной солдат и выкрикивает номера, в том числе наши. Наш автобус уже подогнали. Пора ехать.

– Баб!..

Я голодный как волк. Мне бы перекусить, хоть что-нибудь, иначе я с ног свалюсь.

– Извините, – говорю, – вы нас не пропустите?

Никто и ухом не ведет. Все притворяются, будто не слышали.

Солдат начинает повторять номера, и я еще раз прошу нас пропустить. Ничего не происходит. Я в отчаянии. Кидаюсь вперед, просовываю руку в просвет между двумя людьми и лихорадочно шарю. Рука что-то нащупывает – вроде бы тост, – и я его беру. Кто-то хватается меня за запястье и больно стискивает.

– Здесь очередь, – твердо говорит этот кто-то. – Мы – англичане. Мы умеем стоять в очереди.

– Простите, – говорю. – Это для моей бабушки. Она проголодалась, а нас сейчас отправляют.

Гляжу в лицо человеку, который меня схватил. Средних лет, полтинник или около того. Седой, угрюмый – сразу видно, что с ног валится от усталости, но меня потрясает не это, а его число. 112027. Ему осталось всего полгода. А еще я на мгновение вижу его смерть – ужасная, жестокая, удар по голове, кровь, мозги...

Роняю тост на тарелку и пачусь. Человек отпускает меня, он думает, будто победил, – но, похоже, и он что-то во мне заметил: лицо у него смягчается, и он протягивает руку, берет тост и дает мне.

– Это для твоей бабушки, – говорит он. – Беги, сынок. Не

опоздай на автобус.

– Спасибо, – мямлю я.

Так хочется сунуть тост в рот – прямо здесь, целиком, – но тот человек смотрит на меня и бабуля тоже, поэтому я бережно выношу тост на улицу, и когда мы с бабулей устраиваемся в автобусе, отдаю его ей. Она ломает тост пополам и половину возвращает мне. Мы ничего не говорим. Я запихиваю свой кусок в рот и заглатываю в два счета, а бабуля растягивает вкусняшку надолго, до тех пор пока мы не выезжаем из города на автостраду, которая ведет на восток. Автострада проходит по насыпи, окруженной целыми милями затопленных полей. Наконец-то показывается солнце и превращает воду в серебряное полотно, яркое-яркое – смотреть больно.

– Баб, – говорю. – А вдруг весь мир затопит? Что нам тогда делать?

Бабуля вытирает рукой с подбородка капельку масла и облизывает пальцы.

– Построим ковчег, наверно, ты да я да мы с тобой. И позовем на него каждой твари по паре. – Она с усмешкой гладит мне руку – теми пальцами, которые только что облизала. Там, где я в лодке впился в кожу ногтями, остались ярко-красные полумесяцы.

– Чего это ты? – спрашивает бабуля.

– Ничего.

Бабуля глядит на меня и хмурится. Потом легонько пожимает мне руку.

– Не переживай, сынок. Мы отлично устроимся в Лондоне. Там и защитные дамбы есть, и все прочее. В Лондоне свое дело знают. У нас все будет хорошо. Старый добрый Лондон...

Она откидывается на спинку, закрывает глаза и вздыхает – довольна, что наконец-то едет домой. Зато мне расслабляться нельзя. Надо записать число человека из очереди, пока я его не забыл. Меня снова встряхивает. Когда видишь числа всю жизнь, начинаешь их заранее чувствовать. А у этого человека число какое-то неподходящее. Мне не по себе. Запишу – сразу станет легче.

Достаю из кармана записную книжку и вношу туда все, что успел запомнить: словесный портрет (лучше, конечно, указывать

имя), дата, место, его число, как именно он умрет. Я все тщательно записываю, и с каждой буквой, с каждым словом мне становится спокойнее. Теперь все здесь, в книжке, никуда не денется. Можно будет потом перечитать.

Убираю записную книжку. Бабуля начинает тихонько похрапывать. Хорошо ей. Гляжу на остальных пассажиров. Некоторые пытаются поспать, но кое-кто – как я, на взводе, нервные. С моего места видно человек шесть-семь, которые не спят. Мы ловим взгляды друг друга, а потом молча отводим глаза – мы же чужие.

Но мне хватает всего одного взгляда, одного мига, чтобы заметить их числа, у каждого свое, – даты смерти.

Вот только у этих числа совсем не разные. У пятерых они кончаются на 12027, а у двоих – вообще совпадают: 112027.

Теперь сердце так и колотится у меня в груди, я дышу мелко и часто. Лезу в карман, снова нащупываю книжку. Руки у меня трясутся, но все же удастся достать книжку и открыть ее на нужной странице.

Эти люди – как тот человек в очереди: им тоже осталось всего полгода.

Они все умрут в январе следующего года.

Они все умрут в Лондоне.

Сентябрь 2026 года

Сара

– Ты сама знаешь, почему здесь оказалась. К такому ты не привыкла, но у нас не осталось вариантов. Здесь твоих штучек никто терпеть не станет – так что не вздумай опаздывать, прогуливать, грубить. Это шанс начать новую жизнь, на этот раз сделать все как положено, взяться за ум. Пожалуйста, Сара, не подведи нас. Не подведи саму себя.

И та-та-та, и бу-бу-бу. Завел шарманку. Я так устала, что слышать ничего не хочу, вот и пропускаю все мимо ушей. Сегодня я почти не спала, а когда задремала, мне снова приснился тот сон, и пришлось силой заставить себя проснуться. А потом я лежала и прислушивалась к домашним шорохам, пока не рассвело.

Я ему ничего не говорю, даже не прощаюсь, – вылезаю из «меркьюри», и все. С силой хлопаю дверью – и представляю себе, как он морщится, так и слышу, как он ругает меня, и от этого мне становится легче – на секунду.

Прохожие оборачиваются на «меркьюри», как всегда. На подъезде к школе машину увидишь не каждый день, тем более такую роскошную громадину, как папина. Теперь они и на меня оборачиваются. Супер – еще ничего не началось, а я уже выделилась из толпы. А, плевать.

Кто-то свистит, а потом тянет мне вслед: «Ки-и-иса» – этак с оттяжкой.

Поглазеть на меня остановилась компания мальчишек – человек шесть-семь. Меряют меня взглядами, облизываются, будто волки. Ну и что мне теперь, интересно? Испугаться? Порадоваться, что нравлюсь им? А пошли они. Показываю им средний палец и иду в ворота.

Кажется, для районной школы тут не так уж и плохо. По крайней мере, все новенькое и чистенькое, а не обшарпанное, как я ожидала. Новенькое, правда, только потому, что старое здание подожгли во время волнений 2022 года, а репутация у «Форест-Грин» осталась прежней: крутой режим, крутые детки. Когда мама с папой сообщили, что определили меня сюда, сердце у меня екнуло, а потом я подумала: «Какого дьявола? Школы – они все одинаковые. Школа,

дом – один черт, все равно тюрьма, так ведь? Везде тебя подгоняют под стандарты». Где я, не важно – голова моя при мне, и что в ней делается, никто не проконтролирует.

И вообще, не важно, куда меня послали, я все равно здесь долго не задержусь. У меня свои заботы – ну, то есть одна большая забота или, лучше сказать, маленькая забота, которая растет с каждым днем. А значит, пора думать своей головой, планировать, решать.

Надо стать самой себе хозяйкой.

Больше ждать нельзя.

Пора бежать отсюда.

Адам

Он первый начал. Я не виноват.

Когда я выходил утром из дому, бабуля просила не нарываться на неприятности, да я и сам не собирался. Всего-то хотел – явиться, зарегистрироваться, сделать что скажут, и вернуться к бабуле.

Я заранее знаю, что там будет прорва «двадцать седьмых», потому что их везде прорва. Я засекал их все лето. Записи в книге показывают одно и то же, где бы я ни побывал.

«Килберн-роуд. 84».

«Винный магазин, шерри для бабули. 12».

Их так много, что я больше не записываю подробностей. Не могу. Я только фиксирую, сколько когда видел. Тех, у кого другие числа, или знакомых я записываю как полагается. Мне от этого сразу легче – хоть немножко. По крайней мере, раньше легче. Но чем дольше я живу в Лондоне, тем отчетливее понимаю: мы с бабулей крепко облажались. Не надо было сюда приезжать. Здесь опасно. Скоро погибнет много народу.

Вот я и решил: буду держаться тише воды ниже травы, делать все как следует, чтобы бабуля была довольна, но только до тех пор, пока не разберусь, как унести отсюда ноги и куда податься. Надо найти место, где нет «двадцать седьмых». Если никто не собирается погибать в январе 2027 года, так, наверно, и у меня больше шансов выжить – своего-то числа я не знаю, вот в чем дело. Не знаю – и все. Узнать его можно только одним способом – найти другого человека, который тоже видит числа, – а я почти уверен, что я такой один.

В дверях у стойки регистрации давка. Не люблю толпу и никогда не любил – много народу, много смертей, – но все равно заставляю себя пройти в ворота и встать в очередь. Моргнуть не успеваю, как позади набирается толпа, словно стадо в загоне, деваться мне некуда, меня колотит. На верхней губе и под мышками пробивается пот. Оглядываюсь в поисках выхода. Кругом числа, числа, все кончаются на 2027, и вдруг это все обрушивается мне на голову – грохот, хаос, застрявшие руки и ноги, сломанные кости, тьма, отчаяние.

Надо брать себя в руки. Мама меня научила.

«Дыши помедленнее, – говорила она. – Надо себя заставлять. Вдох через нос, выдох через рот. Ни на кого не смотри. Гляди под ноги. Вдох через нос – два, три, четыре, – выдох через рот – два, три, четыре».

Стараюсь не смотреть по сторонам, гляжу вниз, в лес ног, ботинок, сумок. Если не видеть числа, это ощущение пройдет. Я приду в норму. Дышу я неровно и мелко, воздуха не хватает, чтобы наполнить легкие.

«Вдох через нос, выдох через рот. Давай. Все получится».

Не помогает. Только хуже. Сейчас меня вырвет... или я хлопнусь в обморок...

Кто-то бьет меня по спине. Я упираюсь подошвами в землю и стою на месте.

«Дыши медленнее».

Почему не помогает?!

Сзади напирают сильнее. Какой-то парень так и лезет, пытается меня обойти. Сейчас повалит на фиг – и все, меня затопчут, раздавят в лепешку. Наверно, это он специально – но я такой смерти не хочу и не собираюсь сдаваться без боя.

Вот, опять!

Я разворачиваюсь и врезаю ему под дых локтем.

– Блин! Гляди, куда прешь!

Он так и выплевывает эти слова – парень чуть ниже меня, с кривыми зубами и стрижкой бобриком. Я сделал ему больно, и теперь по его взгляду видно: он хочет сделать мне больно в ответ. Знаю я этот взгляд – сто раз уже видел. Надо бы мне собраться, напрячься, приготовиться к первому удару, – но его число так и жжет меня. Не такое оно, как у всех, – странное. Парню осталось всего три месяца. 6122026. В мозгу у меня вспышка – нож, горячий металлический запах крови, – и от этого меня тошнит еще пуще. Не могу пошевелиться – его число, его смерть вцепились в меня мертвой хваткой. Закрываю глаза, пытаюсь отогнать эту картину, развеять чары. Открываю – за долю секунды до того, как его кулак бьет меня в лицо.

Кто-то, наверное, его толкнул: он задел мне только ухо, да и то

слегка, но мне хватило, чтобы вернуться к реальности. Сжимаю кулак и бью его в живот. Ему больно, конечно, но до нокаута далеко – парень снова лезет ко мне, лупит под ребра раз, другой. Кругом визжат и хохочут, но это не важно. Важно – это мы с ним, он и я.

Даю ему сдачи. Теперь я уже хочу, чтобы ему было больно. Хочу прогнать его отсюда. Хочу все это прогнать подальше – этого парня, эту толпу, эту школу, бабулю, Лондон.

– Хватит, ребята, брейк!

Это охранник – размером с небольшую гору. Пробирается сквозь толпу и хватает нас обоих за шкирятник.

Крысорожий пытается протестовать.

– Ничо я не делал! А он взял и как навалится на меня! Ну и чо мне было делать, а?

В ответ его только еще разок встряхивают и велют заткнуться.

Нас волокут вперед, толпа расступается. Заставляют по одному пройти через рамку-металлоискатель, а по ту сторону еще и обыскивают. Потом нас конвоируют по коридору в какой-то кабинет, где нас ждет завуч.

– Судя по вашему сегодняшнему поведению, мы напрасно приняли вас в нашу школу.

Завуч весь такой в рубашечке и галстучке – из тех, кто не говорит, а только выступает. Зачитывает нам «Закон об антиобщественном поведении», но я не слушаю. Смотрю на перхоть у него на плечах, на обтрепанный рукав пиджака.

– Драться в первый же день – стыд и позор, стыд и позор! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Думаю, крысорожий – оказалось, его зовут Джуниор – уже бывал в таких кабинетах. Знает, как положено себя вести. Мы оба сначала стоим молча, а секунд через десять мямлим:

– Нет, сэр, ничего, сэр.

– Не знаю, что вы там не поделили, но я требую, чтобы вы помирились, раз и навсегда. Пожмите друг другу руки, мальчики.

Мы глядим друг на друга – и снова его число застилает все остальное, и я оказываюсь рядом с ним в тот миг, когда нож входит в

тело. Так и чувствую его испуг, неверие, жгучую боль.

– Жми мне пять, козел, – шипит на меня Джуниор.

Я прихожу в себя: вот они, кабинет, учитель, Джуниор. Джуниор протягивает мне руку. Я беру ее и пожимаю. Он стискивает мне пальцы так сильно, что кости хрустят. Я не показываю вида, только стискиваю ему руку в ответ.

– Отведите их обратно к стойке регистрации. Мальчики, я не хочу больше видеть вас в этом кабинете. Понятно?

– Да, сэр.

Нас конвоируют обратно и ставят в конец очереди. Я стою перед Джуниором. Он наклоняется ко мне и шепчет прямо в ухо:

– Это была самая большая ошибка в твоей жизни, debil.

Я делаю полшага – лишь бы подальше от него – и задеваю девчонку, которая стоит передо мной.

– Извини.

Она глядит на меня через плечо – девчонка как девчонка, сантиметров на пятнадцать ниже меня, длинные блондинистые патлы. Наверно, собиралась прищуриться на меня по-злому – и тут замирает как вкопанная, и глазищи у нее делаются как тарелки.

– О господи, – шепчет она.

Знаю, многие думают, будто я чокнутый – из-за того, что я так на них гляжу, да еще и подолгу. Я стараюсь ни на кого не таращиться, честно, но иногда меня переклинивает, вымораживает из-за их чисел, худо из-за них становится, как с Джуниором. Но на эту девушку я не таращился. Я вообще только-только в очередь встал.

– Чего ты? – спрашиваю. – Что случилось?

Тут она разворачивается ко мне целиком – и глаз с меня не сводит. Глаза у нее голубые, самые голубые-голубые на свете, но под ними темные круги, а щеки бледные и ввалившиеся.

– Ты, – слабым голосом говорит она. – Это ты. – Белеет еще сильнее и неловко пятится от меня подальше, из очереди, отступает, все так же не сводя с меня глаз, и вдруг весь мир словно тает.

Ее число и ее смерть разом сносят мне крышу.

Она проживет еще больше пятидесяти лет – и я вижу, как она легко и незаметно расстается с жизнью в море любви и света. Я это чувствую – всем телом и еще внутри, в голове. И она не одна. Я с ней, она – это я, я – это она. Здравсьте, приехали!..

Тут она отворачивается и пускается бежать по коридору. Один из охранников замечает ее и кричит, но она не останавливается.

– Оба-на! В бега подалась! – цедит за спиной Джуниор. – Ничего, без регистрации далеко не убежит.

Так и есть. Входы-выходы заперты. Я вижу, как девушка в отчаянии дергает все ручки по очереди. Камеры в потолке следят за каждым ее движением. А ее скрутило по-крупному – молотит кулаком по стеклу, брыкается... Потом охранники хватают ее под локти с обеих сторон и тащат обратно в нашу сторону – но не в очередь, а куда-то в боковую комнату рядом со стойкой регистрации. Девушка визжит и отбивается, лицо ее перекосилось от ярости, но когда она на миг открывает глаза и снова видит меня, в них яснее ясного написано не только число.

Она боится до смерти.

Она боится меня.

Сара

Они хотят знать, какая муха меня укусила, почему я пыталась убежать. Что мне им сказать? Что сказать, чтобы не показаться чокнутой? Что я тут в очереди увидела парня, который снится мне в страшном сне? Что ночь за ночью я вижу, как мы с ним попадаем в какую-то адскую западню и он хватает ребенка – мою дочку – и тащит в огонь?!

И вот он оказался здесь, в моей новой школе. Этот дьявол. Эта тварь, которая существует только в моей голове, – вот он, тут как тут.

Так что теперь я убедилась – это не просто страшный сон. Здесь все по-другому, по-настоящему.

Вот уж все обрадуются. Папа всё им обо мне рассказал – от и до: как и откуда меня исключали, и временно, и насовсем. Теперь и здесь уразумеют: я не просто «трудная», а еще и двинутая.

Вот я и молчу. Никаких оправданий. Никаких извинений. Мне читают стандартную нотацию. Тут обо мне всё знают – из каких школ меня выгнали пинком под зад и за что именно мне там дали пинка под зад. Видимо, то, что меня сюда вообще пустили, – большая честь. Я должна считать это шансом начать новую жизнь с чистого листа.

Стою и думаю: «Ни хрена вы обо мне не знаете» – и чувствую, как жмет в поясе юбка. «Никто ничего не знает. Никто не знает всей правды».

Меня ведут обратно к стойке регистрации, приставляют ко мне какого-то ботана, который обязан проследить, чтобы я благополучно добралась до кабинета и не подалась в самоволку по дороге. Оглядываю коридор – нет ли там того парня, парня из моих снов. Останавливаюсь на пороге кабинета и рассматриваю соучеников. Если этот парень здесь, в моем классе, я сюда ни ногой. Но его тут нет. До поры до времени мне ничего не грозит. Вот я и сажусь на свободное место и сижу себе, преданно глядя на классного руководителя, который нудит у доски. Ни слова не слышу. Думаю только об одном: этот парень – он настоящий? Кто он такой? Что он здесь делает? Время идет, и я уже почти уверена, что выдумала его, что я на самом деле двинутая и подсознанка решила портить мне не только ночи, но и дни.

Потом, на перемене, я вижу его опять.

Он сидит в сторонке, на низкой перегородке перед закутком с кабинетами физики и химии. С моего места можно наблюдать за ним так, чтобы он не заметил. Я пытаюсь вытряхнуть из головы весь перепсих и смотрю на него, как нормальный человек на нормального. Изучаю.

Он из тех, кто не может сидеть спокойно под страхом смертной казни. Сидит на перегородке – а нога у него все время дергается. И головой дергает, будто музыку слушает, но никаких наушников у него нет.

Еще бы он не сидел в сторонке. Он странненький, не такой, как все, – и двигается не так, и вообще не такой. Чего я только испугалась? Обычный псих, урод, никто.

А потом он вытаскивает из кармана записную книжку и принимается в ней что-то писать – нагнулся вперед и локтем заслонился. Не знаю, что он там пишет, но явно не хочет, чтобы кто-то подсмотрел. Значит, у него свои тайны, у этого парня, – это мне даже нравится. Еще мне нравится, что у него записная книжка и он пишет на бумаге: мне самой нравится рисовать на бумаге, ощущать в руке карандаш, а больше, наверное, никто бумагу и в руки не берет – есть же тач-скрины и распознавалки для голоса. А он не такой, как все. Не такой, как все, – это нормально. И вообще мне ужасно интересно, что он там пишет.

Когда он пишет, то ерзает на месте, и на левую сторону его лица падает свет. Да он, оказывается, очень даже ничего – и не просто ничего, а самый настоящий красавец: овал лица, глубоко посаженные глаза, четко очерченная линия челюсти, изгиб губ. А какая кожа. Теплого бежевого цвета, можно сказать, медовая, такая гладкая и чистая... это неправильно. Парень из моего сна – тот, кого я испугалась, – весь в шрамах, лицо у него в таких отметинах, что прямо чувствуешь, какое оно шершавое.

Это не он.

Этого не может быть.

Я хмыкаю и трясую головой. Выставила себя душой и влипла по уши в первый же день – вообще нипочему. Молодчина, Сара.

Наверное, он заметил движение краем глаза – оборачивается и

видит меня. Захлопывает свою книжку, пихает обратно в карман, не сводя с меня глаз. Вид у него виноватый – и я тоже чувствую себя виноватой: я на него пялилась, а он меня застукал. Но я не отвожу взгляд – и, когда мы смотрим друг на друга, у меня перехватывает дух. Между нами есть какая-то связь.

Я не двинутая.

Я знаю его, а он знает меня.

Господи, что происходит?!

Адам

– Ну, все ничего?

Когда я возвращаюсь домой, бабуля сидит на своей табуретке в кухне, как я и думал. Куда бы ее ни занесло – что сюда, что в Уэстон, – она найдет куда взгромоздиться, отыщет себе местечко и торчит себе там, хлещет чай и дымит весь день напролет.

– Типа того. – Пожимаю плечами.

Она, бабуля в смысле, вроде бы и не двигается – но при этом всегда все замечает, только я не хочу ничего ей рассказывать про школу. Рано еще. Ни к чему ей знать, что я завел себе врага и встретил девушку.

На Джуниора с его угрозами мне начхать. Таких кретинов и таких гадостей мне всю жизнь хватало. Хочет, чтобы я еще разок дал ему под дых, – дам. Я его не испугался. А вот число у него – это другое дело. Я записал его на перемене – но все равно не могу забыть. Мерзкая смерть, и так скоро. Она меня так мучает, что в голове мелькают совершенно лишние мысли. Например, может быть, я при этом буду. А может быть, это у меня в руке будет нож...

Даже сейчас, когда я стою в кухне, опираясь на скамейку, лицо мне заливает пот – будто вот-вот хлопнусь в обморок. А вдруг у меня такое же число, как у Джуниора? Вдруг это не его смерть, а моя? То, что я не знаю собственного числа, бесит меня просто жутко. Я пытался его разглядеть. Все перепробовал – и в зеркало смотрел, и в отражение в окне, даже в воде. Ничего не выходит. Надо смотреть человеку в глаза, и все тут, а единственный человек на свете, на которого я не могу посмотреть, – это я сам.

Вообще-то я именно поэтому дергаюсь из-за всех этих «двадцать седьмых». Их так много, что я запросто могу оказаться среди них. В школе их сотни. В одном моем классе тринадцать.

– Адам, очнись. Я задала тебе вопрос!

Сквозь суматоху в голове пробивается бабулин голос, мозг не успевает вмешаться, и с языка у меня срывается:

– Тринадцать.

Блин! Проболтался!

– Что «тринадцать», малыш? – спрашивает бабуля.

– Да ничего. Так просто подумал... задачка одна по математике.

Бабуля прищуривается и выдувает в потолок струйку дыма. Надо срочно ее отвлекать, поэтому я роюсь в рюкзаке и выуживаю наладонник, который мне выдали, когда я наконец зарегистрировался. Я включал его на уроках, но у меня в жизни не было своего компа, мама считала, что в доме им не место, поэтому я вечно выглядел как полный лох. Видел, как на меня косятся и смеются – мол, дикий совсем, только с пальмы слез.

Бабуля косится на наладонник, но без особого интереса. Она нацелилась в меня, и никакие халявные гаджеты не собьют ей мушку.

– Ну, ты же любишь математику, – говорит бабуля. – И числа любишь.

Я? Люблю числа?! Люблю?! Бабуля пристально смотрит на меня – и вдруг я перестаю понимать, про что она спрашивает. Я про числа никому не рассказывал, кроме мамы и еще одной учительницы в школе, когда был маленький и еще не разобрался, что это такое. Мама всегда говорила, что числа – это наш секрет и знаем о них только мы с ней. Вот я и помалкивал. Никому не рассказывал. Когда она умерла, я решил, что теперь о них знаю только я один. Один на свете. Теперь я засомневался.

– Да нет, не то чтобы люблю, – отвечаю, тщательно подбирая слова. – Просто без них в жизни никак.

– Ага, – кивает бабуля. – Никак.

Мы таращимся друг на друга с минуту – и ничего не говорим. Бубнит радио – новости, типа правительство признало, что промахнулось по целям в Киото на несколько миль, – соседский пес тявкает, как обычно, но молчание наше так и трещит от электричества.

– Адам, я знаю – ты не такой, как все, – говорит наконец бабуля, и по спине у меня бежит холодок. – Я сразу это увидела, как только ты родился.

– Что ты увидела?..

– Я увидела – и вижу сейчас – красивого мальчика. Они в тебе

оба – и папа, и мама. Господи, ты так похож на моего Терри. Иногда, честное слово, так и кажется, будто он рядом... словно ничего и не...

Она умолкает. Глаза у нее поблескивают больше обычного, а веки порозовели.

– А еще, бабуля? – Да, она что-то знает. Коротко вздыхает и глядит мне прямо в глаза, глубоко-глубоко.

– А еще у тебя такая аура – ни у кого таких не видела. Красная с золотом. Честное слово, ты ни на кого не похож. За тобой пойдут на край света. Ты из чего угодно выпутаешься. В тебе столько отваги – она так и лучится. Ты сильный – сильный духом. На что угодно спорю – у тебя предназначение.

Решаю рискнуть. Надо наконец выяснить.

– А число у меня какое?

Она хмурится.

– Сынок, я чисел не вижу. Я не такая, как ты и мама.

Выходит, она все знает.

– Откуда ты про них узнала?

– Твоя мама рассказала. Я уже давным-давно про них знаю, а когда она обнаружила, что у нее будешь ты, то сразу мне позвонила.

Тут я понимаю: придется ей рассказать про первое января – рассказать, что я держал в себе все лето.

– Баб, половина народу в Лондоне погибнет в следующем году. Я не сочиняю. Я видел их числа.

Она кивает:

– Знаю.

– Откуда?!

– Ну, Джем говорила мне про две тысячи двадцать седьмой. Предупреждала.

Хватаюсь за голову. Бабуля все знает! Мама все знала! Меня трясет, но не от страха, а от злости. Совсем обалдели – ничего мне не говорить? Как можно было бросить меня одного?!

– Почему ты мне не сказала? А она?..

Злость во мне так и шипит, так и бурлит в руках и ногах. Пинаю панель на стене под кухонными шкафчиками.

– Перестань!

Мне надо что-то разнести, иначе я сейчас лопну. Пинаю панель еще раз – она со стуком валится на пол.

– Адам! Прекрати!

Бабуля уже на ногах и кидается ко мне. Хватает за запястья. Я пытаюсь вывернуться, но она сильная, гораздо сильнее, чем кажется с виду. Несколько секунд мы боремся. Потом она молниеносно отпускает одну руку и с размаху влепляет мне пощечину.

– Здесь нельзя! – кричит бабуля. – В моем доме – нельзя! Не потерплю!

Я немного прихожу в себя. Смотрю на все со стороны – парень-подросток подрался со старухой в ее кухне, – и мне становится жарко от стыда.

– Прости, баб, – говорю. Тру щеку – там, где она мне врезала. Не знаю, куда глаза деть.

– То-то же, – отвечает бабуля и идет ставить чайник. – Если ты успокоился и в состоянии *слушать*, можем все обсудить.

– Ладно, – говорю.

– И вообще сам заваривай чай. Мне надо перекурить.

Садится, нашаривает пачку, – и когда она достает сигарету и прикуривает, рука у нее дрожит, еле-еле.

Чай готов, и я сажусь напротив.

– Рассказывай, баб, – говорю. – Рассказывай все, что знаешь. Про меня, про маму, про папу. Я имею право...

Она разглядывает столешницу – или притворяется, будто разглядывает. Стряхивает на пол крошечный клочок пепла – а потом смотрит на меня, выдувает из уголка рта длинную струйку дыма и говорит:

– Да, право ты имеешь, и, похоже, сейчас самое время.

Сара

Он дергает дверь.

Я перестаю дышать.

В темноте слышно, как поворачивается дверная ручка, как металл царапает дерево: я заклинила дверь стулом. Слышно, как они трутся друг о друга – это он шевелит дверь, сначала чуть-чуть, потом налегает изо всех сил. Так и вижу его лицо – сначала растерянное, потом злобное, – и отодвигаюсь подальше к изголовью, сижу прямо-прямо, уткнувшись подбородком в колени, и скрещиваю на счастье пальцы на обеих руках.

На несколько секунд в комнате становится тихо – а потом он начинает снова. Не верит. Хочет убедиться.

Потом шаги – и тишина.

Я еще сильнее обхватываю коленки и качаюсь из стороны в сторону. Впору кричать, визжать, плясать – но тишину нарушать нельзя. Нельзя будить остальных – Марти и Люка в соседней комнате, маму в спальне дальше по коридору.

Теперь надо поспать. Теперь можно. Распрямляю ноги, проскальзываю под одеяло. Я устала, но спать не хочется, и приходится лежать целую вечность – и все это время я и ликую, и боюсь. Битву я выиграла – но война еще не кончена. В окно барабанит дождь.

Вот бы мне поспать – восемь часов пустоты, мечта! – но, даже когда удастся задремать, это не отдых. Я проваливаюсь в страшный сон, который поджидает меня каждую ночь.

Пламя пылает оранжевым.

Я горю заживо. Я в ловушке, меня завалило обломками.

Пламя пылает желтым.

Малышка кричит. Мы погибнем – мы с ней погибнем. Парень со шрамами на лице тоже здесь. Он сам – пламя, сам – огонь, он обожжен, обуглен, черная фигура среди грохочущего, трескучего, брызжущего жара.

Пламя пылает белым.

И он хватает малышку, мою девочку, и уходит, и пламя пожирает его.

Когда я силой заставляю себя проснуться, в комнате еще темно. Футболка на спине и простыня насквозь мокрые. В голове у меня число – яркое, будто неоновое, оно слепит мне глаза изнутри. Первое января две тысячи двадцать седьмого года. Такого мне раньше не снилось. Это что-то новое. Это он мне принес. Тот парень.

Тот парень из школы – и есть тот парень из моего сна. Это он. Я уверена. Сумел выбраться у меня из головы и пролез в мою жизнь. Как? Как ему это удалось? Хрень какая-то. Чушь собачья. Так не бывает.

Шарю по тумбочке, включаю свет. Тру глаза, пока они не привыкнут, и тут вижу стул, ножкой которого я заклинила дверь.

Еще как бывает, думаю я туповато. Еще и не такое бывает, сплошь и рядом.

Адам

Оказывается, они были знаменитости! Мои мама с папой. А я и не знал. Пару недель в 2009 году о них говорила вся страна и все их искали. «Разыскиваются подозреваемые». Подозревали их в том, чего они не делали, – просто оказались в ненужное время в ненужном месте. А все потому, что мама тоже видела числа – как я.

Бабуля сохранила вырезки из газет – у меня от них мурашки по коже. Мама с папой – такие молоденькие, моложе, чем я сейчас, глядят с первой страницы. Когда они завели меня, они были вообще дети. Папа так вообще про меня так и не узнал. Он погиб, когда мама еще не знала, что беременна.

Рассказали бы мне обо всем раньше – спросил бы у мамы, мы бы с ней поговорили... а так она про числа долдонила только одно – это тайна, и все тут. Никому нельзя говорить, какое у него число. Вот я и успел сказать на всем белом свете только ей – написал на той картинке в школе.

Что же с мамой после этого творилось, а? Каково ей было в последние годы – все знать? Кое-что я сейчас выясню. Рядом с моей записной книжкой лежит сложенный пополам конверт. Договорив все про папу и маму, бабуля дает его мне.

– Она хотела, чтобы ты это прочитал. Когда настанет время. Помоему, это как раз сейчас.

На конверте написано мое имя – маминым почерком, который я ни с чем не спутаю. Когда я его вижу, у меня сердце останавливается на секунду, вот честное слово. Не верится, что письмо настоящее. Оно от мамы. Оно – мне.

А бабуля, оказывается, прятала его от меня. Какое право она имела... Во мне снова вспыхивает злость.

– Давно оно у тебя? – спрашиваю.

– Она дала его мне за пару месяцев до того, как ушла.

– Почему ты не отдала его мне? Оно мое. На нем стоит мое имя.

– Я же тебе говорила, – произносит она медленно, словно к полудурку обращается, – она попросила, чтобы я сберегла его для

тебя. До той поры, пока ты не будешь готов...

– А ты, конечно, прекрасно понимаешь, готов я или нет! Ты-то точно знаешь, как лучше!

Она глядит мне прямо в глаза. Не хуже меня слышит, как между нами все звенит, и отступить не собирается.

– Да, знаю, твоя мама, по крайней мере, так считала. Она мне доверяла.

Я фыркаю.

– Мне шестнадцать лет. Я и без тебя могу все решить! Ты про меня ни фиги не знаешь!

– Я знаю больше, чем ты думаешь, сынок. Может, успокоишься наконец и вскрыешь конверт?

Конверт. А я и забыл, из-за чего мы тут лаемся.

– Я один прочитаю, – говорю и прижимаю конверт к груди. Он мой, а не бабулин. Она явно расстроена. По всему видно – старую клячу так и корежит от любопытства. Потом она громко хмыкает и тянется за очередной сигаретой.

– Естественно, – говорит она. – Естественно, читай. Потом приходи, поговорим. Я буду здесь, никуда не уйду.

Уношу письмо в комнату и сажусь на кровать. Это моя территория, моя личная комната – только на самом деле она не моя. У меня же своего – раз, два и обчелся. А остальное тут папино – то есть того мальчишки, который был моложе меня, мальчишки, которого я никогда не видел и который так обо мне и не узнал. Я тут как в музее – в окружении его барахла. После смерти папы бабуля ничего здесь не трогала, и было ясно, что селить меня сюда для нее нож острый, но мне было больше некуда деваться.

Кладу конверт на колени и таращусь на него. Мамин почерк. Этого конверта касались ее руки. Интересно, на нем что-нибудь осталось? Разглаживаю его пальцами. Да, я хочу прочитать письмо, но еще я понимаю: прочитаю – и все кончится. Больше у меня ничего от мамы не будет. Это как еще раз с ней прощаться.

А я не хочу, чтобы все кончалось. Я и так знаю, что уже все. Знаю, что ее нет – а теперь мне вернули маленькую ее частичку.

– Мама, – говорю.

Голос звучит непривычно, как будто чужой.

Как я хочу, чтобы она была здесь, со мной!

И я открываю конверт – и она здесь.

Как только я начинаю читать, сразу слышу ее голос, вижу, как она сидит в постели, опершись на подушки, и пишет. Волос у нее нет, никакого тела почитай что и не осталось. Отощала – даже лица не узнать. Но это все равно она. Все равно мама.

Дорогой Адам!

Я пишу это письмо, зная, что, когда ты его прочитаешь, меня уже не будет. Мне столько надо тебе сказать – но все сводится к одному. Я тебя люблю. Всегда любила и всегда буду любить.

Надеюсь, ты меня помнишь, но если начнешь забывать, как я выглядела или какой у меня голос или еще что-нибудь, то это ничего. Главное – помни саму любовь. Остальное не важно.

Жалко, что я не увижу, как ты растешь, но, раз не получится, я попросила бабулю за тобой приглядеть. Твоя бабуля – золото, веди себя с ней как следует, не хулигань и не груби.

Адам, мне надо, чтобы ты сделал одну вещь. Меня не будет, беречь тебя будет некому, поэтому я говорю тебе это сейчас. Живи в Уэстоне или где-нибудь еще в маленьком городке. Адам, не езди в Лондон. Когда я росла, то видела тамошние числа. Мы с тобой одинаковые – видим такое, о чем больше никто не должен знать. Я кое-кому говорила – нарушала собственное правило – и ни к чему хорошему это не привело. Никому не говори. Ни одной живой душе. Никогда. Будет только хуже, честное слово, Адам, я знаю, что говорю.

Лондон – опасное место. 112027. Когда я была маленькая, то видела это число у прорвы народу. Адам, найди место, где у всех хорошие числа, и там и оставайся. Не езди в Лондон. Не разрешай бабуле увезти тебя туда и саму ее не отпускай. Так будет лучше.

Все, мне пора. Дописать, попрощаться – мне страшно даже подумать об этом. Всех слов на свете не хватит, чтобы сказать тебе, как я тебя люблю. Ты – лучшее в моей жизни. Лучшее. Не

забывай.

С любовью – навеки —

Мама

XXXXXXXX

С подбородка у меня капает слеза – прямо на письмо. Чернила расплываются, будто салют, и мамины поцелуи тают на глазах.

– Тьфу!..

Вытираю бумагу пальцем – только все порчу. Нахожу в кармане смятую салфетку и промокаю бумагу, и все это время слезы так и текут. Тогда я откладываю письмо на подушку – от греха подальше – и даю им волю.

Я уже давно не плакал – с самой маминой смерти. Теперь мне не остановиться. Будто плотину прорвало – меня уносит волной, которая сильнее меня. Я плачу всем телом и ничего не могу поделать – громкие всхлипы, слезы и сопли, рыдания и тоненький писк, – я и не знал, что во мне живут такие звуки. А потом я сжимаюсь в комочек и качаюсь вперед-назад, вперед-назад, не знаю даже, сколько времени прошло, но потом понемногу останавливаюсь. И ничего уже не осталось. Ни слез, ничего.

Оглядываюсь, как будто впервые вижу эту комнату, и меня снова одолевает злость – щекочется в кончиках пальцев, пульсирует с ног до головы.

«Не ездь в Лондон. Не разрешай бабуле увезти тебя туда и саму ее не отпускай».

Так я и знал, что здесь опасно. Так я и знал, что не надо было нам сюда ехать.

Выбегаю из комнаты, хлопнув дверью, мчусь вниз по лестнице. Бабуля по-прежнему в кухне. Перед ней – чашка чаю, в зубах – сигарета.

– Она не хотела, чтобы мы с тобой ехали в Лондон! Хотела, чтобы мы остались в Уэстоне! Ты это знала? Знала? Знала?!!

Наваливаюсь на стол напротив бабули, вцепляюсь в него обеими руками, изо всех сил, аж пальцы белеют.

Бабуля поднимает руку и трет себе лоб. На миг прикрывает глаза – но когда она их открывает, в них светится упрямство и непокорность.

– Да-да, что-то она такое говорила.

– Что-то говорила – и ты все равно потащила меня сюда?!

– Да, потащила, но... – Она думает, со мной можно спорить, можно оправдаться! Совсем спятила? Да что бы она ни сказала – лучше не станет. Попалась, зараза, – оказывается, она только о себе и думала!

– Ведь я же говорил – не хочу никуда ехать! И мама говорила!

– Адам...

– Она тебе доверяла!

– Я знаю, но...

Она протягивает руку к пепельнице. Пальцы у нее дрожат, когда она тушит окурок. Пепельница переполнилась – грязная, гадостная, как она сама. Я тоже протягиваю руку, беру эту пакость и швыряю об стену. Пепельница валится на пол и разбивается. Осколки и окурки летят в разные стороны.

– Адам! – орет бабуля. – Хватит!

Ничего не хватит. Я ей еще покажу.

Хватаюсь за стол еще крепче и переворачиваю его, и он падает на бок, к мойке, битая посуда и старая заварка летят в одну кучу с пеплом и осколками.

– Господи боже мой! Адам, перестань!

– Заткнись! Не пыли мне тут!

– Как ты смеешь...

Пепельницы мне мало. Стола тоже мало. Они не виноваты. Это все она.

А значит, пора мне валить. Я-то понимаю, что теперь сделаю, – а это уже полный перебор. Так нельзя. А очень хочется, но стоит начать... если я начну, то уже не остановлюсь.

– Сволочь! Сволочь!

Выбегаю из кухни в коридор, оттуда – за дверь, пока не передумал. В лицо ударяет холод, я останавливаюсь подышать. Только мне не стоит. Во мне искрит столько энергии, я так завелся, что иду по улице, быстрее, быстрее, потом бегу. Пока я бегу, начинается дождь, и ледяные капли жгут мне лицо.

Я бегу не от нее. Я бегу от того, что мог бы с ней сделать. Так будет лучше. Нам обоим будет лучше, если я буду бежать и бежать и никогда не вернусь.

Сара

Мне с собой ничего не взять. Он всегда подвозит меня до школы и обязательно заметит лишние сумки. Значит, остается только школьный рюкзак – и деньги. На деньги все можно купить.

Когда я убегу, проверят мой счет. Попросят полицию или еще кого-нибудь проследить, что я потратила и где была. Нужна наличка. И побольше.

Я уже пару месяцев таскаю десятки у мамы из кошелька. По одной, чтобы она не заметила. Знаю, что папа держит деньги у себя в кабинете. Заходить к нему у меня не хватало духу – это его комната, она пахнет им. Даже когда я знаю, что его нет дома и еще сто лет не будет, все равно не могу себя заставить.

Теперь – другое дело. Завтра я убегу. Вытряхиваю из рюкзака все учебники – обойдусь без них, – а потом аккуратно складываю кое-какое белье, любимые футболки, спортивные штаны. Гляжу на джинсы в комод. Ужасно хочется прихватить пару – я всегда хожу в джинсах, – но даже самые любимые, выношенные и застиранные до того, что они стали мягкие и мешковатые, сейчас уже не годятся. Незачем мне брать вещи, которые я не смогу носить.

Подсчитываю припрятанные деньги – восемьдесят пять евро, мало. У Марти и Люка наверняка что-то есть. Обокрасть родных братьев? Сейчас – пожалуйста, только они сидят у себя по комнатам. А мне нужны еще деньги. Значит, придется позаимствовать папины денежки.

Он где-то гуляет – угощает клиентов обедом. Мама в гостиной смотрит ящик. Прохожу мимо двери, приостанавливаюсь. Есть и другой выход – или нет? Мне не обязательно убегать из дому. Можно вот прямо сейчас пойти и сесть рядом с мамой и все ей рассказать. А тогда – тогда ведь ей придется что-то сделать, правда? Позвонить в полицию? Выгнать его вон? Или собрать манатки и уехать и забрать нас – и меня, и мальчишек?

А может, она и слушать не станет. Отправит меня сидеть в свою комнату за такую наглую ложь. Или вообще пожмет плечами – мол, такова жизнь и такой уж у него характер.

Вообще-то я подозреваю, что она давно все поняла. Не слепая же. Только про ребенка она не знает. Никто не знает. Вот почему я ухожу. Этот ребенок – мой. И *он* его не увидит. Никогда к нему не притронется. Ребенок – мой, он растет во мне. Я его сберегу.

Я даже не знаю, какой у меня срок. Месячные у меня давно были через пень-колоду, я и не заметила, когда они прекратились. Но одежда уже так жмет, что скоро я не смогу больше прятать живот. Пора уходить.

Я думала, *он* запер кабинет, – но нет, там открыто. Ручка поворачивается, дверь плавно открывается. Делаю шаг за порог – и меня начинает мутить. Этот кабинет – вылитый *он* по стенам – сценки игры в гольф, стол и кресло красного дерева. Едва не впадаю в панику – но все равно подхожу к столу. Дергаю ящики. Заперто. Блин. Наверняка *он* носит ключ при себе, – значит, я влипла. Если дерну сильнее, сломаю замок, *он* заметит – и пошло-поехало.

В кабинете есть камин с полкой. Там *он* расставил семейные фотографии в рамках – сплошь счастливые лица да улыбки. Камеру не обманешь. Правда?

Вот мой портрет – снимали в какой-то поездке. Пляж в Корнуэльсе. Я в полосатом купальничке, светлые волосы падают на плечи. Глаза сощурены, потому что меня слепит солнце, улыбаюсь в объектив. Я обожала папу. *Он* был мой герой – большой, сильный, смешной. Все знал и все умел. А я была его принцесса. На этом фото мне семь, а когда *он* начал навещать меня по ночам, мне было двенадцать.

Что произошло? Почему *он* стал это делать? Неужели жизнь не могла остаться такой, как на этом снимке – золотой, солнечной, невинной?

Протягиваю руку и беру портрет. Как давно я перестала чувствовать себя девчушкой на фото, – можно сказать, между нами нет ничего общего. Я несколько секунд гляжу ей в глаза, а потом вдруг прижимаю снимок к груди. Мне хочется стать ей как мама. Мне хочется защитить ее. Мне уже поздно, думаю я, но для ребенка во мне – еще нет. Мы сможем начать все сначала, сможем прожить жизнь так, как положено.

Прямо передо мной – на уровне глаз, на каминной полке – лежит ключ. Оказывается, *он* хранит его за моим портретом. Беру ключ,

ставлю фото на место. Я так хочу отчаянно уцепиться за этот портрет, так хочу забрать его с собой, но, если что-то изменится, если будет какой-то непорядок, он заметит – и начнет задавать вопросы. Мне нельзя рисковать. Надо вести себя осторожно.

Ключ подходит к ящикам стола. Деньги лежат в верхнем. Три пачки купюр, стянутые резинками. Как мне быть – забрать все и надеяться, что он не заглянет сюда ни сегодня вечером, ни завтра утром? Рука замирает над открытым ящиком. В конце концов я беру одну пачку, ту, которая лежит в глубине: если он приоткроет ящик, все на вид будет как раньше. Он заметит пропажу, только если выдвинет ящик до упора.

Сую пачку в карман, задвигаю ящик, запираю замок и кладу ключ обратно за собственный портрет.

– Пока, – говорю я девчушке на снимке. Закрываю за собой дверь в кабинет и иду наверх. Кладу деньги во внутренний карман рюкзака, который застегивается на молнию, и проверяю, все ли я взяла.

Да, все. Теперь я готова.

Адам

– Разбейтесь на пары и сядьте с двух сторон стола лицом друг к другу. Сегодня мы рисуем портреты, время – шестьдесят минут. Ну, ищите себе пару!

Естественно, я снова в школе. Когда я не вернулся домой, бабуля позвонила в полицию и заявила, что я пропал. Не думал, что она на такое способна – а вот ведь. На следующее утро меня находят, тащат в полицию, снимают отпечатки пальцев, фотографируют, берут мазок изо рта на ДНК – а потом чипируют меня: раз – и делают укол в шею. Я и пикнуть не успеваю.

– Какого хрена! А ну, блин, руки уберите!

Поздно. Чип уже внутри – крошечная штучка, которая расскажет обо мне все что угодно, только спроси.

– Вы не имеете права! Я ничего не сделал!

– Подано заявление о твоём исчезновении. Тебе еще нет восемнадцати. Теперь не удерешь. Мы тебя сразу найдем.

Когда бабуля приходит за мной, я с ней не разговариваю и даже не гляжу на нее. По дороге домой она пытается восстановить мир.

– Мы оба погорячились, наговорили лишнего, но убегать-то зачем? Я волновалась. Не знала, где ты. Нам с тобой надо держаться вместе, Адам. Мы с тобой остались одни на белом свете...

Одни на белом свете. Это факт, но, раз так, она мне тоже не нужна. Она мне не мама. Я ее толком и не знаю, а что знаю, то мне не нравится.

– А знаешь, что они со мной сделали?

– Кто?

– Полиция. Знаешь, баб, что они со мной сделали? Взяли анализ на ДНК! И чипировали! Только за то, что я им попался! А все ты – нечего было заявлять на меня!

– Правда? Ох, Адам, какой ужас. Я не знала. Ну, ничего страшного, ты же не собираешься нарушать закон...

– Баб, чипируют обычно собак!

– Ну, сейчас уже всех. По всей стране. И до тебя дошла бы очередь, просто получилось пораньше.

Я стискиваю зубы, чтобы больше ничего не ляпнуть, и отворачиваюсь к окну. С ней говорить без толку, вообще без толку. Ни фига она не понимает.

Опять иду в школу – все равно лучше, чем сидеть с ней дома.

Скребнут по полу стулья – все меняются местами и рассаживаются по парам. Я встаю – готов идти, только позовите, – но никто не смотрит мне в глаза. Никто не хочет быть со мной в паре. В дальнем конце класса стоит в сторонке девушка – та самая девушка со светлыми патлами. Сара.

– Ладно, ты и ты, давайте ищите себе стол.

Сара поднимает голову и смотрит на меня – как будто нож метнула через весь класс. Она глядит на меня, как на врага, – прямо чистая ненависть, хотя нет, не чистая: вперемешку со страхом, который я уже видел. Что-то такое она обо мне знает – или думает, будто знает, – что-то плохое. Хуже некуда.

– Мисс, не надо, – просит она. – Пожалуйста, не сажайте меня с ним.

Кое-кто оборачивается: начинается интересненькое – или уже началось.

Учительница вздыхает:

– У нас нет времени на эту ерунду. Если никто не захочет поменяться, придется вам работать вместе. Добровольцы есть?

Все мотают головами и придвигают стулья поближе к столам.

– Ну все, садитесь.

– Я не хочу с ним сидеть.

– Или сядешь с ним, или пойдешь к директору.

А значит, позвонят домой. А значит, временно исключат из школы. Сара секунду обдумывает варианты, а потом садится за свободный стол. Лицо у нее – как грозовая туча. Я беру рюкзак, подхожу к ней и сажусь напротив. «Спокойно, – говорю я себе. – Не ляпни глупость. Не показывай, что ты псих. Веди себя нормально и вежливо».

– Привет, – говорю. – Меня зовут Адам.

– Я знаю, кто ты такой, – отвечает она, обращаясь к столу, но потом быстро-быстро стреляет в меня глазами, и тут я опять вижу ее число.

Я ощущаю его каждым нервом, каждой клеточкой, и умом, и телом – ошеломляющее ощущение теплоты, мирный переход из этой жизни в другую. А я – рядом с ней, вот честное слово, держу ее в объятиях, вдыхаю запах ее волос. Лежу рядом, чтобы побыть с ней – ради нее. Вдруг я перестаю понимать, кто это – Сара или мама. И что происходит – она меня покидает или, наоборот, приходит ко мне. По какую я сторону?!

– Перестань. Хватит пялиться.

Хлоп – я снова в школе «Форест-Грин».

– Мне же надо тебя рассмотреть, чтобы нарисовать, – говорю я.

– Что-то я не вижу, чтобы ты рисовал.

Бросаю взгляд на стол. Сара уже наметила овал лица и тонкие линии там, где будут мои глаза, нос и рот.

– Ага, – говорю. – Да-да.

Лезу в рюкзак за пеналом, поддвигаю к себе лист бумаги и начинаю рисовать контур Саринового лица. Волосы у нее до плеч и чуть-чуть волнистые. Глаза не очень большие, зато пронзительные, красивые, со стрельчатыми ресницами. Нос прямой, волевой такой, – не смешная пуговка, как у некоторых девчонок, – но лица это не портит. Чем больше я на нее гляжу, тем больше понимаю, что для меня его ничто на свете не испортит.

Я изо всех сил стараюсь нарисовать ее похоже. Ужасно хочется, чтобы рисунок ей понравился. Но передать ее как есть, воздать ей должное не получается – видно, что на портрете девушка, только это не она. Я стираю, перерисовываю – не выходит, и все. А когда я гляжу, что рисует Сара, то вообще бросаю это дело. Она работает как настоящий художник, с тенями и всякими особенными линиями, от которых рисунок становится объемный. Ей как-то удалось отключить свою ненависть. Смотрит на меня как на предмет.

Лицо на ее портрете – это лицо юноши, а не мальчика. В линии скул и челюсти видна сила, а в линии губ – мягкость. Но самое

обалденное – глаза. Глядят с бумаги прямо на меня и больше никуда. Сара что-то такое с ними сделала, что видно, как в них отблескивает свет, и получилась искорка, которая их оживляет. На портрете – личность, которая умеет и смеяться, и горевать, и надеяться. Это не просто рисунок, похожий на меня, – она нарисовала, какой я на самом деле.

– Ого, – говорю. – Потрясающе.

Сара перестает рисовать – только смотрит она не на меня, а на мой рисунок. Я прикрываю его рукой, хочу спрятать.

– У меня ничего не вышло, – говорю. – Жалко, что я не могу нарисовать тебя – твоё лицо – как следует. Воздать тебе должное.

Она снова стреляет в меня глазами – только не улыбается и даже не краснеет, а щерится.

– Ну, понимаешь... я хотел... – Никак не подобрать слов. – Ну, в общем, у тебя такое милое лицо...

Дурак я – надо было держать язык за зубами. Похоже, я её обидел. Она смотрит в сторону, поджимает губы, – наверное, старается промолчать.

– ...И ты так здорово меня нарисовала... Я у тебя получился... Ну, таким...

– Красивым, – говорит Сара. Прямо смотрит мне в глаза, и хотя она хмурится, но не отводит взгляд – и тут меня снова захлестывает ощущение от её числа, теплота и покой. Мы с ней вдвоем, только мы с ней...

Вдруг она делает что-то невероятное.

– Не понимаю, – говорит Сара, и голос у неё тихий-тихий и огорченный, словно она говорит сама с собой, и она протягивает руку и нежно касается моей правой щеки. От удивления у меня отвисает челюсть, и, когда я выдыхаю, капелька слюны, которая скопилась в уголке губ, вылетает Саре прямо на большой палец.

– Сара... – шепчу я.

Она заглядывает мне прямо в душу и открывает рот, чтобы ответить... но тут кто-то присвистывает, и она отдергивает руку. Я оглядываюсь кругом – на нас смотрит весь класс.

Беспомощно гляжу на Сару – а она снова выключилась. Убирает карандаши в пенал, хватается за рюкзак – и при этом лицо у нее так и пылает. Звенит звонок с урока, все начинают шебаршиться.

– Домашнее задание – закончить портреты! – кричит учительница, перекрывая шум.

Складываю вещи в рюкзак, задвигаю стул.

– Сара, – говорю я еще раз, но от нее остался только пустой стул. Она забыла на столе и пенал, и рисунок – и испарилась.

Сара

В Лондоне двадцать тысяч камер видеонаблюдения, и они, не мигая, глядят на улицы двадцать четыре часа в день. Они следят за тобой, фотографируют, считывают микрочип, записывают, что ты делал, где, когда. Я-то думала, исчезнуть – уйти и раствориться в толпе – пара пустяков, но, когда доходит до дела, выясняется, что это невозможно. Практически.

Когда я после уроков выхожу из школы, то чувствую себя очень уверенно. У меня есть одежда, деньги. Маме и папе я сказала, что после школы зайду в клуб фотографов-любителей. Они обрадовались – вроде как я ищу себе друзей по интересам. А я выиграла лишний час.

Иду прямо в Центр образовательных ресурсов, в тамошний туалет. Запираюсь в кабинке, снимаю школьную форму, переодеваюсь в свою одежду. Сначала думаю выбросить форму, она мне больше не понадобится, но в последний момент запикиваю ее в рюкзак. Одежды у меня не так уж много, можно будет надевать форму подо что-нибудь для тепла. Через две минуты я выхожу обратно на улицу. Подъезжает автобус. Бегу к остановке, вскакиваю в него, вижу свободное место в конце салона, забираюсь туда и гляжу в окно.

Мне все равно, куда он едет, этот автобус, – главное, он меня увозит и едет быстрее, чем я хожу. Сердце у меня так и колотится – приходится прикрыть глаза на минуту и взять себя в руки. Получилось! Сбежала! То есть – сбежали. Пока мы еще не в безопасности, но с каждой минутой, с каждой секундой уезжаем все дальше и дальше – от дома, от школы, от *него*, от Адама.

Адам.

Когда я сидела так близко, рисовала его, смотрела на него – смотрела как следует, – то все больше убеждалась, что это он – парень из моего сна. Только он вблизи совсем не страшный. Странненький, да, весь дерганый, не может сидеть спокойно, зато как посмотрит на тебя – как будто видит насквозь. Вроде бы я должна была перепугаться до икоты – а нет, наоборот, хотелось посмотреть на него в ответ.

Во сне мне страшно до смерти. Во сне он рядом со мной, а кругом бушует пламя, и он берет самое дорогое, что у меня есть, мою малышку, отнимает ее у меня и уносит в огонь. Только Ночной Адам весь в шрамах, пол-лица у него жутко изуродовано. А у Школьного Адама кожа просто фантастическая – гладкая, теплая, цвета кофе с молоком. Когда я потрогала ее, когда я протянула руку и потрогала его лицо, оно и на ощупь было такое же. Идеальное. У него идеальное лицо, и на один безумный миг я представила себе, как он наклоняется ко мне, как я заглядываю ему в глаза, как касаюсь его губами...

Автобус трясет, и я вскидываюсь. С потолка прямо на меня глядит объектив камеры. Блин! Ну еще бы! Камеры есть во всех автобусах! Надо выходить. Срочно. Нажимаю кнопку остановки по требованию, встаю, иду к дверям. Скорее, скорее! До остановки, похоже, миль сто. В конце концов тормоза скрипят, мы останавливаемся, и я выскакиваю наружу, как только двери чуть-чуть приоткрываются, и шагаю отсюда как можно быстрее. Я стараюсь не бежать – бегущий человек сразу бросается в глаза и запоминается. Камеры вдоль дороги расставлены через каждые сто метров, а на углу – большой экран информации. На таких экранах показывают фото пропавших людей. Я их уже видела. Никогда не думала, что среди них могут быть беглецы вроде меня, те, кто не хочет, чтобы его нашли. Вдруг завтра здесь будет мое лицо? Поскорее ныряю в переулок.

На ходу лихорадочно соображаю. Что мне теперь делать? Если пойду в гостиницу или хостел, там попросят удостоверение личности. Нужно раздобыть фальшивое – или идти туда, где удостоверения не спрашивают. Нужно попасть в мертвую зону, исчезнуть.

Самой, без полезных знакомых, этого не сделать.

Тут до меня доходит, во что я вляпалась – шестнадцатилетняя девчонка из престижного коттеджного поселка, беременная, одна, в незнакомом районе Лондона с двумя тысячами евро наличными в рюкзаке. О чем я только думала? С чего я решила, будто мне такое по зубам?!

Гляжу на часы. 16.40. Минут через десять маме станет интересно, где я пропадаю. У меня нет времени! В конце улицы грохочет поезд. Можно уехать куда-нибудь на поезде. Если удастся сесть на него незамеченной, к вечеру я окажусь в пятидесяти, ста,

двухстах милях отсюда – в любой точке Соединенного Королевства. Деньги у меня есть. Все будет нормально.

Точно. Надо добраться до Паддингтонского вокзала.

Плохо, что я не понимаю, куда меня занесло. Придется рискнуть – вернуться на большую дорогу и опять сесть в автобус. Часов до шести, а то и дольше, мама не станет звонить в полицию... наверное. А я к тому времени буду уже далеко.

Да, Паддингтонский вокзал – это правильно.

Выхожу на большую дорогу, и долго ждать мне не приходится. Поднимаю воротник, хотя сама понимаю, что от этого ничего не изменится, и сижу, низко опустив голову. Добираюсь до вокзала, покупаю бутылку колы, стараюсь разобраться, где стоят камеры, найти местечко, где можно посмотреть расписание и придумать, куда ехать, и при этом меня не заметят. Тут я вижу, что на меня уже смотрят.

Ко мне подваливает какой-то тип:

– Чего, приезжая? Комната нужна?

– Нет, – говорю, – все нормально. Жду приятеля.

Тип оглядывает меня с ног до головы и скалится.

– Давай я буду твой приятель.

Стоит ко мне впритирку. Прямо лицом к лицу.

– Нет, – повторяю. – Все нормально.

– Ладно тебе, – говорит он. – В таких местах девочки одни не шлятся.

Мне в ноздри ударяет вонь – дешевый лосьон после бритья пополам с перегаром изо рта.

– Отвали, – говорю я храбро, хотя на самом деле меня трясет. И шагаю через зал – какие там сканеры, мне бы от этого придурка отделаться.

Надо купить билет, сесть в поезд и уехать отсюда подальше. Только я не понимаю куда, вот в чем дело. Куда мне податься. У кассы стоит девушка. Чуть старше меня. Кожаная куртка, все ухо в пирсинге. Смотрит, как я иду, удираю от подонка, который пытался

меня склеить.

Останавливаюсь и отпиваю глоток колы.

– Больные какие-то, да? – говорит девушка.

– Кто?

– Да эти козлы. Думают, раз ты одна, так и пристать можно. Маньяки.

– Ага, – говорю. Протягиваю ей бутылку.

– Пасиб, – говорит девушка и тоже отпивает.

– Едешь куда-то?

– Ага, из Лондона.

– Там хорошо, где нас нет?

– Да мне все равно куда.

– А ты знаешь, что билет без удостоверения не продают?

– Ой... – Этого я не знала.

– Если тебе некуда податься, так у меня квартира. Хочешь, перекантуйся у меня несколько дней, пока все не рассосется. Есть диван...

– Серьезно?

Она кивает:

– А то. Сама в такое вляпывалась. Можешь мне не рассказывать. Нужно прийти в себя, подумать. Отсидеться.

Я ее не знаю. Не знаю, где она живет. Но она мне нравится – правильное у нее отношение к жизни. Она такая же, как я, сама так сказала.

– Ну, если на пару дней...

– На пару дней.

Возвращает мне колу.

– Меня, кстати, Мэг зовут, – говорит.

– А меня Сара.

– Пошли, – говорит она. – Прочь из этой мясной лавки.

Вот я и иду за ней по вокзалу. Нас захлестывает толпа – сотни и тысячи людей, – но это ничего: я больше не одна.

У меня появилась полезная знакомая, которая знает жизнь, и крыша над головой.

Адам

Она исчезла.

На следующий день я бегу в школу на взводе. Надо найти ее и поговорить. Не могу дождаться. Но она взяла и не пришла – ни тогда, ни на следующий день. Начинаю расспрашивать одноклассников, но никто не знает, куда она подевалась. Про нее вообще никто ничего не знает.

У меня из-за этого сносит башню. Связь между нами, это электричество – больше ни о чем даже думать не могу. Лежу в кровати вечером и чувствую прикосновение ее руки, и меня в пот бросает. Мне это не приснилось. Это было на самом деле – и меня на самом деле всего колбасит, стоит только представить себе, как я увижу ее, обниму, прикоснусь к ней...

Это нечестно! Единственный человек в школе, который понял меня, увидел, какой я на самом деле – и вот ее нет!

– Куда это подевалась твоя девушка?

– Поглядела повнимательнее – и сразу свинтила!

– Да ну его, все равно ни хрена не слышит.

Все это меня бесит – эти дебильные шуточки, – но я не обращаю на них внимания. Фигня все это. Здесь все фигня.

Сажу на уроках и прямо чувствую, как время уходит, – учителя-то ни черта не знают. С утра до вечера талдычат про историю с географией и литературу с физикой, а я-то понимаю – все вот-вот рухнет и нам кранты, осталось несколько месяцев! Слова, слова – тектонические сдвиги, глобальное потепление, предельное потребление нефти, предельное потребление воды, – разве это связано с тем, что происходит за окном, в Лондоне, сегодня? Здесь что-то началось, и теперь все переменится и половина народу в классе погибнет. В школе про это не рассказывают.

Надо разыскать Сару. Она что-то знает, зуб даю. А где она – непонятно, но не здесь, и если я буду сидеть на попе ровно, то точно ее не найду. Учительница выводит на экран классного компьютера карту мира и велит нанести границы тектонических плит на

контурную карту, которую она разослала на наши наладонники.

Лезу в рюкзак за наладонником – а вместо него вытаскиваю Сарин пенал. Я взял его, когда она убежала из кабинета рисования, чтобы не потерялся, – думал, отдам на следующий день вместе с моим портретом, который она нарисовала. Расстегиваю молнию на пенале и заглядываю внутрь. Там нет ничего, кроме карандашей, ручек и стиралок, но у меня такое чувство, будто я заглянул куда нельзя. Собираюсь закрыть его, но тут мне бросается в глаза какая-то надпись внутри – ее имя и адрес, аккуратно, печатными буквами, черной ручкой. Провожу по ним пальцем, как по маминому письму, – хочу почувствовать, что это – ее. Перечитываю адрес раз, другой, пока не запоминаю наизусть. Кручу его в голове до конца урока – и когда звонит звонок, я уже знаю, что делать.

Вместо того чтобы идти домой, я вбиваю Сарин адрес в наладонник, и навигатор прокладывает мне маршрут. До Хэмпстеда больше шести километров, и я топаю туда час с лишним, но пройти мне очень кстати. Такое ощущение, что занят нужным делом. Такое ощущение, что занят.

Когда я дохожу до ее района, то начинаю сильно сомневаться, стоило ли соваться сюда. Сплошные особняки, большие, с электрическими воротами. Неужели Сара и правда здесь живет? Я знаю, ее возят в школу на роскошной тачке, слышал, как про это болтали, но тут совсем другая история. Ясно, почему ей больше нравится сидеть дома, а не в школу ходить. Жил бы я в таком месте – носу бы наружу не показывал.

Номер шесть прячется за высоченной кирпичной стеной с двумя видеокамерами наверху. Ворота стальные, сплошные – нипочем не подглядеть, что там внутри. Решетка домофона с кнопкой под ней. Кнопку я нажимаю – иначе за ворота не попасть. Почти тут же из решетки раздается женский голос.

– Да?

Прокашливаюсь.

– Я пришел повидать Сару. Я ее друг из школы.

– Из какой школы?

– «Форест-Грин».

Молчание. Потом ворота начинают открываться. Я решаю, что

это приглашение, и шагаю по подъездной дороге – под ногами хрустит гравий. Дом у нее – полный отпад. Весь белый, спереди большие колонны. У дверей припаркован черный «мерс», рядом – красный «порше». Офонареть! Ее семейка – не просто богачи, они миллионеры!

Когда я подхожу, входная дверь открывается, но это не женщина, с которой я говорил по домофону, – это мужчина. Здоровенный такой, высокий, а кажется еще выше, потому что стоит в дверях, а я – внизу у крыльца. На ногах у него черные мокасины, блестящие, дорожные. Темные брюки от костюма и наглаженная белая рубашка с закатанными рукавами. Галстук он распустил. Смотрит так, будто меня кошка в зубах принесла, – а я вижу его число. 112027. Еще один. Сарин папа.

Войти он не предлагает.

– Ты что-то знаешь о Саре? – спрашивает он. – Ты ее видел?

Значит, дома ее тоже нет. Подалась в бега.

– Нет, – говорю, – я ее уже несколько дней не видел. Думал, она здесь. Хотел поговорить.

– Поговорить?

– Ну да, мы... мы дружим. – Как-то коряво это у меня выходит.

– Она дружит с тобой! – Он мне то ли не верит, то ли не хочет верить. Не нравится он мне и тон его не нравится.

– Ну да, – говорю, – на рисовании вместе сидим.

– Она тебе нравится, так ведь? – На что это он намекает?

– Ну да. Я же сказал – мы дружим.

Он выходит за дверь и начинает спускаться ко мне.

– Она пробыла в школе всего несколько дней, – говорит он. – И сбежала. Что ты с ней сделал? В школе? Что ты с ней сделал?

– Ничего. И не ссорился. Мы дружим. Вот и все.

Соображаю, к чему он клонит, – видно по тому, как он набычился, – и понимаю: пора сваливать. Пячусь от него, но убежать не успеваю.

Он выбрасывает руку вперед, хватает меня за горло и прижимает

спиной к колонне. Наклоняется ко мне, дышит прямо в лицо, сдавливает шею, сейчас задушит.

– Ты к ней полез, да? Полез к ней своими грязными лапами, к моей дочери!

– Нет! – выдавливаю я. – Вы что!..

– Не выдержал и руки распустил, так ведь? Ах ты, гаденьш! Гаденьш!

Тычет мне своим числом прямо в глаза. Тоже «двадцать седьмой», но не такой, как все, – смерть у него другая, она идет изнутри, боль исходит из всего тела, стреляет от самого плеча, взрывает его.

– Гэри! Что случилось?

За его спиной, за порогом, появляется женщина. Наверное, Сарина мама. В халате, босиком.

– Что там? Что-то выяснили?

Папаша ослабляет хватку.

– Нет, – откликается он. – Ничего.

Я вырываюсь, растираю горло, ребра ходят ходуном – никак не отдышаться.

– Ничего, – повторяет он. Глядит, как я ковыляю по гравийной дороге, потом пускаюсь бежать. Слава богу, ворота еще открыты, – я выбегаю наружу и несусь со всех ног. Не останавливаюсь, пока не выбираюсь из этого душного пригорода и не попадаю в обычный человеческий район, где есть магазины и кафе и дома выходят прямо на улицу.

Влетаю в первую же газетную лавочку, покупаю себе колу, открываю банку, едва расплатившись.

– Э-э, в магазине нельзя! Только на вынос! – кричит парень за кассой. Ну его. Сахар из газировки шибает в кровь, трясучка понемногу унимается. Уф, хорошо, отпустило. Я уж думал, он меня убьет. Вот козел! Нет, я понимаю, он волнуется за дочку, но это же ненормально – вот так бросаться на человека, он же меня чуть не задушил!

Допиваю колу и протягиваю банку кассиру. Он кивает в сторону

бачка для вторсырья и дает мне мои пять центов с таким видом, будто от сердца отрывает.

– Спасибо, чел, – говорю я ему, выхожу из лавки и двигаю к дому. Ноги устали и едва плетутся, а в мыслях по-прежнему переполох. Сары нет дома. И в школе нет. Где ее носит?!

Сара

Трехкомнатная квартира на шесть девушек, в том числе и меня. Ничего так. Девушки встречают меня спокойно, показывают уголок, где можно бросить рюкзак.

Мэг знакомит меня с остальными, потом ведет в кухню и делает нам яичницу с жареной картошкой. Умираю с голоду. По утрам кусок в горло не лезет, зато к вечеру я все смету, что не приколочено.

– По-человечески ем раз в день, – говорит Мэг. – А в остальное время диета рок-чики – сигареты, водка и... ну, сама знаешь.

При этой мысли у меня подводит живот. Я в жизни не пила спиртного, в жизни не курила – а сейчас тем более не буду.

Наверное, я скривилась, потому что Мэг добавляет:

– Придется тебе пить. Тут все пьют. Иначе свихнешься. Ну, может, не сегодня, не в первый вечер.

– Почему свихнешься? Тут вроде неплохо...

Лицо у нее не меняется – только в глазах что-то мелькает. Что здесь делается? Открывается входная дверь, входит какой-то мужчина и прямоком шагает в кухню. Невысокий, всего на несколько сантиметров выше меня, но крепко сбитый, мышцы так и распирают рукава джинсовой куртки. В одной руке у него сигарета, в другой – ключи от машины.

– Все нормально? – спрашивает он у Мэг и наклоняется поцеловать ее в губы. В последний момент Мэг отворачивает голову и подставляет ему щеку. – Чего ломаешься, сука? – говорит он, и в голосе его звучит такой холод, что у меня волосы встают дыбом. Тут этот человек замечает меня – и заговаривает совсем по-другому. – А это у нас кто? – интересуется он и смотрит уже только на меня.

– Это Сара. Ей негде жить.

– Отлично, отлично. – Он оглядывает меня с ног до головы и протягивает руку. – Шейн. Добро пожаловать в наше скромное обиталище.

Пожимаю ему руку, иначе будет невежливо, а я не настолько

уверена в себе, чтобы грубить этому человеку, по крайней мере пока, – а он немного затягивает рукопожатие, и мне становится неприятно.

– Небось на улице на тебя оглядываются, – говорит он.

Я пожимаю плечами.

– Не волнуйся. Здесь тебя не тронут. Никто тебя не сдаст. Я возьму с тебя плату за жилье, но не сегодня. Первая ночевка даром. Завтра.

– А, – говорю. – Ладно.

Деньги у меня есть – он не сказал сколько, но я-то собираюсь пожить здесь день-другой, наверное, в полсотни евро уложусь. Или в сотню?

Девушки куда-то собираются, красятся, причесываются. Шейн шастает по спальням. На их месте я бы выгнала его взашей, но они все терпят. Мэг устраивается на диване и хлопает рядом с собой – приглашает меня сесть.

– А ты никуда не пойдешь? – спрашиваю.

– Нет, сегодня – нет. Побуду с тобой.

– Спасибо, – говорю.

Она достает жестяную баночку травы и бумажки и сворачивает косяк. Мы смотрим телик, а когда Шейн возвращается в гостиную, Мэг протягивает косяк ему и он стоит в сторонке и курит. Глядит на нас, а не в телик. Потом смотрит на часы – большие, броские, золотые.

– Девочки, на выход! – кричит он. – Пора!

Все остальные тянутся за дверь. Шейн выходит последним.

– Скоро Винни забежит. Примешь его, хорошо? – спрашивает он у Мэг.

– А то.

Он подходит к ней, сует пачку денег. Она запихивает их в лифчик.

– Ну, пока-пока, девочки, – говорит он, а потом подмигивает Мэг и показывает ей сразу два больших пальца.

Дверь за ним закрывается.

– Какой... славный, – говорю. – Повел всех погулять.

Мэг хмыкает, наклоняется, берет с пола бутылку водки и отпивает.

– Та еще сволочь. Но не такая сволочь, как все остальные. На. – Она протягивает бутылку мне.

– Нет, спасибо, – говорю.

– Валяй, не стесняйся.

– Нет, все нормально, просто я не пью.

– А травки? Впирает! – Она сует косяк мне под нос.

– Нет. Спасибо.

Мэг глядит на меня, и лицо у нее мягчеет. Протягивает руку и поправляет мне волосы.

– Лет-то тебе сколько?

– Восемнадцать, – говорю. Она улыбается.

– А на самом деле?

– Шестнадцать.

– Сара, беги домой. Беги домой, пока не поздно.

– У меня были причины уйти из дому.

– Причины у всех есть, но тут не лучше, честное слово. Я тебе помогу. Дам денег на такси и вообще...

– Не надо. Деньги у меня есть... – Мэг округляет глаза. Прижимает палец к губам.

– Никому не говори. Мне тоже не говори. Надеюсь, ты хорошо спрятала – здесь одни воровки.

– Они у меня... Пойду проверю.

Рюкзак я оставила в спальне. Вскрываю и бросаюсь за ним. Молния расстегнута. Кто-то в нем порылся. Деньги, конечно, исчезли. До последней бумажки.

– Черт! Их кто-то забрал! Ты мне поможешь их вернуть?

Мэг мотает головой:

– Все, их нет. Больше ты их не увидишь. Если у тебя есть деньги, носи их при себе. – Она хлопает себя по груди, куда она засунула деньги, которые дал ей Шейн.

– Но это же кто-то из девушек или Шейн! Он же заходил в спальни, правда? Нельзя же брать чужие вещи! Это мои деньги!

– Их больше нет. Это твой первый урок. Что, трудно? Будем надеяться, это не Шейн: если он видел вот это, все, пиши пропало. – Она вытаскивает из рюкзака мою школьную блузку с галстуком.

– И что?

– Заставит тебя завтра ее надеть. За девочку в школьной форме ему дадут в два раза больше.

Завтра. Шейн требует плату за ночлег, но какая-то зараза меня обчистила. Где мне теперь взять денег? Блин, откуда... Тут до меня доходит, что сказала Мэг.

За меня дадут денег. Завтра.

– Девушки, – говорю, – они же не погулять пошли, да?

Мэг опять прикладывается к бутылке.

– Нет, не погулять, – кивает она, – а на работу. Мне бы тоже надо, но Шейн дал мне выходной. Хочет, чтобы я за тобой присмотрела.

Присмотрела, значит. Чтобы я не сбежала. Чтобы застряла здесь до завтра. Завтра. О господи!

– Мэг, – говорю. – Я не могу... Я не могу, как остальные девушки!

При мысли об этом меня мутит. Я же от этого и убежала. Больше никогда никому не позволю со мной так поступать. Не допущу. Не...

Она снова протягивает ко мне руку. Гладит меня по голове, успокаивает, утешает.

– Можешь, можешь. В первый раз все нервничают, это ничего. Выпей водочки, покури травки, все и обойдется.

– Да нет, я, понимаешь, я... мне нельзя! Я беременна!

Она выпрямляется, хмурится – а потом откидывает голову и

хохочет.

– Господи Иисусе! Совсем слепая стала. Даже не заметила. Какой срок?

– Не знаю. – Я тоже выпрямляюсь и обтягиваю свитером раздутый живот.

– Ни фига себе пузо! Шестой месяц? Седьмой? Ну все, я тебя отсюда вытащу.

– А тебе за это ничего не будет?

– Будет, а как же, да плевать я хотела. Даже я не отправлю такого ягненочка на бойню.

– Так ведь меня такую никто... никто со мной... не захочет...

Мэг спускает ноги на пол и встает с дивана.

– Захотят-захотят, еще как. Тут такие психи водятся, мама не горюй, и Шейн всех знает. Ты точно домой не вернешься?

Мотаю головой. Что бы ни случилось, в какую бы мерзость я ни вляпалась, домой я не вернусь. Тогда Мэг подходит ко мне, приседает на корточки и обнимает меня.

– Ничего, подыщем тебе что-нибудь. Спрячем, – шепчет она мне на ухо.

В дверь звонят. Мэг отрывается от меня, тушь у нее потекла. Она проводит пальцем под глазами, моргает и громко шмыгает носом.

– Ну я даю. Совсем размякла, да? Это Вин. Сиди здесь.

Она идет открывать. Слышу два голоса – ее и мужской, они довольно долго о чем-то говорят, но слов мне не слышно. Потом Мэг возвращается ко мне.

– Это Винни, – говорит она. – Он согласился взять тебя к себе.

Из-за ее спины выходит человек. Высокий, тощий, голова – будто череп, глаза огромные.

Не знаю, что сказать, как быть. Не понимаю, кому можно верить. Я думала, Мэг нормальная. А она, оказывается, вербует девочек для сутенера. Мало ли кого она привела!

– Да не бойся ты, – говорит Мэг, – он тебя не тронет. Я бы ему жизнь доверила. И доверяю. Каждый день.

Они коротко улыбаются друг другу, потом она берет его под руку и кладет голову ему на плечо.

– Сара, он тебе ничего плохого не сделает. Разве я могу тебя подставить?

Смогла же!

Винни гладит Мэг по голове, потом высвобождается.

– Поживешь у нас в норе, – говорит он. – За так. Без базара. Шейн тебя там не достанет. И полиция. Никто.

– Почему? Почему ты соглашаешься?

Винни глядит в пол, переминается с ноги на ногу.

– Ну, Мэг сказала. Про маленького. Тебе же надо куда-то сховаться, а у меня есть куда. Все просто.

Зуб даю – все не просто, но я же понимаю, что будет, если я тут останусь. Выбор невелик, прямо скажем. Придется рискнуть.

– Ладно, – говорю.

– Выпьешь чего-нибудь, Вин? – спрашивает Мэг. – Посиди, выпьем...

Винни глядит на часы и мотает головой.

– Давай-ка двинем, цыпа. Собрались – так уж пошли. О'кей?

– Ладно, – говорю.

В дверях Мэг еще раз обнимает меня.

– Ты осторожней, – говорит она и гладит меня по животу. В первый раз кто-то, кроме меня, погладил моего ребенка. От этого все сразу становится настоящим. Во мне кто-то растет, новый человек. До меня доходит, что это значит, доходит реальность происходящего, и у меня кружится голова.

– Э, тебе плохо? – спрашивает Винни: я замираю, и меня слегка покачивает.

– Нет, – отвечаю. И делаю глубокий вдох. – Нет, все нормально. Пошли.

Адам

Иногда мне кажется, будто я ее сочинил. Сару. Помню ее такой идеальной – глаза, лицо. Закрываю глаза и чувствую, как ее пальцы касаются моей щеки. Как сон – только по-настоящему. Я знаю, что по-настоящему, – я же все тогда записал, как только добрался до дому.

Это все есть в моей книжке – и ее число, и все остальное, что я про нее помню. Целую страницу заняла. Перечитываю записи каждый день, а толку? Ее так не вернешь.

С тех пор как она исчезла, прошло уже три с лишним недели. Почти месяц.

Хожу по городу, высматриваю ее. Она же где-то есть. Была бы у меня ее фотка – показывал бы всем, расспрашивал, да только фотки у меня нет. Все только в памяти.

Вообще-то я не люблю бывать где много народу. Обычно я держусь от людей подальше, смотрю под ноги, чтобы случайно в глаза не заглянуть, но теперь другая история. Заставляю себя лезть в самую толчею. Пробиваюсь сквозь толпу, а иногда стою и смотрю – проверяю все лица. И везде на меня тоже смотрят. Обычно полиция тут же меня засекает и велит не задерживаться. И все эти хождения-брожения, все старания не приближают меня к Саре. Зато чисел у меня теперь – завались.

Число есть у каждого. И смерть есть у каждого.

Крики, стоны, удары и боль – больно рукам, больно ногам, боль сдавливает голову, боль простреливает все тело. Меня пронзает железо, на грудь наваливается такая тяжесть – не спихнешь, – я истекаю кровью – ее не остановить, легкие не дышат, пытаются втянуть воздух, а его нет. Я проживаю все эти смерти. Они мелькают во мне – и оставляют следы. От каждой меня встряхивает. От каждой я не могу опомниться и теряю силы.

Я все записываю, пытаюсь вытеснить каждую смерть или группу смертей из головы – и загнать в записную книжку. Раньше так и получалось, а теперь – нет, и смотреть на толпу я могу не больше двух часов подряд. Потом голова переполняется. Тогда надо уходить

– уходить подальше от людей, их историй, их концов.

– Черт побери, Адам, на тебе лица нет. Где ты был?

Стоит мне показаться на пороге, как бабуля начинает приставать.

– Где ты был? Куда ты вообще ходишь? С кем?

Хотел бы я, чтобы мне было куда деваться, – только некуда. Это мой дом. Ну, или типа того. Коробочка, в которой сидят два человека, которым нечего делать вместе. Протискиваюсь мимо бабули, топаю напрямик наверх, в свою комнату, и закрываюсь там. Вот чего я хочу, вот что мне нужно – закрытая дверь и никаких тебе лиц, никаких глаз, никаких смертей.

Лежу на кровати, сижу на полу – в голове все равно жужжит, я выбиваю ритм пальцами по спинке кровати, или нога у меня дергается, дергается, дергается... Нет, не могу я так сидеть и ждать. Надо что-то делать.

Достаю записную книжку, пролистываю страницы. Места, числа, смерти. Перечитываю по сотому разу. Везде сплошные «двадцать седьмые». Что же тут произойдет? Что произойдет в Лондоне, почему погибнет столько народу? В одних районах каждый третий – «двадцать седьмой», в других – каждый четвертый. Сколько вообще народу в Лондоне? Почти девять миллионов? Неужели трем миллионам осталось жить всего два с половиной месяца? Неужели и мне?..

Страшные это смерти – поломанные кости и хребты, разможенные черепа. Так погибают, когда дома рушатся, или взрываются, или на них что-то падает.

Да, похоже на войну или стихийное бедствие, потому что, если бы это была эпидемия – ну, грипп там, чума и все такое, – смерти были бы размазанные, правда? Не могли бы все умереть в несколько дней. И я бы не чувствовал того, что чувствую, когда вижу числа, – были бы жар, слабость и усталость. Правда?

Я вбил себе в голову, что во всем этом есть закономерность, надо только ее увидеть. Закономерность в распределении чисел. Они хотят мне что-то сказать. Потом мне приходит в голову, что записная книжка – это только начало, с этими данными можно как-то работать. У меня есть места. У меня есть даты. У меня есть разные виды смерти. Может, нанести их на карту? Бегу в гостиную за бабулиным

автомобильным атласом. Когда бабуля слышит меня, то высовывает голову из кухонной двери, начинает что-то говорить, но я делаю вид, будто не слышу, хватаю атлас и лечу обратно наверх.

Карты в атласе мелкие, в середине разворота вообще ничего не разглядишь. Начинаю со страниц с подъездными дорогами, вырываю их. Отрываются они плохо, так что, когда я раскладываю страницы на столе, не хватает кусочков из середины. Достāju пенал из школьного рюкзака и начинаю прорабатывать записную книжку. Первым делом отмечаю каждого человека точкой, но карта такая мелкая – стоило поставить десять точек, и уже получилась полная каша. Понимаю, что занимаюсь ерундой, но все-таки сдаюсь не сразу, а потом выпрямляюсь, гляжу, что у меня получилось, беру страницы обеими руками, сминаю и бросаю к дальней стене. Ничего не выходит.

На столе лежит мой наладонник. Тоже маленький, но я им уже пользовался и на уроках, и для домашних заданий, и в нем тонны всяких программ. Наверняка найдется и для этого. Эх, почему мама не разрешила мне завести комп?! Типа она не хотела, чтобы дома был Интернет. Там, типа, «одно вранье». Теперь-то мне ясно: она прятала от меня правду, и все тут. Если бы я узнал про нее и про папу, то задавал бы слишком много лишних вопросов. Если бы да кабы... Теперь-то чего париться?

Беру наладонник, включаю, иду и ложусь на кровать, обложившись подушками. Загорается приветствие: «Адам, добро пожаловать в сеть „Форест-Грин“. У тебя четыре невыполненных задания. Подробности и сроки...» Жму «Пропустить» и роюсь в программах. Функций – прорва, в том числе базы данных. Наверняка то, что нужно. Но не проверишь – не узнаешь.

Если чуть-чуть набить руку – раз плюнуть. Сначала создаешь такую большую таблицу с кучей столбцов. Надо только сделать так, чтобы искать можно было по любой категории и сортировать данные в любом порядке. Начинаю вбивать цифры из записной книжки. И тут я останавливаюсь.

«Адам, добро пожаловать в сеть „Форест-Грин“».

Я же в школьной сети – так, значит, все, что я тут делаю, могут подсмотреть?! Так и слышу мамин голос: «Никому не говори. Ни одной живой душе. Никогда».

Блин!

«Сохранить изменения в документе? Да. Нет».

Нет.

«Вы уверены, что хотите уничтожить эту базу данных? Да. Нет».

Да. Ввод.

Все, стер.

Выключаю наладонник и швыряю в дальний угол кровати. Чертова хреновина. В школе только и добиваются, чтобы мы все торчали в Сети, так легче держать нас под колпаком. Правильно мама говорила: лучше не иметь с этим всем ничего общего. Но насчет базы данных – это правильная мысль, я уверен.

На столе напротив меня стоит ноутбук. Настоящее ретро, наверное, папин. Интересно, может ли работать комп, которому уже шестнадцать лет? Слезая с кровати, топаю туда, вытираю пыль с крышки рукавом, открываю ноутбук и нажимаю «Пуск».

Последним, кто нажимал эту кнопку, был папа. Бабуля называла его Терри. Мама называла его Жук. Когда он делал это в последний раз, ему было пятнадцать. Интересно, они с мамой тогда уже познакомились? Может, она тоже тут была – рядом с ним, в этой комнате.

Экран загорается, из колонок, которые стоят на столе по обе стороны от ноутбука, орет музыка.

«Ты не один, я здесь, с тобой...»

Высокий пронзительный голос, от которого мурашки бегут по коже. Майкл Джексон. Он умер в том же году, когда и папа. Неужели папа это слушал – в последний раз, когда был здесь? Я-то думал, он был крутой, мой папа, настоящий рокер. А тут такая слезливая попса... прямо пробирает. Закрываю глаза и слушаю песню до конца. Какой была бы моя жизнь, если бы он был здесь? Вот если бы тут был он, или мама, или кто угодно...

Ужасно трудно одному.

Сара

В комнате кто-то есть. Стоит на коленях у моего матраса... треплет меня за плечо. Это он\ Он здесь! Нет уж, хватит!

Выбрасываю руку из-под одеяла – кулак врезается ему в подбородок.

– Ой! Ты чего?!

Не тот голос. Моложе и выше. Знакомый.

– Сара, Сара, это я, это Винни!

Я не дома – постель на полу, окно с другой стороны. Тут я вспоминаю, как Винни вел меня какими-то проулками к себе, в этот заброшенный дом, по лестнице на самый верх. Показал мне эту комнату – матрас на полу и больше ничего – и сказал: «Вот, это твоя, если хочешь». Я оглядела ее – дощатый пол, окно завешено простыней – и, несмотря ни на что, страшно обрадовалась. Моя комната, моя территория, мое жилище.

– Винни! – говорю. – Ты что здесь делаешь?

– Ты тут орала как резаная. Думал, тебя убивают.

Глаза привыкают к свету – неяркому желтому свету уличного фонаря, который сочится в щели по краям простыни-занавески. Сажусь. Винни поднимается с колен и тоже садится, привалясь спиной к стене у постели.

– Так чего, все нормально? – спрашивает он.

– Снилось какая-то жуть, – говорю. – Я тебя разбудила, извини.

– Да ничего, – говорит он. – Я-то не спал, просто остальные... а что приснилось-то?

– Пожар, – говорю.

– Геенна огненная? – вдруг спрашивает он.

– Чего?!

– Ну, не знаю, подумал – раз пожар, значит, огонь, раз огонь – значит, ад...

– В общем, да, только это было не в аду, а здесь.

– Здесь?

– В Лондоне. Город горит, кругом пожар, а тут я с ребенком...

– Ужас.

– Угу... и был еще кто-то. Он взял ее... ну, ребенка... у меня. И унес в огонь.

– Блин.

Мы сидим и молчим. Я еще в той фазе – полусон-полуявь, – когда не поймешь, что приснилось, а что было на самом деле.

– Я его знаю, – говорю. – Тот дьявол, который взял ребенка. Он есть на самом деле.

– Вот черт.

Винни подползает поближе и обнимает меня за плечи. Я, конечно, думаю: «Ну вот, этого-то ему и нужно. Бесплатно? Ага, щас, платить всегда приходится». Наверное, я напряглась или поежилась, потому что он убирает руку.

– Да ладно тебе, – говорит он. – Ничего такого.

– Тогда почему ты пустил меня жить? Мне с тобой не расплатиться.

Он вздыхает – длинный-длинный выдох в тихой теплой комнате, – и мне приходит в голову, что это он выгадывает время, придумывает, как бы половчее ответить. Но когда он подает голос, становится ясно, что я ошиблась. Он даже не смотрит на меня – смотрит прямо перед собой.

– У меня была сестренка, – говорит он. – Несколько лет назад она залетела, ну, как ты, и тоже сбежала из дому. Пошла к врачу, а там ее послали. Теперь всех посылают, закон такой. Если только что-то с ребенком не в порядке, тогда да. А если девчонка влипла и помочь некому, так на это всем плевать. И если в петлю лезть готова, как Шелли. Ну, и она пошла и сделала нелегальный аборт и через несколько дней умерла. Мы и не знали ничего, пока нам не позвонили из больницы.

Его слова повисают в воздухе и никуда не деваются. Интересно, кому он еще об этом рассказывал. Вдруг только мне?!

– Винни, мне тебя так жалко...

– Ты тут ни при чем.

– Нуда, но...

– Ты ни при чем, я ни при чем. Только мне без нее плохо. Вот поэтому и живи тут сколько хочешь. Будет у нас еда – накормим тебя, а будут деньги – и тебе дадим, на ребенка.

Хорошо, что тут темно. Он не видит, что у меня глаза на мокром месте.

– Спасибо, это... это здорово.

– Может, у меня получится барахлишка какого-нибудь раздобыть, ну, шмотки детские. Если тебе не важно, откуда я их возьму.

– А откуда?

– А, лучше тебе не знать. Я это умею, понимаешь? Добывать все, что нужно. Вот и тебе найду.

Малышка у меня внутри проснулась и шевелится, толкается ручками и ножками, ей уже тесно.

– Хочешь потрогать? Ну, ребенка? Вот...

Беру его руку и кладу себе на живот. Пару секунд все тихо, потом малышка пинается.

– Ух ты, круто! Фантастика...

– Вот. Сначала просто щекотно, а потом становится как сейчас.

– У тебя мальчик или девочка? Во сне вроде была девочка, ты говорила «она».

– Правда? – Тут до меня доходит – так и было. – Да, говорила.

– Девочка, значит?

– Я к врачу не ходила, но... да, я знаю. Точно знаю – девочка. – Обнимаю живот, представляю себе, как укачиваю дочку.

– А, понятно. Нужно все розовое.

– Винни, да брось, это же позапрошлый век! Мальчики в голубом, девочки в розовом...

– Ну ладно. – Винни явно расстроился.

– Да ничего, – говорю, – розовое так розовое. Мне все равно.

Адам

Числа не дают никаких ответов. Они есть, и все тут. И говорят только одно: в январе в Лондоне погибнет очень много народу. Первого случится что-то такое, от чего кто-то погибнет сразу, а кто-то – в ближайшие дни.

Вбиваю все данные из книжки в папин компьютер, когда дают электричество. Со светом в Лондоне жуткие перебои – все уже привыкли, что его отключают на два часа и надо сидеть в темноте и холоде. Но в результате у меня получается только таблица. Чтобы в ней разобраться, нужен кто-то поумнее меня, университетский профессор или учитель. Учитель. Может, найти кого-нибудь в школе? Какого-нибудь вундеркинда – есть же люди, которые все это любят, компьютеры, цифры, статистику, так ведь?

Несколько дней ищу себе помощника в школе. Только как он мне поможет, если я ему не расскажу, в чем дело? Придется нарушить правило.

«Никому не говори. Ни одной живой душе. Никогда».

Распечатываю базу данных – только числа и места, больше ничего.

Решаю пойти туда, где тусуются ботаны. Видел на доске объявлений, где собирается математический кружок на большой перемене, туда и топаю. Захожу в кабинет – прямо как в какой-то салун на Диком Западе, честное слово. Все сразу застывают на месте и прячутся на меня, даже училка. Молоденькая. В рубашке и длинной хипповской юбке.

– Здравствуй, – говорит она. Улыбается, я тоже улыбаюсь – меня застали врасплох – и гляжу ей в глаза. Еще одна «двадцать седьмая». Начинаю психовать. Опять забыл, что нельзя ни на кого смотреть! Ох и трудно мне придется...

– Здравсьте, – говорю.

– Ты к нам?

– Э-э... не знаю. Наверно.

– У нас сегодня интегральное исчисление.

Интегра... ой.

– Понятно. Э-э... извините, зашел не в тот кабинет. Простите.

Пячусь из класса. Блин, блин, блин! Мозги тут такие заряженные, что хватит всю страну осветить!

На следующий день прихожу снова.

– Да? – спрашивает училка.

– Мне надо задачку решить, – говорю. Ботаны хихикают. – По математике.

– Спроси своего учителя математики, – говорит училка. – Кто у тебя?

– Нет, – отвечаю, – это не школьная задачка, другая.

Кладу на стол распечатку.

– У меня есть много дат и мест, и мне нужно их увидеть, посмотреть, где...

Все сбегаются ко мне.

– А что у тебя за даты?

Я заранее придумал отговорку – такую, чтобы поверили.

– Дни рождения. Дни рождения разных людей. Я их коллекционирую.

– Зачем? Зачем они тебе? – спрашивает мальчишка в металлических очках. Мне уже хочется уйти в глухую оборону, так и вижу, как они начнут показывать, что обо мне думают, – ну, сами знаете, приставят палец к виску и ну крутить. Нет, не показывают.

– Ну так, просто интересно, и все.

Кажется, для них это аргумент, и до меня доходит, что в математическом кружке коллекционировать цифры и факты – это нормально. Наверное, они все так делают.

– А почтовые индексы у тебя есть? – спрашивает очкарик. У него тик, уголок рта дергается, поэтому кажется, будто он все время ухмыляется.

Мотаю головой и показываю ему распечатку.

– У тебя тут только названия улиц и районов. В идеале нужны

почтовые индексы. Я могу накачать их из онлайн-ового справочника, если ты мне дашь номера домов, и тогда нанести их на карту будет раз плюнуть. Давай будем помечать разные даты разными цветами, а не цифрами. Тогда сразу проявится закономерность.

Остальные понемногу разошлись, а вот Очкарика, похоже, я завербовал.

– Это домашние адреса? Эти люди там живут?

– Нет, – говорю. – Это где я их... видел.

– На улице? Ты их опрашивал, что ли?

– Ну да, типа того.

– Мм, жалко, ты индексы не спрашивал...

Что-то он уже начинает меня доставать. О'кей, я все делал неправильно, фиговый из меня социолог. Но я беру себя в руки. Без Очкарика мне никак.

– Ну как, поможешь мне?

– Помогу, но мне нужны более точные данные.

Сердце у меня падает – опять идти на улицу, опять смотреть на людей... По-моему, я больше не смогу.

– Посмотрю, может, что-нибудь и получится, если ты мне ее домой дашь, – машет он на меня распечаткой.

– Бери, конечно, – говорю. – Спасибо... э...

– Нельсон.

– Нельсон. Спасибо, Нельсон. Меня зовут Адам.

– Да ладно. Мне самому интересно.

Ничего не поделаешь, приходится на него посмотреть – и сердце у меня снова падает. Число. 112027. Он нанесет на карту собственную смерть.

Я хочу вырвать у него распечатку, забрать от греха подальше. Он мне уже не чужой, так что лучше не надо... но вместо этого слышу собственный голос:

– Где ты живешь?

– В Черчилль-Хаус.

Снова гляжу на него – и проваливаюсь, падаю, пол уходит из-под ног, лечу в темноту. Ухватиться не за что, а со всех сторон в меня летят кирпичи, обломки стен, потолочные балки, все вперемешку...

– Адам!

– А?

– Ты чего? Что ты на меня так... уставился?

– Нет, ничего. Прости, у меня бывает. Я не нарочно.

Нервная ухмылка у него то загорается, то гаснет. Дерг, дерг, дерг. Он подносит руку к лицу.

– Ну тогда до завтра, – говорит он. – А то останься. Сегодня опять интегралы.

– Нет, я пойду. До завтра.

Надеваю рюкзак на плечо и выхожу из класса, но у меня такое ощущение, что кто-то во мне, кто-то очень большой, хочет остаться. Если бы я был поумнее – если бы мог остаться и не чувствовать себя дураком, – как раз нашел бы себе отличное местечко, где нормально быть не таким, как все. Хотя бы на час.

Снаружи все разбилось на кучки и компании. Парами-тройками – болтают, группами побольше играют в футбол или баскетбол. Тут быть не таким, как все, не круто.

Нахожу тихий уголок, проверяю, что никто на меня не смотрит, и достаю записную книжку. Вношу туда данные Нельсона. Я-то надеялся, это меня успокоит, – только нет. Во мне поднимается паника, я ничего не могу поделать. Нельсон – хороший парень, из тех, кто в жизни мухи не обидит. Почему он погибнет так рано? Это несправедливо. Неправильно. Ему и трех месяцев не осталось – и все. А может, и мне тоже.

Когда я беру в руки записную книжку, такое чувство, что все эти смерти вызывают ко мне, умоляют, чтобы их услышали. У меня в руках будущее города – жуткое, жуткое, страшное будущее. Вся эта боль, эти голоса, предсмертные крики – они во мне, в ушах, в мозгу, в легких. Мне этого не вынести. Сейчас взорвусь. Не выпуская книжку, я поднимаю руки к голове, сдавливаю виски, накрепко зажмуриваю глаза. Пытаюсь правильно дышать – «вдох через нос, выдох через рот», – но горло так перехватило, что туда ничего не проникает, а гул

в голове такой громкий, что собственных мыслей не слышно. Слов не слышно.

– Чего это ты тут делаешь, чудила?

Узнаю этот голос. Приоткрываю глаза – чуть-чуть. Передо мной – четыре пары ног, четыре человека. Голову можно не поднимать, и так понятно, кто это. Мне не надо видеть его число, чтобы ощутить запах крови и смертельный ужас. Джуниор с шестерками.

– Чего это ты тут делаешь, дебил? Что у тебя за книжка?

Сара

Я как будто перенеслась в прошлое. Наверное, так все было в старые времена, в семидесятые, до мобильных, компьютеров и MP5-плейеров. У меня-то есть и мобильник, и барахляный наладонник, который выдали в школе, но я их не включаю: по ним меня могут вычислить, а я не хочу, чтобы меня вычислили.

Винни с приятелями высокой технологией не интересуются, кроме древнего CD-проигрывателя (да-да, CD!) и старенького телика. Я не интересуюсь даже теликом. Включишь – а там только реалити-шоу про каких-то уродов или по тридцать пятому кругу гоняют старые грустные сериалы, которые и в первый-то раз смотреть не стоило, или новости. Новости – это вообще жуть. По всему миру войны, пол-планеты затопило, на другой половине засухи и все мрут без воды. Я ничем не могу помочь, так какой смысл об этом знать? Когда я в последний раз смотрела новости, там сказали, туннель под Ла-Маншем закрыли, чтобы прекратить нелегальную иммиграцию из Африки. Чего они сюда рвутся-то? Тут свои проблемы, наводнения, беспорядки, отключения электричества... так что, если кому-то сюда хочется, пусть приезжает, вот честное слово. Сразу поймет – здесь тоже не медом намазано.

Наверное, было бы хорошо, если бы побольше народу жили как мы. Наверно, вы думаете, мне не хватает всего, к чему я привыкла? Роскошный дом, тренажерный зал, домашний кинотеатр.

Единственное, по чему я скучаю, – это бассейн, потому что пузо у меня уже огромное. Так и тянет меня книзу, когда я хожу, и человеком я себя чувствую только в ванне. Да, поплавать было бы неплохо. А все остальное у меня в полном порядке.

Кроме Винни, здесь живут еще два парня – Том и Фрэнк. Оба сидят на героине. Думаете, мне страшно жить с ними под одной крышей? Нет. Никто мной не интересуется – в смысле, не пристаёт. Они же думают только о следующей дозе. А Винни на самообеспечении – он дилер. У него постоянные клиенты, например Мэг и ее подружки-воровки, и он сам их обходит. Здесь никто не бывает. Винни никого не пускает. В кухне внизу есть пара бейсбольных бит на всякий случай, но я тут живу уже с месяц, и пока все тихо.

В уплату за жилье я готовлю еду. В жизни не думала, что у меня это получится, – раньше – то было не нужно. В первый день я захожу в кухню. Бардак. То есть не то слово. Начинаю разгребать. Все равно заняться нечем. Вечером варю на всех макароны и тру туда сыр. Больше ничего в холодильнике не нашлось.

Наутро Винни притаскивает гору овощей.

– Тебе полезно есть овощи и фрукты, – говорит он. – И зелень.

– Откуда это ты нахватался таких познаний?

Он пожимает плечами:

– Не знаю, а что? Когда человек беременный, ему надо хорошо питаться.

– Наверно, только я не представляю себе, что с этим делать.

– Свари супчик, – советует Винни. – Покроши – и в кастрюлю.

Я так и поступаю. И получается у меня – вкуснятина. Все едят. Вообще-то мои соседи – те еще обжоры. Иногда за весь день ни крошки не проглотят. А я – да. Дело не в том, что я должна есть за двоих. Когда сам готовишь еду, начинаешь ее ценить.

И вообще мне это нравится – возиться в кухне, наводить порядок, готовить на троих соседей. Странно – вообще-то меня бесит все это средневековье, что, мол, женщина должна сидеть дома и ухаживать за мужчинами. Как моя мама – всю жизнь. Прислуживать другим. Бегать, суетиться, чтобы все было идеально – чистенький дом, чистенькая одежда, обед на столе. Меня от этого мутит. А теперь я делаю то же самое, но это совсем другое дело. У нас другая семья. Семья, где половину времени ни у кого нет сил даже есть. Семья, где никто не спрашивает, откуда взялась еда. Семья, где всех время от времени рвет во дворе, но никто не жалуется.

Но еще это семья, где никто никого не осуждает, где никто ни к кому не лезет в трусы, где, несмотря ни на что, чувствуешь себя в безопасности. В этом домишке на Джайлс-стрит мне уютно, как никогда в жизни.

Когда я не готовлю и не убираю, то рисую. Нашла старые обои и начала развлекаться. Винни это замечает.

– Цыпа, да это же просто супер! – кричит он и приносит мне скотч, чтобы приклеивать картинки на стену. Рисую все подряд – что

видела, что помню. Один раз застала Винни с ребятами вповалку спящими в гостиной внизу – нарисовала и их. Решила, что им понравится – так и есть. Они вешают рисунок на стену. Но Винни от него становится грустно.

– Это же моя жизнь, Сара. Ты нарисовала мою жизнь.

– Ты такой довольный, когда спишь. Спокойный.

– Я не сплю, я под кайфом. И никакой я не довольный – это раньше был. А теперь дозу раздобыл – уже радость.

– Все равно. Мне бы такое спокойствие.

Лицо у него темнеет, как будто солнце скрылось за облаком.

– Ни к чему оно тебе. Если бы я решил, Сара, что ты сама можешь тут заторчать, я бы тебя тут же выставил. Тебе не положено. У тебя ребенок будет.

– Да я не об этом...

Или об этом? Если подумать, жизнь у меня дерьмо. Такую реальность никому не посоветуешь. Значит, если есть способ ее приукрасить – травка, колесо, игла, – почему бы и нет?

– Хочешь быть чистым – для начала не пачкайся. Не начинай. Не делай первого шага!

– Умей говорить «нет»?

– Вот ты смеешься, а это не смешно! Все мои друзья, все до единого, на чем-то торчат. Большинство из нас так и не слезут. Кто-то помрет. Ты не такая. Ты самая незадолбанная из всех, кого я знаю. Не надо меняться.

– Я и не собираюсь. Не буду ничего пробовать. Просто хотела нормально выспаться, и все.

Проспать всю ночь по-человечески безо всяких снов.

– Слушай, а ты это нарисуй, а?

– Что?

– Свои сны. Нарисуешь – и выведешь из организма, может, и перестанет сниться...

Мне страшно. Такое чувство, что я выношу этот ужас на свет. Теперь он отравит мне дни, а не только ночи. Только кого я

обманиваю, спрашивается? Я все равно постоянно об этом думаю, выходит, Винни дело говорит – надо мне все это нарисовать.

Беру новый рулон обоев и начинаю рисовать. Карандаш не годится. Прошу Винни принести мне угля. Нужны жирные черные линии. И наверное, будет правильно рисовать тем, что уже обожжено огнем. Рука у меня трясется, когда я делаю набросок. Ничего не выйдет. Закрываю глаза – и я снова там. Кошмар у меня в голове, он переполняет меня, а потом вырывается наружу – свет и тень, лица, огонь, страх. Я начинаю рисовать не открывая глаз, а когда открываю – на меня с бумаги глядит лицо.

Человек с ребенком на руках.

Это он.

Это Адам.

Адам

Они отняли ее у меня – записную книжку. Отняли и не отдают. Джуниор просматривает ее, листает страницы.

– Это что такое? Твои секреташки? Никак ты всех их поимел? Вот извращенец!

– Заткнись! Отдай!

– Ух ты, тут и девочки, и мальчики! Так и знал, что ты больной. Да тебе столько не поиметь, даже за миллион лет. А наверное, хочется!

Пытаюсь отобрать книжку, но он поднимает ее высоко над головой и пляшет.

– Джуниор, это мои записи. Отдай книжку. У тебя что, ничего своего нет?

– Теперь есть. Твоя кни-ижечка!

– Отдай, кретин! Тебя это не касается!

Я в отчаянии. Ему нельзя туда смотреть. Лучше было бы разорвать ее или сжечь! Кровь бурлит от адреналина. Их четверо, а я один, но это уже не важно. Мне надо получить книжку назад, и я ее получу. Джуниор уже отбежал метров на двадцать, а его шестерки меня держат. Из всех сил пытаюсь их растолкать, пихаюсь локтями. Одного отодвинул, но еще двое никуда не делись. Из-за их спин вижу, как Джуниор останавливается. Листает медленнее. Если я не доберусь до него за две секунды, я попал. Он прочитает заголовки колонок, прочитает описания. Найдёт знакомые имена. И себя.

Ударяю самого высокого головой в живот, следующему врезаю коленом куда не надо, пролетаю мимо них, бросаюсь на Джуниора, даю ему под дых, валю на землю. Мы падаем на асфальт.

– Отвали, урод!

Книжка по-прежнему у него. Вцепляюсь ему в руку, разгибаю пальцы по одному. Он начинает визжать, как девчонка: без шестерок-то он уже не такой крутой. Три пальца – и он выпускает книжку. Она падает рядом с нами, я хватаю ее и отползаю от него. Поднимаюсь на

ноги и засовываю книжку за пояс брюк. Джуниор валяется на земле, держится за пальцы другой рукой.

– Ты мне пальцы переломал, козел! Переломал на хрен!

Похоже, кто-то вызвал охрану – нас окружают. Один охранник наклоняется к Джуниору и осматривает его руку, остальные два хватают меня за локти и волокут в школу. Ноги у меня почти не касаются земли. Уже у дверей слышу, как один из шестерок Джуниора врет про меня с три короба.

– Так и налетел на нас. Как бешеный. Как зверь. Будто обдолбанный!

Меня тащат в приемную директора и там первым делом обыскивают. Я надеюсь, что книжку они не нащупают, она совсем плоская, легко спрятать, – но ее, конечно, находят. Просят достать. Я не хочу. Тогда мне говорят, что сами достанут, если я не хочу. Приходится залезть в брюки и вытащить книжку. Она слегка потрепалась и обмялась по форме моей задницы.

– Положи на стол.

Кладу – но заглядывать в нее не позволю. Это не их записи. Им туда смотреть не положено.

– Это не тетрадь. Что это?

– Записная книжка.

– Записная книжка, а дальше?!

– Записная книжка, сэр.

Охранник протягивает руку к книжке, но я успеваю ее выхватить.

– Доусон, положи книжку.

– Нет, сэр.

Охранник цитирует устав школы:

– Учащимся запрещается проносить в школу личные вещи, кроме тех, которые необходимы для учебного процесса. Если подобные личные вещи...

Слышу, как сзади открывается дверь. Кто-то входит. Мне даже думать не нужно – разворачиваюсь и пулей вылетаю наружу. Через

три секунды воеет сирена, в ушах гудит. Всю школу подняли по тревоге. Блин, как мне отсюда выбраться? Приемная у самого входа, но двери заперты, и моим удостоверением личности их, само собой, не открыть. Девушка за стойкой регистрации, разинув рот, глядит, как я мчусь по коридору прямо к ней. Я перепрыгиваю через стойку, и девушка визжит.

– Какая кнопка? – ору я ей в лицо. – Какая кнопка открывает двери?

Она не отвечает, но стоит посмотреть на кнопки, и все становится ясно. Черная квадратная кнопка слева. Нажимаю ее – двери раздвигаются. Девушка тут же нажимает другую кнопку – вызова охраны, и сирена воеет опять. Плевать. Я уже на улице. Сбежал.

Мчусь по тротуару сломя голову. В школе вызовут полицию, меня мигом найдут. Не зря же меня чипировали. Теперь стоит только посмотреть на спутниковую карту или дать задание вертолету, которые в лондонском небе так и кишат. Тут же и засекут. Но я не хочу, чтобы еще кто-нибудь сунул нос в мою книжку. Держать ее при себе становится опасно. Нужно или уничтожить ее, или спрятать.

До самого бабулиного дома я лечу не останавливаясь. Сворачиваю в подъезд, бросаюсь к дверям. Бабуля стоит на пороге в пальто. Протягивает руки вперед, чтобы я ее не сшиб.

– Я как раз собиралась к тебе. Из школы позвонили.

Я не сразу могу говорить, надо отдышаться хотя бы минуту, но мне приходит в голову, что, может быть, именно через эту минуту и явится полиция. Поэтому я заталкиваю бабулю в дом и закрываю дверь.

– Ладно-ладно, нечего тут толкаться. Опять в драку полез, да? – спрашивает бабуля. – Говорила я тебе...

Отдышаться мне не удалось, но больше тянуть нельзя.

– Мне надо кое-что спрятать, – пыхчу я.

– Что?

Вытаскиваю книжку из кармана.

– А-а, твою книжку.

– Ты про нее знаешь?!

– Я, конечно, старая и туповатая, но не слепая! Давай ее сюда.

Я не решаюсь.

– Адам, мне можно доверять. Я на твоей стороне. Да, ты так не считаешь, но я на твоей стороне.

Раздается стук в дверь и крик:

– Откройте! Полиция!

Бабуля жестом велит мне помалкивать.

– Адам, мне можно верить.

Вручаю ей книжку. Она поворачивается ко мне спиной и засовывает ее к себе в лифчик.

– Там никто уже лет тридцать не бывал. Надежнее, чем в сейфе.

Потом она как ни в чем ни бывало подходит к двери.

– Миссис Доусон?

– Да.

– Мы ищем Адама Доусона. Он здесь?

– Да, он здесь.

– Мы должны задержать его.

– Хорошо. Он пойдет с вами. Я тоже. Не хочу упускать его из виду.

Мы проводим в участке пять часов. Масса вопросов – обо мне, Джуниоре, книжке. Я молчу. Ни слова. И ни на кого не смотрю. В полиции хотят, чтобы я в чем-то признался, извинился, но признаваться мне не в чем, и подлизываться я не желаю. И все это время бабуля держится просто отпадно.

– Ему всего шестнадцать, – нудит она. – Шестнадцать. Ну, не поладил с мальчиками в школе, подумаешь. Наверняка с вами такое тоже бывало, хотя бы разок-другой.

Сначала они хотят обвинить меня в нападении, но в результате бабуля подписывает соглашение привести меня в полицию через неделю. Мол, за это время я одумаюсь, может, решу что-нибудь рассказать. Бабуля ставит закорючку на всех бумагах, и мы едем

домой.

Дома мы оказываемся только после десяти, и на коврике у входной двери лежат два конверта – один адресован мне, другой бабуле. Бабулин – из школы. Меня исключили на шесть недель. После этого мне предстоит собеседование с директором – он решит, пускать меня обратно или нет. А пошли они! Отвязались – и это главное.

Свое письмо я вскрываю у себя в комнате. Почерк я не узнал, и на секунду мне приходит в голову, будто письмо от Сары. Разворачиваю не дыша.

Только бы оно было от нее. Только бы у нее все было хорошо.

Письмо не подписано, но мне и так все ясно.

Дорогой Лох!

Я знаю что у тебя в книжке ты больной у тебя там я записан и дата поставлена только ты за меня не бойся за себя бойся козел это ты 6122026 тогда и увидимся.

На меня снова накатывает – запах пота, жгучая боль, глаза заволакивает красным, во рту вкус крови. Чья это кровь – моя? Или нет?!

Сара

Раздеваюсь и гляжу на свое отражение в зеркале. Спереди я, по-прежнему я – ну почти. Живот весь выпирает вперед, так что контуры остались прежними. Только грудь разбухла и словно бы растеклась в стороны. И ноги тоже стали толще.

Поворачиваюсь боком. Пузо у меня огромное. Пока я жила дома, оно выпирало еле-еле, можно было замаскировать одеждой, но с тех пор, как я тут, растет прямо на глазах. Кожа натянута туго-туго, даже не верится, что живот станет еще больше.

Винни принес мне книгу. В ней полно картинок – как ребенок из нескольких клеточек превращается сначала в такого головастика, а потом уже понемногу становится похож на человека, только крохотулечного. Я прочитала ее от корки до корки. А раздел про роды – два раза. До сих пор я как-то не задумывалась, как ребенок вылезет наружу. В больницу мне нельзя: там потребуют удостоверение личности, потом сообщат родственникам, и я попалась. К тому же я не хочу, чтобы мою дочку чипировали. Сейчас всем так делают – вводят микрочип вскоре после рождения. Раньше чипировали только собак, вот и нашу тоже, а теперь людей. Фу, гадость какая.

Придется рожать тут, самой. Я гляжу на живот. Малышка шевелится, видно, как под поверхностью проходит то ли локоть, то ли коленка. Скоро она будет здесь. А вот как это получится, вообще непонятно. Это же как кораблик из бутылки вынуть. Невозможно.

У меня мурашки по всему телу. Холодно голышом, но одеваться мне еще рано.

Вот она я, вот в каком я виде. Как так вышло? Конечно, я знаю как. Я ему никогда не сопротивлялась, а должна была. Надо было пинать его, бить его, кусать его. А я ни разу даже «нет» не сказала. Он мужчина крупный – я могла бы оправдаться, что боялась, и я действительно боялась его ночью в темноте – он был как будто переключенный, будто и не человек вовсе, вообще не похож на папу, но я не поднимала крик не из-за страха. А из-за любви. Он был мой папа, и я его любила. А он любил меня.

Только вот на такую любовь я не напрашивалась.

И вот она я. Беременная. Одинокaя. Это все из-за *него*. Он больной, он извращенец, и я его ненавижу. Все должны знать, какой он. Надо его судить, обличить, сгноить в тюрьме. И все же... и все же... я знаю, что никогда так с ним не поступлю: ведь он по-прежнему мой папа.

Может быть, я такая же больная, как и он.

Снова смотрю на свое отражение. Тело стало другим, но лицо в зеркале – то же самое, которое видел он, когда бывал со мной. Волосы – те самые, которые он гладил. Вдруг я понимаю, что больше не хочу быть этой девушкой. Не хочу выглядеть, как она.

Меня бьет дрожь, и я подбираю одежду с пола. Одевшись, я иду в ванную, нахожу ножницы и кромсаю волосы. Они падают в раковину, на пол, сыплются вокруг меня. Пускаю воду и смываю волосы в слив в раковине, потом затыкаю его и набрасываю на плечи полотенце. Наполнив раковину, я наклоняюсь и мочу голову. Потом втираю шампунь в остатки волос, беру одноразовую бритву и выбриваю себе голову. Оставляю только полоску посередине – ирокез. Завтра попрошу Винни раздобыть какую-нибудь краску – зеленую, розовую, черную, мне все равно. Главное – чтобы цвет был не мой.

После этого я уже не увижу в зеркале прежнюю Сару Сама себя удивлю, сама себя заставлю оглянуться.

Завтра я стану другим человеком.

Адам

Как только некоторым удастся спать по ночам? Как они это делают – закрывают глаза, расслабляются, дремлют? Когда я закрываю глаза, то вижу только числа, смерть, хаос. Вижу, как кругом рушатся дома, чувствую, как в легкие пробивается вода, вижу пламя кругом. Слышу крики, слышу, как зовут на помощь. Вижу, как вспыхивает клинок, чувствую, как он вонзается между ребер, понимаю – вот он, конец.

Это мне не по зубам – быть одному, в темноте, в компании собственных мыслей. В темноте все становится больше, громче, живее. Лежу – и никуда мне не деться. Ноги дергаются, рвутся бежать, только бежать мне некуда. Сердце колотится в груди, пыхчу как загнанный. Рука шарит кругом, нащупывает выключатель, и я сажусь и тру глаза, пока они не привыкают к яркому свету.

Оглядываю комнату. Теперь это – мой мир. Я не хожу в школу. Не выхожу из дому. Сажусь здесь днем и ночью, слушаю, как истошно лает соседский пес, – и так двадцать четыре часа в день, семь дней в неделю.

Я пытался уточнить данные для Нельсона. Он дело говорил: мне нужны были адреса, почтовые индексы. Нужно было знать, где кто живет, а не просто где я кого видел на улице. Тут можно действовать двумя путями – идти в какое-нибудь людное место и уже оттуда провожать прохожих до дому или ждать возле подъездов и записывать числа всех выходящих. В любом случае тут же набегит полиция.

Сначала я думаю, что это мне будет занятие – вроде работы, куда надо ходить каждое утро. Три задержания за три дня – и бабуля сажает меня под замок, да я и сам уже никуда не хочу. Местные мусора взяли меня на заметку, ввели в свои поисковые программы. Стоит мне высунуть нос за дверь, они сразу об этом узнают и накроют меня. На третий день я услышал гул вертолета над головой всего через полчаса.

Я ничего плохого не делаю, и меня ни в чем не обвиняют – только вот в Лондоне, если тебе шестнадцать, ты черный и слоняешься без дела, за одно это уже хватают и волокут в участок.

Обыскали, заперли в камеру, допросили, заперли обратно. Записную книжку находят при первом же обыске.

– Что это?

– Ничего.

– Это записная книжка. Что ты записываешь?

– Ничего.

Листают книжку.

– Здесь имена, даты, описания. Это ты отслеживаешь кого-то? Преследуешь? Такая у тебя, значит, игра, да?

Тут я решаю держать язык за зубами. Лучше ничего не говорить. Пусть думают что хотят.

Я никому ничего не сделал, ни к кому не приставал, у них на меня ничего нет. Меня снимают на видео и что-то пишут прямо в ноутбук в кабинете.

На третий день меня допрашивают уже не мусора, а двое в костюмах. Один помоложе, рыжий, с придурочным галстук-шнурком, другой постарше – у него брюхо так и свисает над ремнем. Спрашивают в основном то же, что и полиция: зачем я болтаюсь по городу да что я записываю. Я молчу. Ни словечка. И тут старый открывает рот – и я просто офигеваю.

– Я знал твою маму, – говорит он. – Джем. Мы с ней познакомились шестнадцать лет назад. Узнал вот, что она... очень соблезную, сам понимаешь.

Все, он меня зацепил. Я хочу его слушать. Хочу узнать больше. Гляжу ему в глаза – он из тех, кто выживет. Его число дарит ему еще тридцать лет.

– Беседовал с ней в аббатстве, когда она там пряталась. Она сказала, что видит числа – даты смерти. Устроила такую маленькую сенсацию. А потом все отрицала – заявила, будто выдумала.

Ковыряет ногтем в зубах.

– Понимаешь, – говорит он, – я не мог об этом забыть, потому что мне не кажется, что она все выдумала. Мне кажется, она видела тех людей у колеса обозрения – видела, когда они погибнут. Скажи, Адам, ты тоже это видишь? Ты такой же, как она?

Меня так и тянет сказать «да». Так и тянет все ему вывалить. Он-то мне поверит. А то и поможет – поможет со всем этим разобраться.

– Если да, – гнет он свое, – я тебе сочувствую. Ну, то есть я понимаю, каково с этим жить.

Гляжу на него, пытаюсь раскусить и при этом не показать, как я занервничал.

– Конечно, это нелегко. Дело в том, что людям вроде меня ты можешь принести массу пользы. А можешь, само собой, и бед натворить.

И тут меня вдруг прошибает холодный пот. Это еще не угроза, но я понимаю – мы по разные стороны баррикады. Мне становится интересно, откуда этот дядька. Из военной разведки? Из пятого отдела? Из шестого?

– Я видел, что ты писал в наладоннике, видел копии страниц из твоей записной книжки. Очень много дат в первые числа января. Адам, что тогда произойдет? Что творится у тебя в голове?

Молчу. Я уже думал, не рассказать ли ему про Новый год, но он и так все видел, его носом туда ткнули, все он знает, иначе он бы сюда не приперся. И вообще отвечать мне нечего. Откуда я знаю, что произойдет?

Отвожу от него глаза, слушаю, как он все гундит и гундит, и представляю себе, как он задавал те же вопросы маме.

– Какая она была? Моя мама. Какая она была, когда вы с ней познакомились?

Он улыбается:

– Ершистая. Изворотливая. Беспардонная. Она мне понравилась.

– Я такой же, – говорю. – Мы одинаковые.

Он вздыхает – как будто воздух из шарика выпустили, – и тут до меня доходит: он психует не меньше меня, как бы ни притворялся крутым и спокойным. Наклоняется вперед.

– Этот твой дар – опасная штука. Опасная. Нельзя им хвастаться, нельзя о нем болтать. Очень легко разозлить или напугать кого-нибудь. Ты понимаешь, о чем я?

– Ну да.

– Поэтому тебе надо помалкивать. А вот людям вроде меня можно все рассказать. Честно говоря, мы хотим, чтобы ты все рассказал. Все, что тебе известно. Вот... – Он лезет в карман пиджака и кидает мне через стол визитную карточку – имя-фамилия, мобильник, имейл. – Звони мне, – говорит, – в любое время.

Только вот когда за мной приходит бабуля, ее отводят в сторонку и говорят так, словно меня тут и нет.

– Навязчивое поведение... нарушение общественного порядка... рекомендуется консультация психиатра... из дома без сопровождения...

Бабуля все это слушает, всем видом изображая полное согласие. Я не поднимаю головы и не отрываю глаз от пола, пока разговоры не кончатся и мы с ней не едем обратно в Карлтон-Виллас на автобусе.

– Адам, что ты затеял? Чего ты добиваешься?

Она – единственный человек, с которым можно поговорить, не то что эти шпионы в штатском, но я не могу. Между нами кирпичная стена, мне через нее не пробиться. Наверное, дело в том, какой она человек – что она думает про жизнь, что говорит, – и еще в том, чего она не говорит и не думает. Она не мама – и не виновата в этом, конечно, но я не могу ей этого простить. Пока – нет.

Вот я и сижу в комнате, не сплю сутками и шарю в Интернете, чтобы хоть в чем-то разобраться, и прислушиваюсь, не сунут ли что-нибудь в щель для писем и газет. Как только я слышу шуршание, то сразу бегу по лестнице. Мне надо успеть раньше бабули: не хочу, чтобы она что-нибудь узнала. Не хочу, чтобы она увидела кипы записок от Джуниора. Я знаю, что он там пишет – плюс-минус. Они все похожи на первые: «6122026. Твое число приближается. Ты готов?» «Прощайся с бабушкой, лошара. Тебе крышка».

Иногда бабуля оказывается у двери первой. Ей тоже нужны развлечения.

– Это тебе, – говорит она. Взяла конверт и рассматривает.

– Дай сюда, – говорю я и протягиваю руку.

– От приятеля? – спрашивает она. – От подружки? Между прочим, можешь позвать кого-нибудь в гости, тебе разрешается. Если хочешь.

Ничего не говорю – протягиваю руку и держу, пока бабуля не понимает намека.

– Адам, – говорит она, когда я поворачиваюсь и топаю по лестнице. – Посиди со мной минутку. Нам надо...

Голос ее затихает – я закрываю за собой дверь.

...Поговорить. Нам надо поговорить. Если бы я мог.

Кладу конверт к остальным и включаю папин комп. Развалюха, зато есть выход в Сеть, хотя ждать приходится целую вечность, а гуглить даже я умею. Обычно я вбиваю «2027» или «конец света», но сегодня будет иначе. Сегодня я спрошу о том, отчего я не могу заснуть.

Неуклюже набираю вопрос одним пальцем, пока в строке поиска не появляется: «Когда я умру?»

И нажимаю «ввод».

Восемьсот тридцать один миллион результатов. Щелкаю по первой ссылке. Там вопросы. Сколько мне лет? Курю ли я? Какой у меня вес? Часто ли я занимаюсь физкультурой?

Бросаю отвечать на середине. Такие сайты ничего не знают про неожиданности. Не знают про бомбы, пожары, наводнения. Не знают, что произойдет в Лондоне через два месяца. Не знают, не зарежет ли меня еще раньше один долбанутый тип с ножом.

И я тоже не знаю.

Сара

Весь день мне не по себе, как-то нехорошо. Потом – сама не знаю когда – я понимаю, что это странное ощущение наплывает волнами, примерно каждые десять минут, и это не просто неприятно, а больно. Каждый раз живот становится твердый, мышцы сжимаются, как кулак.

Больше никого дома нет.

Блин! Блин! Не может быть. Я точно не знаю, какой у меня срок, но до девяти месяцев еще далеко – или нет? Я не успела подготовиться. Хватаю книгу, пролистываю страницы. «Роды».

Боже мой, надо было внимательнее читать! Там говорится про то, как дышать, что надо двигаться, потом принимать разные позы. Буквы пляшут перед глазами – начинается очередная схватка.

Двигаться. Двигаться. Пытаюсь ходить по второму этажу, но при каждой схватке меня парализует. Хватаюсь за стенку и еле дышу.

В промежутках я стараюсь не поддаваться панике. Кричу, вою – это получается само по себе, голос меня больше не слушается.

Все должно было быть не так. К врачам и в больницу я не хочу, но думала, что рядом кто-то будет. Думала, Винни окажется дома. Воды отходят на лестничной площадке. Не все сразу – струйкой по ноге. «Описалась, – думаю я. – Супер». Только остановить струйку у меня не получается – жидкость течет и течет. В ней кровь. Это, наверное, плохо, да?

Добираюсь до ванной. Крики – мои крики – там слышны еще громче, они отдаются от кафельных стен. Сажусь на унитаз, жду, когда все вытечет. Хочется так и сидеть, но я заставляю себя встать. Нельзя же родить в тубзик.

Держусь за раковину, сопротивляюсь боли. Она одолевает меня, не дает передышки. Вот бы куда-нибудь от нее убежать – только куда? Наклоняюсь вбок, меня рвет в унитаз, раз, другой, третий, потом сползаю на пол.

Кричу и рычу, как зверь, – низко, утробно.

А вдруг я тут умру?

Если боль не прекратится, я точно умру – ну и наплевать. Лишь бы это кончилось. Лишь бы все прошло. Болит живот, болит спина, что-то давит в попу. Сейчас я разорвусь пополам и истеку кровью.

Я умру на полу в ванной, как наркоманка от передоза, но это не страшно. Все лучше, чем это – эта пытка, этот ад. Я готова умереть.

Нас находит Винни. Мы так и лежим на полу в ванной. Я сумела дотянуться до полотенец, и мы завернулись в них, как в одеяла. Я боялась, что она замерзнет – ну, моя дочка. Прижимала ее к себе, кожа к коже, чтобы она грелась об меня. Она немного поплакала, потом перестала – а потом как взглянет на меня прекрасными васильковыми глазами, и я поцеловала ее, поцеловала ее крошечное личико, ее кулачки.

Моя дочка.

Моя малышка.

Мия.

Адам

– Ну как, сыграем в «да-нет»?

– Я сюда не играть пришел.

– Тогда зачем, а?

– Хочу, чтобы ты от меня отстал. Оставь нас с бабушкой в покое.

– Твоя бабка – она вечно дома торчит, правда? Сидит на стуле в кухне. Особенно не двигается, да? Очень даже легкая мишень.

В задней стене дома есть окно. По другую сторону забора – соседский дом. В нашу сторону смотрят сотни окон. И каждый день в почтовый ящик падает записочка.

– Вот это мне и надоело. Хватит дурацких угроз. Она тут ни при чем. Это наше с тобой дело. Так давай его и уладим, по-честному, как полагается.

Это я на словах такой храбрый, на самом деле мне страшно, но с такими, как Джуниор, по-другому нельзя. У таких сначала слова, а потом уже дела.

– Хочешь – будем драться, но сначала я хочу, чтобы ты мне ответил на кое-какие вопросы. Зачем ты пялишься на людей? Что ты пишешь в своей книжке? Зачем ты написал там про меня?

– Правду?

– Правду.

– А что я за это получу?

– Отзову ребят. Перестану наблюдать за домом.

– С чего мне тебе верить? Будешь торчать там по-прежнему.

– Торчать там? Глядеть, как твоя бабка коптит себе легкие? Знаешь, смотреть, как краска сохнет, и то приятнее.

– Честное слово?

– Я же сказал. Честное слово.

Его шестерки смотрят на нас. Воздух так и звенит, им интересно, чем все кончится, они готовы наброситься на меня, стоит мне сделать

первый шаг.

– Так давай сядем, – говорю, – и поговорим как мужчина с женщиной, без посторонних.

Мы на заброшенном складе. Джуниор с шестерками развели в углу костер, обставленный старыми ящиками. Мы садимся в метре друг от друга. Джуниор наклоняется ко мне, в его глазах вспыхивает пламя.

– Ну, рассказывай. Что ты там наплел?

«Никому не говори. Ни одной живой душе.

Никогда». Может быть, Джуниору можно? Он все равно не поверит, и какая ему разница – не будет мучиться годами, как мама, потому что сегодня его последний день.

Собираюсь с духом.

– Когда я смотрю на человека, то вижу число. Это дата его смерти. Я понимаю, звучит по-дурацки, но это правда. Я их всегда видел. Ничего не могу с этим поделать.

– Значит, и мою дату видишь? – Играет со мной, хочет, чтобы я думал, будто он мне верит.

– Угу.

– И записал ее в свою книжку. Это то число, которое я видел?

– Угу.

– Сегодня.

Молчу. Полдесятого, темно и холодно. По ржавой крыше барабанит дождь. Джуниору осталось два с половиной часа – и все. Непохоже как-то. Все его шестерки тут. Их четверо, а я один.

Джуниор озирается и раскидывает руки.

– Ну, и где, спрашивается, – а, чел? Как это будет?

Мне жутко. Дурдом какой-то.

– Как это будет, Адам? Я все читал – читал, что ты там пишешь. Нож, кровь... Кто это будет?

Здесь никого нет – только мы. Никто не хочет со мной драться – только ты. Это ты? Сам, что ли, меня убьешь?

Сначала он надо мной прикалывается, но потом голос у него становится серьезный, он облизывает губы, в глазах появляется еще что-то, кроме числа. Ему страшно. Может быть, так же страшно, как и мне.

Не хочу я его убивать. Он мне не нравится. Он дерьмо собачье, я мечтаю от него отвязаться, но убивать его не хочу – я вообще никого не хочу убивать.

Хочу, чтобы часы перестали тикать. Хочу, чтобы время замерло. Хочу, чтобы числа исчезли.

Жар от огня припекает мне щеку. Кто-то подбрасывает в него доску. Из-под нее летит куча красных угольков – миллион искорок в темноте.

– Пойду я, – говорю я и встаю. – Джуниор, я пришел сюда драться с тобой, но драться я не хочу. Я сказал тебе правду, все как есть, и теперь можешь оставить меня в покое. Как договаривались. Да?

Он дает знак остальным – и они надвигаются на меня, хватают сзади, заламывают руки за спину.

– Я человек слова. Я отстану от твоей бабки. Но не думай, что тебе это просто так с рук сойдет. Ты сам сказал, что пришел драться, вот я и буду драться с тобой по-честному. Общайте его.

Я брыкаюсь, но от его шестерок не отбиться. Они вцепляются в меня, охлопывают с ног до головы, роются в карманах. Ну и, конечно, находят нож. Я его не прятал – хотел, чтобы был под рукой, засунул за ремень, чтобы не искать, когда понадобится.

– Ты принес нож.

– Самозащита, чел.

– Я не вооружен. – Джуниор показывает пустые руки.

– Я тебе не верю.

Не может быть, чтобы нож был только у меня. Джуниор выворачивает карманы, распахивает куртку, чтобы показать, что там ничего нет. Блин, единственный нож был у меня. А теперь я беззащитный, весь как на ладони.

– Ты пришел с ножом. Ты пришел меня убить. – Джуниор

придвигается и тычет пальцем мне в грудь. – Так вот, я тебе не дамся. Ничего у тебя со мной не выйдет. Завтра возьмешь свою книжку и вычеркнешь мое число, потому что сегодня я никуда не денусь. Ты облажался.

Больно бьет меня в живот.

– Это ты сегодня влипнешь по самое не могу, лошара.

Еще раз бьет меня – под ребра. Еще раз. Еще. Пытаюсь держаться, но руки у меня заломлены за спину, отбиваться нечем. Потом он бьет меня по лицу. Губа трескается, хлещет кровь. От ее запаха меня снова накрывает давний кошмар.

– Хватит, Джуниор, ты говорил, драка будет честная!

Чей-то голос – того парня, который меня обыскивал.

– А пошел ты.

– Он уже хорош, сам погляди!

– Я сказал – пошел ты!

– Ты чего, совсем оборзел?!

Еле слышу, что они говорят. Голова свесилась, ноги подкашиваются. Если бы шестерки Джуниора меня не держали, я бы уже валялся на полу.

Джуниор не останавливается. Завелся. Опять бьет в живот, и меня рвет кровью. Он меня убивает. Нож ему не нужен – обойдется кулаками.

– Брось его!

Еще удар.

– Я сказал – брось его!

Ничего не вижу. Глаза заволокло красным. Болтаюсь у них в руках – и вдруг падаю. Раздается крик, оглушительный яростный вопль, и кто-то бьет меня в плечо, и я валюсь набок. Потом слышно кряхтение, шарканье, возгласы, голоса без слов, и глаза у меня заволакивает уже не красным, а черным.

Костер трещит, когда я в него падаю. Руки и ноги не слушаются. Не могу выбраться. С усилием открываю глаза и вижу, как летят вверх искорки, мелкие огненные точки – они поднимаются выше,

выше, выше... Вижу сквозь пламя отблеск клинка, изумление в глазах Джуниора, и его число вспыхивает, словно неоновая реклама.

Зажглось – погасло. Зажглось – погасло. Зажглось – погасло.

Кто-то кричит.

Пламя лижет мне лицо, наполняет ноздри запахом спекающейся плоти.

Кто-то кричит.

Это я.

Сара

Первые несколько дней проходят в мирной молочной дымке. Если Мия питит, я ее кормлю. Для этого приходится брать себя в руки – когда она присасывается, больно, аж искры из глаз, – но через несколько секунд боль проходит, и молоко, словно волшебное зелье, околдовывает и ее, и меня. Она становится как пьяная – тепленькая, довольная, сонная. Все тело обмякает, руки свисают по бокам, чуть-чуть двигается только ушко – это она сосет, ровно, ритмично, раз-два-три-пауза, раз-два-три-пауза. А я погружаюсь туда, где есть только мы с ней и больше ничего, – в мягкий, теплый, молочный мирок.

Я и не думала, что будет так. Да и откуда я знала? Оказывается, можно полюбить человека так самозабвенно с самого первого взгляда...

Как я. Да, я люблю ее. Она была во мне, а теперь стала самостоятельной – отдельная личность, – и я ее люблю. Я ненавидела свою жизнь – от и до. Меня тошнило от того, что я – это я. Но все это прошло, миновало навсегда, и я стала тем, кем стала. Хотела стать новым человеком – вот, пожалуйста. Я – мама Мии.

Адам

Я как снеговик на солнце. Пол-лица растаяло. Размазалось. Лишилось подробностей. Когда я в первый раз вижу себя в зеркале, то не ору и не плачу, а просто стою и смотрю, пытаюсь угадать себя в этом лице. Отворачиваюсь и смотрю опять, надеюсь, что теперь все будет иначе, надеюсь, что произошло чудо и я снова «нормальный».

Никаких чудес. У меня шрамы от ожогов. Таким я буду всегда.

Приходят полицейские, задают всякие вопросы, но я не хочу разговаривать. Закрываю глаза. Держу рот на замке. И они уходят. Слежу, чтобы занавески вокруг койки были задвинуты. Не хочу никого видеть, не хочу, чтобы кто-нибудь видел меня. Когда приходят медсестры, я на них не смотрю. Еще мне не хватало сейчас видеть чьи-нибудь числа. Пару недель у меня это получается, но однажды медсестра забывает как следует задвинуть занавески, и вот мальчишка с соседней койки смотрит в щель, как я подношу к лицу зеркало. Он младше меня, ему лет одиннадцать, – бледный, тощенький, совсем без волос. Такое я уже видел. Он после химии, как мама.

Ловлю его взгляд, но мальчишка не смущается, не отводит глаза, а смотрит прямо на меня и спрашивает:

– Что с тобой случилось?

Не хочу с ним разговаривать. Ни с кем не хочу разговаривать, а особенно с очередным «двадцать седьмым». Он-то как раз «двадцать седьмой». Лежит тут, бедняга, по уши накачанный своей химией, а число его говорит мне, что его вот-вот прихлопнет вместе с остальными. Притворяюсь, будто не слышу его, но он только повторяет погромче:

– Что случилось? Похоже на ожог. – Пристал, как пиявка.

– Упал в костер, – бурчу я в конце концов.

А сам думаю: «Ну вот, я все тебе сказал. Заткнись и отвали».

Он кивает.

– Я Уэсли, – говорит он. – Рак, как у Джейка вон на той койке, только у него почки, а у меня лейкемия. В крови.

Я ничего не отвечаю, а он решает, что это я его типа приглашаю к разговору, и я и глазом не успеваю моргнуть, как он отпихивает одеяло, слезает с койки, отодвигает мои занавески и пристраивается на краешке матраса.

– А там Карл, – тихо говорит он, показывая подбородком на мальчика напротив – обе ноги в гипсе и подняты кверху. – Авария, – шепчет Уэсли. – Папа и брат погибли.

– Ой, блин, – говорю я.

– Ага.

Карл смотрит в нашу сторону, но на самом деле нас не видит. Глаза у него стеклянные – только число я все равно засекаю. Он умрет завтра.

– Чел, ему худо. Совсем худо, – шепчу я Уэсли.

– Да нет, – говорит он. – Выглядит плохо, но на самом деле идет на поправку. Только ноги поломаны. Остальное все в порядке.

Похоже, Уэсли внимательно слушал, что говорят врачи, только вот они ошибаются. Числа не меняются. Они не врут. Уж я-то знаю.

Днем навестить меня приходит бабуля.

– Баб, забери меня отсюда.

– Что, крыша слегка поехала? Еще бы.

Она принесла мне кулек мятных конфеток и сама вовсю их трескает.

– Я тут совсем с ума сойду. – Понижаю голос и маню ее пальцем, она наклоняется поближе. – Из-за чисел, баб. Сплошные числа. Тут кое-кто долго не протянет.

Тут бабуля перестает жевать и глядит мне прямо в глаза.

– Вон тот мальчонка с задранными ногами. Он завтра концы отдаст, а больше никто этого не видит. Думают, у него все тип-топ. Даже не смотрят особенно.

– Ты уверен?

– А то! Я бы иначе не говорил!

– Сообщи кому-нибудь.

– Да ты что!

– Ну...

– Баб, от этого ничего не изменится. Как у мамы и Джуниора – ничего же не изменилось.

– А вдруг на этот раз?

– Баб, я всю жизнь их вижу. Числа не меняются. Я мог бы сдохнуть в костре, но не сдох, потому что число было не мое. А Джуниора могли только поцарапать ножом, а получилось вот как. Зарезали, и все. Я видел его число. Оно раз и навсегда. Никто его не изменит.

– Попытка не пытка! Я поговорю с докторами. Все равно надо тебя отсюда забирать. По-моему, тебе не стоит здесь находиться.

Она поднимается и идет искать, с кем поговорить, а конфеты уносит с собой.

Вечером, когда дежурная сестра в последний раз обходит палаты перед отбоем, я ее останавливаю.

– Посмотрите Карла, пожалуйста, – прошу я.

– Естественно, – говорит она. – Я всех посмотрю.

– Последите за ним сегодня повнимательнее, хорошо?

Она глядит на меня, словно у меня шарики за ролики зашли, потом подтыкает одеяло в ногах.

– Не переживай за него. Он поправляется.

Когда в палате гасят свет, я оставляю лампочку у изголовья и остаюсь сидеть. Даю себе слово глаз с Карла не спускать, решил, подниму шум, если заподозрю неладное. Как только чувствую, что задремываю, щиплю себя изо всех сил. На минуту-другую это меня будит, но потом я все-таки засыпаю и ничего не могу с этим поделать. Рывком просыпаюсь оттого, что в палате горит свет и вокруг койки напротив толпятся белые халаты и кто-то задергивает занавеску.

– Что случилось? Что? – кричу я, но никто меня не слушает.

Уэсли с Джейком спят, хотя в нескольких метрах от них все так и носятся, а остальные смотрят только на Карла.

Потом врачи и медсестры молчат, как воды в рот набрали. Даже Уэсли не сумел выяснить, что случилось.

– Наверно, все совсем плохо, – говорит он мне. – Кто-то с чем-то промахнулся, ошибся, иначе бы нам сказали.

Он не знает, а я-то все видел, когда врачи бегали вокруг Карла и пытались его спасти, видел лужу крови из-под занавески, ножницы, которые в суматохе запинали под койку Похоже, Карл сам нашел выход.

Весь день только об этом и думаю. Больше ни о чем не получается. Если бы я не спал, то поднял бы тревогу раньше. Его могли спасти. Знал же, что будет беда, и должен был до кого-то докричаться. Это я во всем виноват.

Его койка теперь пустая. Слезаю со своей и иду туда.

– Прости, братан, – шепчу я. – Подвел я тебя.

Думаю, бабуля верно говорила: если как следует постараться, число можно изменить. Если бы я не спал, то видел бы, как Карл сделал свой ход, и все было бы иначе. Теперь я думаю обо всех «двадцать седьмых». Они еще живы.

Если я предупрежу их, заставлю себя выслушать, вероятно, погибнут не тысячи и не миллионы. Может быть, я хоть кого-то да спасу. Даже если всего несколько человек – дело того стоит, правда?

Осталось совсем немного, пора рассказывать.

Только как заставить себя слушать?

И что я должен рассказать?

Сара

Она все плачет и плачет. Не унимается.

Все началось ни с того ни с сего – однажды вечером она начинает плакать. Даю грудь – не помогает. Переодеваю – тоже ничего не меняется. Беру на руки, прислоняю к плечу и хожу с ней кругами по комнате. Проходит целая вечность, и она наконец засыпает: вымоталась, вот и отрубилась.

Кладу ее в ящик, где я устроила ей постельку, и падаю на кровать. Ее плач еще звенит у меня в ушах, долгим эхо отдается от стен. Сворачиваюсь клубочком, зажимаю уши, чтобы отгородиться от него. Наверное, я засыпаю, но не знаю, сколько удалось проспать. Знаю только, что ее плач ворвался в мои сны и выволок меня на поверхность. Машинально протягиваю руку потрогать Мию. Кожа у нее так и пылает и влажная от пота.

Пробую все, что знаю: кормлю, переодеваю, пою, укачиваю. А она плачет, и плачет, и плачет.

Винни стучит в дверь и входит.

– Что у вас тут? Вижу, свет горит. Ну и услышал, да. Вот принес тебе чайку.

– Который час?

– К пяти.

– Утра?

– Ага.

– Вин, мне ее не успокоить! Она плачет и плачет! – Голос у меня тоненький и дрожащий.

– Дай ее сюда. Подержу, пока ты пьешь чай. Давай подумаем, что делать.

Берет у меня Мию:

– Господи, Сара, она прямо полыхает!

– Ну да. Вин, что делать? Что мне делать?

– Знаешь, отвезем-ка ее в больницу, в приемный покой.

– Нельзя! Там потребуют удостоверение, адрес и вообще!

– Надо показать ребенка врачу. Нельзя ее так оставить. Скажи, забыла удостоверение дома, а номер не помнишь, выдумай адрес. Все будет нормально. Посмотрят на нее и полечат. Она вон какая крохотуля и болеет, не звери же они. Поехали. Одевайся. Пойду найду ключи от машины.

У нас нет автомобильного сиденья для Мии, поэтому я сажусь назад и держу ее на руках.

– Едь медленно, – говорю я.

– Ясное дело.

Больница вся белая и сверкает. Я уже месяца три из дому не выходила, у меня от всего этого голова кругом идет. Все такое чистое, большое, деловитое. Гляжу на себя: заляпанный свитер поверх футболки, спортивные штаны. Домашние тапки на босу ногу. Вид такой, будто я спала в одежде.

– Имя, фамилия?

– Салли Харрисон.

– Удостоверение личности, пожалуйста.

– Ой, боже мой, я его, кажется, дома забыла. Так спешили...

Регистраторша смотрит на меня в упор, подняв бровь.

– Вы не чипированы?

– Нет.

– А ребенок?

– Нет.

Без предъявления удостоверения личности могут отказаться лечить. Гляжу на нее, не понимая, куда она клонит.

– Пожалуйста... – говорю я.

Бровь задирается еще выше, но потом регистраторша вздыхает и спрашивает дальше. Даю ей выдуманный адрес и телефон и рассказываю о симптомах Мии все, что знаю.

Ждать приходится всего двадцать минут, потом медсестра ведет нас в смотровую. Туда приходит врач – совсем молодая женщина, но

под глазами у нее серые круги, а светлые волосы вылезают из растрепанного хвостика.

– Давайте поглядим на вашу малышку.

Ее кладут на белый матрасик за прозрачной загородкой, как в аквариум, и осторожно раздевают.

– Когда у нее поднялась температура?

– Часов двенадцать назад. И с тех пор она плачет, с перерывами.

– Грудь берет?

– С тех пор, как начала плакать, – нет.

Они осматривают каждый дюйм, проверяют и глаза, и уши, и рот, бережно сгибают и разгибают руки и ноги.

– Похоже, у нее инфекция в пупочной ранке. Видите, тут покраснение и отек.

Теперь, когда врач мне все показывает, я и сама вижу. Кожа на животике вокруг остатков пуповины вспухла и воспалена. Боже мой, как же я проглядела? Какая я мать после этого?! Больно ей, вот и плачет!

– Сейчас мы дадим антибиотик.

Не успеваю я ответить, как они делают ей укол в ногу. Потом достают из целлофановой обертки еще один шприц.

– Она ведь еще не чипирована?

– Нет, но...

– Это обязательно.

Врач коротко косится на меня, и я понимаю, что спорить бессмысленно. Если бы я и хотела, все равно уже поздно. Игла уже вонзилась, на шприц уже нажали.

– Пойдемте в палату, там мы заполним историю болезни.

– В палату?..

– Инфекции в этой части тела довольно опасны. Иногда они приводят к столбняку, поэтому сегодня мы подержим ее здесь и понаблюдаем, как она реагирует на терапию.

Подержим здесь?!

– А... а нельзя просто дать ей лекарство? Мы бы не хотели оставаться. У нас дела...

– Нужно ее обследовать. Для такого маленького ребенка столбняк смертельно опасен. Мы не можем рисковать. Да и у вас такой вид, что вам пора отдохнуть. Можно на день поместить вас в палату матери и ребенка, если хотите, найдем одноместную.

Такое ощущение, что все вырвалось из-под контроля. Врачи ее заполучили и не желают отдавать. Поймали. Чипировали. При мысли, что ей в тело вживили микрочип, мне становится худо. Я не хотела, чтобы с ней так поступали. Не хотела, чтобы ее пометили, заклеямили и всю жизнь держали под колпаком.

Правда, если я и дальше буду гнуть свою линию – забытое удостоверение, вымышленное имя, чужой адрес, – ничего плохого нам не сделают, так ведь? Гляжу на животик Мии, на туго натянутую, блестящую больную кожу, и понимаю – выбора у меня нет.

Адам

Выписывать меня не хотели, но я все равно ухожу. Не могу здесь оставаться. Свихнусь к чертовой матери. Бабуля приносит мне чистую одежду, и я одеваюсь, пока медсестра учит бабулю, что делать с моим лицом. Потом можно идти.

Когда я подхожу попрощаться к Уэсли, его тошнит в тазик. Он поднимает руку, но говорить не может.

– Держись тут, Уэс, – говорю. Так хочется сказать ему – бросай свою химию, порадуйся жизни, пока можно. Он же «двадцать седьмой», ему всего-то неделя осталась. Но когда я начинаю думать, с какого конца мне нужно браться, чтобы все изменить, изменить судьбу «двадцать седьмых», мне приходит в голову, что химия ему очень даже нужна: может, протянет чуть дольше.

Вот я и молчу и выхожу из палаты. Не могу удержаться, бросаю взгляд на койку, где лежал Карл. Теперь там кто-то другой, и на моем месте тоже будет кто-то другой. Непрерывный конвейер больных и увечных, кто-то поправится, кто-то нет, но, когда я думаю о Карле, на сердце становится тяжело. Это я виноват. Надо было всего-навсего не спать. А я его подвел.

– Что тебя гложет? Ты же вроде бы хотел домой?

– Да ничего. Просто... место такое.

– Ты сделал все, что мог, – говорит бабуля, прочитав мои мысли, – и я тоже.

– Значит, мало старались.

– Прекрати самобичевание. Пошли отсюда скорее.

Не ожидал, что ходить будет так трудно. Пролежал семнадцать дней, и ноги отключились. Коридоры никак не кончаются.

– Тут слева как раз автобусная остановка. Адам... Адам!

Голос ее замолкает – и я больше ничего не слышу. В побитую старую тачку на парковке садится девушка. На плечах у нее куртка, рук не видно. Ей помогает какой-то высокий тощий тип. Он заслоняет ее от меня, но я ее сразу узнал.

Это Сара.

Она что-то сделала с прической, сбрила половину волос, но это она. Силы небесные! Она!

Стою как дурак, гляжу, как она забирается на заднее сиденье. Тощий закрывает дверь, обходит машину, открывает водительскую дверь, и тут я вроде как просыпаюсь. Она уезжает! Еще минута – и ее здесь не будет! Что же делать?

– Адам! Куда ты, черт побери?!

Иду к парковке, потом перехожу на бег. Тощий завел машину, они отъезжают. Нужно перехватить их у шлагбаума. Там им придется остановиться, чтобы их выпустили. Машина едет медленно, и я успеваю доковылять до выезда раньше. Машу водителю, чтобы притормозил. Он пугается, но шлагбаум все равно еще закрыт. Останавливает машину, опускает стекло с пассажирской стороны и наклоняется к окну.

– Чего, братишка? – спрашивает он.

Гляжу на заднее сиденье. Подголовник все заслоняет.

– Я просто хотел... простите... Сара?

Она передвигается в сторону, и я вижу ее лицо. Это точно она, это ее лицо было у меня в голове с утра до вечера, это его я вспоминал перед сном. Она ахает, челюсть у нее отвисает, и тут я вспоминаю, какое лицо теперь у меня самого, как она, наверное, перепугалась, когда меня увидела.

Прикрываю щеку рукой.

– Страшно только с виду, на самом деле... – начинаю я, но тут Сара отворачивается и кричит:

– Винни, поехали отсюда! Поехали скорее! Быстро! Быстро!

– Сара!

Шины визжат по бетону – Винни нажимает на газ, и машина проезжает вперед метра два. Шлагбаум, как всегда, не спешит подниматься. Я хватаюсь за машину и наклоняюсь к заднему окну. Сара по-прежнему кричит, но когда видит меня, замолкает и забивается в дальний угол.

Едва шлагбаум чуть-чуть поднимается, как Винни уже выезжает.

Металл ускользает у меня из-под пальцев, и я застываю в полном обалдении. Прямо как в первый раз, когда она меня увидела, только хуже. Почему она так меня боится? Кто она на самом деле, кем она меня считает?

– Адам!

Оборачиваюсь. На тротуаре стоит бабуля и смотрит на меня. Медленно ковыляю к ней.

– Это еще кто?

– Да так, девушка знакомая.

– Чего это она так?

– Ненавидит меня. Боится.

Бабулино лицо темнеет.

– Боится? Что ты ей сделал?

– Ничего я ей не делал. Она что-то про меня знает, или ей кажется.

– Про вас сплетничали? Распускали слухи?

– Да нет, ничего такого. Она так с тех пор, как мы познакомились, с первого дня в школе. – И тут до меня наконец доходит, и, когда я говорю это вслух, становится ясно – так и есть. – Она не как все. Она вроде нас с тобой. У тебя – ауры. У меня – числа. И у нее что-то есть. Она что-то знает.

Бабуля не смеется. Не думает, что я спятил.

Лезет в сумку, достает сигарету, потом закуривает, глубоко затягивается и выпускает длинную струйку дыма прямо в табличку: «На территории больницы курение запрещено. Штраф 200 евро».

– Тогда, сынок, надо бы тебе ее разыскать, – говорит она. – Найди-ка эту девочку, и пусть она расскажет тебе, что знает.

Сара

Это был он!

И лицо у него стало как лицо из моих снов. С одной стороны – все в шрамах, будто оплавленное.

Откуда я, спрашивается, знала, что это идеальное лицо будет в ожогах? Откуда я знаю, что увижу его еще раз – во время другого пожара?

Я думала, вот рожу, и страшные сны кончатся. Они начались вместе с Мией – первые сны стали сниться мне еще до того, как я узнала, что забеременела. Мия каким-то образом навлекла их на меня, и я думала, может, это ее сны, и, когда мы разделимся, они останутся у нее. Но она передала их мне. В ту же ночь, когда мы вернулись домой из больницы, мне опять снится сон. На этот раз я вижу, что весь город лежит в руинах: дома превратились в груды обломков, в мостовой трещины, такие широкие, что не перепрыгнешь, трупы на улицах, мертвецов выкапывают из-под завалов. А я могу думать только о Мии. Ее со мной нет. Надо до нее добраться.

Я силой заставляю себя проснуться. Где она? Боже мой, где мой ребенок? Руки слепо шарят кругом. Нащупывают ее макушку, мягкую и теплую. Она здесь, спит в своем ящике.

Просто сон. Это не взаправду.

Все в этом сне наперекосяк, так не может быть. Я в жизни глаз с Мии не спущу. Это злые шутки подсознания, вот что. Оно берет мои самые главные страхи, выворачивает их наизнанку и предъявляет мне.

Вот только... вот только клочки кошмара складываются словно мозаика. Мия. Адам. Я.

В этом есть какая-то неизбежность.

Это невыносимо. Одной, в темноте, мне со всем этим не справиться. Я снова тянусь вниз и беру Мию к себе в постель. Я ее разбудила. По-моему, раньше я никогда так не делала. Всегда разрешала ей спать в собственном режиме. Но вот она не спит и не

плачет. Кладу ее к себе на колени. Ласково беру за руки, она вцепляется мне в большие пальцы, и мы смотрим друг на друга, прямо в глаза, и долго-долго молчим.

– Я тебя никогда не брошу, – говорю я ей наконец. – Я тебя никогда не брошу.

И жду, что она скажет мне в ответ то же самое. Наверное, после родов у меня слегка поехала крыша. От Мии у меня размягчились мозги, размазались все границы. Если бы она сейчас сказала мне: «Мама, я тебя никогда не брошу», я бы даже не удивилась. В мире, размытом от молока и недосыпа, такое вполне может быть.

Она ничего не говорит. Смотрит, смотрит, смотрит. Постепенно веки у нее тяжелеют, не удержат. Несколько минут они трепещут, а потом закрываются. Дышит ртом, каждый выдох умилительно натуженный, она чуть ли не храпит. Кладу ее на матрас себе под бок.

Что бы ни случилось, что бы ни готовило нам будущее, у нас есть настоящее – мы с Мией лежим лицом к лицу, близко-близко, дышим одним и тем же воздухом, делим на двоих одну и ту же дремоту – и мне этого довольно. У нас есть настоящее. И пока нам больше ничего не нужно.

Я снова засыпаю, и теперь малышка плачет, и я тоже плачу. Нас окружила огненная стена. Мы здесь погибнем, сгорим заживо. На себя мне плевать, но Мия... Это невозможно! Я прикрываю ее своим телом, пытаюсь защитить. Пламя подбирается ко мне. Одежда от жара вплавляется в кожу.

– Сара! Сара!

Кто-то трясет меня за плечо. Это он. Адам. Пытается что-то мне сказать, но кругом все с грохотом рушится. Я ничего не слышу.

– Сара, просыпайся! Просыпайся!

Открываю глаза. Я кричу, Мия кричит, но воздух кругом холодный – это лицо у меня пылает. Я в своей комнате в норе Винни, и это голос Винни, а не Адама.

– Ты разбудила ребенка, – говорит он.

Я беру ее на руки. Моя девочка. Я ее напугала. Вылезаю из постели и хожу по комнате, укачиваю ее, но ничего не помогает, и мы возвращаемся в постель перекусить. Она присасывается, держится

руками за грудь изо всех сил, жадно ест. Я вытираю ей слезы с того глаза, который мне сейчас видно, и постепенно она успокаивается, а мерное чмокание успокаивает и меня.

– С этим надо что-то делать. Поговорила бы ты с кем-нибудь, что ли.

– С психиатром?

– Ну вроде того.

– Рассказать о том, какое у меня было детство, выговориться, то-се?

– А что? Многим помогает.

– Мне снится никакое не прошлое. Будущее.

– То есть?

– Снится, что будет со мной и с Мией. И не только с нами, а со всеми. Какая-то катастрофа.

– Можно мне посмотреть рисунки? Ты же его нарисовала, в смысле сон, да?

Я и правда нарисовала все на обоях, но потом свернула их обратно, потому что не могла сидеть и смотреть на это.

– Вон там, – говорю и киваю на рулон, который стоит в углу.

Винни начинает его разворачивать, держит перед собой, потом понимает, какой рисунок большой, и кладет бумагу на пол, придавив края моими тапками.

– Господи, – говорит он. – Господи Боже милосердный! Это же тот парняга с парковки. И дома, и огонь... Господи Боже, Сара, ты хоть знаешь, что ты нарисовала?

Мотаю головой, потом смотрю на него – а он весь белый от страха.

– Тут дата стоит: первое января 2027 года. Это тогда и будет?

– Да, мне снится, что это первое января.

– Господи.

Проводит руками по лицу, но затравленное выражение никуда не девается.

– Цыпа, нельзя держать это в себе. Это же по-настоящему. По-настоящему, так?

– Откуда я знаю, Вин? Для меня – да. И парень этот, Адам, – я его сначала во сне увидела, а потом уже наяву. И ожогов у него тогда не было, но я его видела, знала, что с ним это случится.

– Блин. Жуть какая. Бедная ты, бедная. Нет, надо всем рассказать. Я знаю отличное место. Поехали покажу.

– Вин, пять утра. Я кормлю ребенка.

У него в голове свои часы, не как у людей.

– Пусть она поест. Тогда и поедем. Я тебе покажу. И достану тебе баллончики с красками – у одного моего друга есть. Надо показать миру...

– Винни, ты хочешь, чтобы я это на стене нарисовала?

– Ну да, например.

– Нет. Ни за что.

Тут он становится серьезным:

– Надо. У тебя нет выбора. Ты должна всем рассказать...

– А иди ты, Винни, ничего я никому не должна.

– Должна-должна, раз ты знаешь, что будет. Ты что, сама не понимаешь?

Мотаю головой.

Винни снова смотрит на рисунок:

– Это Судный день, Сара. Ты, блин, Судный день нарисовала.

Адам

Не хочу выходить из дому. Не хочу никого видеть. Бабуля десять раз в день слезает со своего насеста проверить, как я там, но я хочу только одного – чтобы меня не трогали.

Однажды она входит, держа руки за спиной.

– У меня для тебя сюрприз, – говорит и протягивает мне маленький квадратный сверток – коробочку, завернутую в подарочную бумагу с птичками.

– Что это?

– Да так, пустячок. Подарочек на Рождество. Сегодня ведь Рождество.

Правда? 25122026? Осталась всего неделя.

– Ну как, развернешь? – спрашивает она и кивает – давай, мол.

Долго вожусь с ленточкой, но в конце концов добираюсь до подарка. Это апельсиновые дольки в шоколаде.

– Пасиб, – выдавливаю. – А у меня ничего...

– Не страшно. Ты же, наверное, за календарем не следишь. Я там готовлю обед, жаркое, все как положено, если хочешь – спускайся...

– Нет, баб. Я тут посижу.

– Хорошо, тогда я тебе сюда принесу, договорились? Вкусно получилось, положу тебе всего по кусочку – и индейки, и колбаски, и картошечки жареной, и паштета... Оказывается, столько всего можно приготовить в микроволновке, я и не знала. Поразительно...

– Не, баб, не надо. Не хочется.

– Адам, надо что-то есть. Сделай мне одолжение. Ради праздника.

– Я же говорю – не надо.

– Ради праздника, Адам! Ведь Рождество...

– Баб, если я захочу поесть, пойду и сам возьму.

Ей это как будто пощечина.

– Я же хочу, чтобы ты пришел в себя, – говорит она.

– Посмотри на меня, – отвечаю. – Ты что, думаешь, я когда-нибудь приду в себя? Посмотри, какое у меня лицо.

Слышу собственный голос и сгораю со стыда: только на кого еще мне это вывалить?

– Я видела твое лицо, – тихо произносит бабуля. – Оно заживает и будет лучше, чем сейчас.

– Лучше не будет, дура старая! Оно такое – и все! Я теперь так выгляжу!

Бабуля лезет в карман за сигаретой. Сует в рот, подносит зажигалку. Щелкает, пляшет пламя, и запах паленой бумаги и горящего табака ударяет в меня, будто скорый поезд. Дым застилает глаза, дым лезет в голову, окружает меня, я горю, волосы трещат, лопается горящая кожа...

– Перестань! Уйди! Вали отсюда! – Голос срывается на визг.

Она смотрит на меня с недоумением и страхом: я выхватываю у нее из рук сигарету, бросаю на пол и топчу.

– Адам!

– Вали отсюда! Оставь меня в покое!

Она уходит, и я получаю что хотел. Только никакого покоя: я опять один, нос к носу со своим отражением, а в голове у меня – огонь и кулаки, ножи и лицо Джуниора, когда я видел его в последний раз. И еще одно лицо – Сарино, на котором написан ужас, и как она при виде меня забилась в угол сиденья.

Сара

Не лажу я с баллончиками. Совсем другая техника, не мой стиль, зато, когда мне дают кисти, дело сразу сдвигается с мертвой точки. Я думала, Винни чокнулся, а оказалось, он здорово придумал. С каждым взмахом руки во мне что-то высвобождается. Как будто я выдавливаю из себя этот кошмар, и, может быть, он там и останется. Не внутри меня, а снаружи.

Я в туннеле, где дорога проходит под рельсами. Машин тут почти не бывает, а пешеходов много: они идут из жилых кварталов на Хай-стрит. Все равно днем я могу рисовать сколько угодно. Удивительно, толпа идет себе мимо, и никто мне ни слова не говорит. Наверное, дело в том, что картина у меня такая масштабная, вот прохожие и думают, будто это официально, а может быть, считают, все веселее, чем глухая стена.

Прихожу сюда при каждом удобном случае, даже на Рождество. Странное у нас Рождество. Без елки, без украшений, зато с подарками. Когда я утром спускаюсь в кухню, на столе лежит маленький полиэтиленовый пакетик. В нем коробка конфет для меня и вязаная шапочка для Мии с запиской: «С Рождеством! От Винни, ХХ».

Мне стыдно: у меня-то для него ничего нет и денег тоже нет, так что перед уходом я делаю чай и гренки и несу ему в комнату. Завтрак в постель: это же приятно, правда? Винни спит без задних ног. Сначала я думаю разбудить его, чтобы он увидел, что я сделала, но мне становится совестно, поэтому я просто ставлю кружку и блюдце на пол возле матраса.

Мию я беру с собой. Она лежит в старой коляске, которую Винни притащил со свалки. Дома я Мию никогда не оставляю. Они ребята хорошие, не поймите меня неправильно, и ничего плохого ей не сделают, но ведь наркоманы есть наркоманы. Я их не сужу: кто я вообще такая, чтобы судить? Просто Мия – моя главная драгоценность. Не могу ею рисковать.

Вот я и рисую, пока она разрешает, иногда по два-три часа подряд. Картина понемногу складывается, и мне она очень нравится. Можно сказать, я и забыла, что именно я рисую, так меня увлекает

физическая сторона рисования, создания чего-то материального. И когда я отхожу на несколько шагов и смотрю, как у меня получается, результат застаёт меня врасплох. Столько насилия, столько хаоса, столько страха. Это все было во мне – я такая внутри.

Эмоции включаются только тогда, когда я рисую Адама. Это он, тут нет никаких сомнений; получается, яставляю его на всеобщее обозрение. Начинаю нервничать. Разве можно рисовать на этой стене живых людей? Имею ли я право? Но потом я думаю: нельзя врать самой себе. Это же не сон, не фантазия, а правда. Мое дело – предупредить. Вот я и рисую Адама так, как я его вижу: в красивых глазах отражается пламя, лицо в ожогах, – и Мию тоже рисую, и ставлю дату.

И вдруг все готово. Картина очень большая, одним взглядом ее не охватить. Нужно идти вдоль нее и рассматривать по частям. Зато вот он. Кошмар, с которым я так долго жила. Теперь он не во мне. Я это сделала.

Хожу туда-сюда и рассматриваю картину. Кое-что хочется исправить, кое-что могло быть и лучше, но возиться с мелочами я не собираюсь. Темнеет. Укутываю Мию лучше.

– Пошли домой, Мия. Поспим.

Адам

Часами валяюсь в постели. Когда я засыпаю, те же самые мысли превращаются в такие страшные сны, что приходится силой просыпаться. Не понимаю, где я. Окно не с той стороны, столик у кровати не той высоты. Это не Уэстон. Где я, черт побери? Где мама?

Потом в голову вползает реальность, но лучше от этого не становится. В придачу к костру, драке, Джуниору и Саре есть еще кое-что. 112027. Еще на день ближе. Время бежит. Если я хочу что-то предпринять, пора браться за дело: только что я могу сделать? Да ни фига. Только валяться и слушать, как часы тикают, слушать, как сердце бьется, и думать, как было бы хорошо оказаться за миллион миль отсюда и вообще стать кем-нибудь другим.

Полиция приходит за мной с утра пораньше. В шесть утра на второй день Рождества, как раз в день подарков. Слышу, как они колотят в дверь – и тут же переношусь обратно в Уэстон, и к горлу подступает тошнота. Слышу голоса – их и бабулин, – и вот бабуля уже в моей комнате.

– Тебя хотят допросить, не здесь, в участке. Одевайся-ка. Я тоже поеду. Хотят обыскать дом, пока нас не будет, ордер принесли и все такое.

– Блин!

– Адам, только не надо кобениться. Не тот случай.

– Я ничего не сделал.

– Знаю. Ты жертва, я им так и сказала, но ты там был, тот мальчик погиб, поэтому они обязаны тебя допросить.

Оглядываю комнату. Это все, что у меня есть, моя территория, дикая смесь моих и папиных вещей. Не хочу, чтобы тут кто-то копался, рассматривал чужое имущество.

– Вставай, сынок. Нам дали всего пару минут на сборы. Ах да, записная книжка...

– А что?

– Давай ее сюда. Не хотелось бы, чтобы ее нашли, правда?

Записная книжка! Там же смерть Джуниора описана в подробностях – черным по белому! Я ее предсказал. Запланировал. Она предумышленная. Моя записная книжка сделает из меня убийцу.

– Ты читала?..

Могла бы, когда я в последний раз давал книжку ей на хранение.

Бабуля мотает головой:

– Мне не нужно. И так знаю. Там, в ней, твои даты – твои числа.

– А еще компьютер. Папин ноут, я туда все ввел.

Она пожимает плечами:

– Тут я ничего поделать не могу.

Мы глядим друг на друга – и вдруг я понимаю, что на нее можно все вывалить.

– Баб, он мне угрожал. Но я его не убивал. Это не я.

Она прижимает палец к губам.

– Ни слова им не говори, – шепчет она. – Ни словечка!

Допрос длится до вечера.

Я не говорю ни слова.

– Кто еще там был?

Ага, щас, так я вам и сказал.

– Почему ты упал в огонь?

А как вы думаете?

– Ты видел у кого-нибудь нож?

Понемногу становится понятно, что нож не нашли. Где-то он лежит – его выбросили, спрятали или носят при себе.

Ножа у них нет. Имена есть, а улики нет.

Жду, что вот-вот все будет как в детективном сериале – кто-нибудь заглянет в дверь, подбежит и шепнет на ухо следователю: появилась главная улика, убийца найден, дело закрыто. «Все прошло по плану. Мальчишка попал в засаду, у него не было шансов». И на лицах у них, как положено, появится победная улыбка: мы его поймали. Но ничего такого не происходит.

Бабуля беседует с адвокатом – это молодая женщина, смуглая, взвинченная, она сидит с нами и все время что-то записывает в свой ноут. Потом закрывает ноут и тоже принимается задавать вопросы.

– Вы намерены выдвинуть против него обвинение?

– Если вы его задержите, я буду настаивать на присутствии врача: мой подзащитный только что из больницы. Вы намерены его задержать?

– Вы оказываете на моего подзащитного излишнее давление. Ему шестнадцать лет. Вы знакомы с требованиями закона о ювенильной юстиции от 2012 года?

Полицейские кривятся, но в конце концов соглашаются, что сегодня мне никаких обвинений не предъявят, и меня отпускают. На крыльце бабуля жмет руку адвокатше и заставляет меня сделать то же самое.

– Спасибо, – говорю.

Адвокатша улыбается от уха до уха.

– О, так ты умеешь говорить, – замечает она. Дает бабуле визитку: – Если понадобится, звоните в любое время, хоть ночью.

Мы топаем домой, не представляя себе, что мы там застанем, но там все в точности как было. Оглядываю комнату: все нормально, ничего не пропало, даже комп на месте.

Спускаюсь вниз, и бабуля, закулив сигарету и поставив чайник, лезет за пазуху и достает записную книжку.

– Забирай обратно.

– Баб, – говорю, – ты знаешь, что я не хотел в Лондон?

Она щурится, глядит на меня сквозь облако дыма.

– Да.

– Думаю, пора нам двигаться отсюда. Лондон для меня неподходящее место. И мама так говорила, правда? Тут опасно.

– Ну, видишь ли, тут мы с ней расходились во мнениях: я-то считаю, что тебя сюда прислала судьба. В такие времена, как сейчас, нужны такие люди, как ты, – люди, которые укажут другим путь. Ты пророк.

– Типа как Христос.

– Возможно.

У меня земля уходит из-под ног. Бабуля у меня со странностями, это я давно знаю, но сейчас она, по-моему, совсем тронулась.

– Что за хрень? Кончай фигню пороть!

– Сколько раз тебе говорить – выбирай выражения! Ты прав, ты никакой не Христос, Христос не стал бы грубить своей бабуле.

– Баб, я не Христос. Ничего такого. Я... я обыкновенный.

– Ха! Сам знаешь, что это неправда.

Пауза, мы снова глядим друг на друга, оба понимаем, что так и есть.

– Ладно, я не такой, как все. Я что-то вижу, но это не значит, что я могу изменить мир.

– Да ну? Правда не можешь?

– Не могу, баб!

– А по-моему, еще как можешь. И еще как изменишь.

– А по-моему, если я не унесу ноги из Лондона, то сдохну в тюрьме.

Тут она хватается за голову:

– Не говори так! Никогда так не говори!

– Баб, я не знаю, какое число у меня. Но здесь погибнет тьматумущая народу, и очень может быть, что я один из них.

Бабуля оседает на табуретку и вцепляется пятерней себе в волосы. Она давно не красилась, видны седые корни. Потеряла дар речи – наверно, впервые в жизни. Похоже, я до нее доорался. Я знаю, что надо убираться отсюда, может, удастся и ее уговорить.

– Давай собираться, сегодня же и уедем.

Она поднимает голову и смотрит на меня со своей табуретки.

– А как же та девочка?..

Сара. Ее число. Число, которое говорит мне, что я умру не в тюрьме. Или не говорит?

Бабулин вопрос так и висит в воздухе, и тут звонят в дверь. Мы оба цепенеем. Первая моя мысль – это Сара. Старая ведьма ее наколдовала. Сердце так и ухает. Вдруг да? Что мне тогда делать? Что сказать? Потом я думаю, что это полиция. Нашли нож. Сердце ухает еще пуще.

– Откроешь? – спрашивает бабуля.

– Не знаю, – отвечаю и кусаю губу.

– Похоже, они так просто не уйдут. Открой, Адам. Пожалей мои старые ножки.

Иду к двери. На улице темно, поэтому я сначала включаю свет, а потом открываю дверь.

На пороге стоит мальчик – коротышка в очках. Минуту не могу вспомнить, где я его видел. Он видит мое лицо и отводит взгляд, но потом смотрит снова – не на щеку, а прямо в глаза.

– И...и...извини, – запинается он. Угол рта у него дергается, и у меня в голове щелкает: это Нельсон, ботан из математического кружка.

– Чего извиняешься-то? – спрашиваю.

– Ну, пришел к тебе, когда ты только из больницы... Я вот думал, тебе будет интересно. – Протягивает лист бумаги, свернутый в рулон и перетянутый посередине резинкой.

– Что это? – спрашиваю.

– Дни рождения. Я их нанес на карту. Только...

– Что?

– Только... это не дни рождения, правда?

Тик у него как с цепи сорвался. А я думаю только об одном: «Еще улики, напечатанные, зафиксированные, нанесенные на карту».

– Заходи уж.

Мы расстилаем распечатку на журнальном столике в гостиной. Это план Вест-Энда, весь в разноцветных кружках. Кружков так много, что под ними и плана не видно.

– Я обработал данные, которые ты мне дал, хотя мне кажется, что они никуда не годятся. Ну, других у меня не было, пришлось

работать с чем есть. Посмотрел почтовые индексы, до некоторых пришлось догадываться, и нанес на карту. Разные даты разными цветами, вот тут, сбоку, легенда. Чем больше кружок, тем больше народу. Я их сгруппировал – самые мелкие кружки до пяти человек, потом от пяти до десяти, от десяти до двадцати, а самые большие – больше двадцати.

Первое января он пометил черным, второе – синим, третье – красным и так далее.

– А мы где?

Нельсон показывает на район с огромным черным кружком.

– Нельсон, ты где живешь?

Показывает. Черный кружок.

Сидим и молча смотрим на план. Нельсон поглядывает на меня, потом обратно на распечатку. Лицо у него совсем взбесилось – дерг, дерг, дерг. В конце концов он поправляет очки на носу и говорит то, что давно собирался, но не мог решиться.

– Адам, по-моему, это не дни рождения. Много в одних и тех же местах, и распределение очень неравномерное. Что это такое? Что это за даты?

Смотрю, как он нервно моргает, глядя на меня, как лицо у него пляшет само по себе. Да, вот оно, у него в глазах. Его число. 112027. Если я не могу спасти мир, может, удастся спасти хотя бы его. Может быть, именно сейчас пора начинать говорить правду. В голове у меня голос, мамин голос, но я заталкиваю его подальше.

Тут я слышу другой голос:

– Скажи ему. Скажи все как есть.

На пороге кухни стоит бабуля.

– Это даты смерти, – говорю я. – Я их вижу. Ты мне веришь?

Нельсон моргает и ерзает. Не могу удержаться, смотрю на него, и от его числа мне становится страшно. Страшно за него, страшно за меня.

– Верю, – говорит он. – Не понимаю, но верю, Адам, потому что весь Интернет на ушах стоит. Давай покажу.

Он наклоняется и берет с пола рядом с диваном сумку с ноутбуком. Расстегивает молнию, кладет комп себе на колени и включает.

– Я тут посмотрел, что пишут о первой дате – про Новый год. По всей Западной Европе полно сайтов с намеками. Пишут какую-то жуть на форумах и в блогах. В Шотландии есть секта, которая предсказывает апокалипсис первого числа. Они перебрались на какой-то остров и засели там. Их предводителя цитируют на уйме сайтов: «Все мы грешники. Грядет воздаяние Господне, и те, кто не знает Бога, умрут в Новый год. Я узрел истину в их глазах».

Загружает сайт.

– Отлично, – говорит, – не удалили.

Нечеткое фото какого-то человека, окруженного слушателями.

– Кто это? Что это за тип?

– Настоящего имени нет ни на одном из сайтов. Называет себя Михей, как пророк из Библии.

По спине у меня бежит холодок, я вздрагиваю.

– Он тоже видит числа, – говорю. – На то и намекает. Он числа имеет в виду.

– На свете полным-полно психов. Их всегда было много. История знает массу примеров, когда кто-то предсказывал конец света – и ничего.

– Думаешь, я псих?

Нельсон не знает, что сказать. Лицо у него печально дергается.

– Ничего страшного, – говорю. – Отвечать не обязательно.

– Нет-нет, – говорит он, – я не думаю, что ты псих. Просто... просто я не могу понять, что именно ты видишь. Не могу придумать научное объяснение. *Что именно ты видишь?*

– Не знаю, вижу я эти числа на самом деле или... мыслями. Смотрю человеку в глаза, а там число. Оно есть, и я его знаю. Я их всю жизнь вижу.

– И это дата, когда человек умрет?

– Ну да. Мама, еще кое-кто. Я видел их числа. Видел, как они умрут.

Нельсон не знает, что делать и куда девать глаза. Он не из тех, кто возьмет да и прямо спросит, какое у него число. Но он о нем думает, а я его вижу и проклиная эту способность, этот дар, это бремя. Так хочется найти нужные слова, пообещать Нельсону, что все будет хорошо, но его число визжит мне в уши, раздирает мозг.

– Нельсон... братан... – начинаю я, но он перебивает, он же не знает, что я сейчас скажу.

Кашлянув, барабанит пальцами по клавиатуре.

– Правительству тоже что-то известно, – выпаливает он. – Гляди. Отменяют публичные мероприятия. Вот – все заявления на проведение в Лондоне общественных мероприятий начиная с тридцатого декабря отклоняются. И на тридцать первое тоже. Адам, даже новогодние вечеринки отменяют!

– Правительству что-то известно?..

– Похоже на то. Как только на каком-нибудь сайте появляется «01.01», его тут же закрывают. Вот почему я удивился, что фото Михея еще не удалили.

Я типа радоваться должен, да? Радоваться, типа я не псих. Типа и другим тоже известно про первое января. Типа я не один. Вместо этого я впадаю в панику. Нервы так и звенят, все тело мигает, будто красная лампочка.

Это по-настоящему. Это происходит на самом деле.

– В самом Лондоне тоже кое-что есть. Если не удалили. Я положил закладку... вот.

Нельсон загружает еще одну страницу и передает ноут мне. Сначала я не понимаю, что он мне показывает. Какая-то картина во весь экран, вроде бы красками на стене.

– Прокручивай вправо и влево, тогда увидишь целиком.

Похоже на поле боя: темнота, хаос, все небо в дыму, руки тянутся из руин, зияющие провалы на месте домов.

Прокручиваю вправо. Там стоит дата, словно баннер во весь верхний угол: 1 января 2027 года. А потом черное, серое и бурое переходит в красное, желтое и оранжевое – экран заволакивает пламя. Нельсон не смотрит на ноут, он смотрит на меня, смотрит, что со мной от этого будет. Я прокручиваю дальше, появляются лица,

перекошенные от боли и ужаса. Младенец – глаза закатились, по лицу текут слезы, и человек, который его держит, темнокожий парень. Пламя отражается в его глазах, но у меня все внутри леденеет не от глаз – от его лица. Вся щека у него в шрамах, в буграх.

Это я.

Я – человек на картине.

Я – человек с пламенем в глазах.

Кажется, меня сейчас стошнит. Стараюсь отвлечься от запаха дыма, от злобного треска пламени.

– Что это?

Бабуля подходит к нам и смотрит из-за моего плеча. Дым ее сигареты летит мне прямо в лицо, я кашляю. Она машет рукой, отгоняет дым от меня, только уже поздно. Я опять там: валяюсь в костре и ничего не могу поделать, а пламя так и вгрызается в меня. Кашляю так, что все кишки наружу просятся, нечем дышать...

Хватаясь за стенки, ковыляю к входной двери. Во дворе сгибаюсь пополам, икаю, кашляю над бабулиной коллекцией садовых гномов, и в конце концов меня рвет.

– Адам! Адам! Что с тобой? Аккуратнее, это же Норрис! Он мой любимый. Ну вот, прямо на него...

Бабуля рядом, смотрит, как я выплевываю все, что нашлось в желудке. Потом проходит последний спазм и мне становится легче. Холодный вечерний воздух наполняет легкие, и я потихоньку распрямляюсь и встаю. Мы не сразу идем в дом, сначала я немножко дышу и вспоминаю, что такое быть человеком. Бабуля сокрушенно цокает языком – огорчается из-за гномов.

Когда мы возвращаемся, Нельсон убирает ноут в сумку.

– Где она, эта картина? – спрашиваю я.

– У Паддингтонского вокзала, под путями, рядом с Уэстбурн-Парк-роуд.

– Надо пойти туда поглядеть.

При одной мысли об этом у меня поджилки трясутся.

– Нельсон...

– А?

– Уезжай из Лондона. Сматывайся отсюда.

– Как? С мамой, с братьями? Куда нам деваться?

– Не знаю – куда угодно. Куда угодно с этой карты.

Нельсон трясет головой:

– Ну, можно попробовать. Только что мне им сказать? Как уговорить уехать?

– Не знаю я! Это вопрос на миллион долларов, если бы я знал ответ, то объявил бы на всю страну! Заставь всех уехать. Убраться из Лондона.

Бабуля смотрит на меня, и глаза у нее сверкают.

– Так-то лучше, – говорит она. – Вот это боевой дух!

– Ба-аб...

Опять она глядит на меня как на Мессию.

– Адам, это в твоих силах. Ты можешь всех спасти.

Нельсон так и стреляет глазами то на меня, то на нее. На его месте я бы бежал отсюда сломя голову и не оглядывался. Но он – не я, и, вместо того чтобы броситься к двери, он говорит:

– Интернет. Там можно сделать все что угодно. Главные серверы и поисковики уже контролируют, но есть целый пласт, до которого пока не добрались: блоги, форумы и чаты, их же миллион. Можно распространить информацию там, никто тебя не успеет остановить.

– Ты гений, – говорю.

Нельсон мотает головой, но все равно видно – приятно ему.

– Строго говоря, у гениев ай-кью должен быть выше ста сорока, а у меня только сто тридцать восемь.

– Что такое пара очков для настоящих друзей? Слушай, я в Интернете ни шиша не понимаю. Поможешь?

Он хмурится:

– Ну, не прямо сейчас. Я про парасети мало знаю. Надо создать себе поддельный ай-пи-адрес и придумать, как сделать так, чтобы меня не засекли.

– Попробуешь?

– Конечно.

Он дает мне свой номер мобильного.

Бабуля закрывает за ним дверь и улыбается мне от уха до уха.

– Дело пошло, Адам. Мы с тобой изменим ход истории.

Мне бы ее энтузиазм. Хотел бы я верить, будто от меня что-то зависит. Но я-то помню про числа и про то, что раньше мне никогда не удавалось их изменить. Мама, Джуниор, Карл. Наверное, мы сами себя дурачим.

А посреди всего этого – кучи чисел и миллиона смертей, которые вот-вот обрушатся на Лондон, – я. Кто-то нарисовал меня в самом эпицентре, в самом пламени. Наверняка этот кто-то меня знает или видел, и знает мое число, иначе он не мог бы вот так нарисовать мою смерть.

Значит, собирать манатки я сегодня не буду: у меня теперь другой план. Надо найти человека, который меня нарисовал. Найти его и посмотреть ему в глаза.

Выхожу из дому рано-рано, сначала еду на одном автобусе, потом на другом, потом иду пешком. Нужно идти вдоль рельсов, и скоро я вижу вдали туннель. Улица, которая ведет к нему, пуста. Ветер поднимает и бросает мне в лицо какой-то мусор. Я уворачиваюсь и бегу дальше.

Тут темно даже днем. Стены по обе стороны все в граффити. Подбегаю ближе и притормаживаю. Останавливаюсь у входа: мне вдруг становится страшно. Заставляю себя сделать несколько глубоких вдохов и все-таки вхожу. Первым делом замечаю, что рукам и лицу становится холодно, а звуки снаружи приглушаются, зато внутри все гораздо громче, даже подметки шаркают по шершавому асфальту с оглушительным скрежетом. Пахнет сыростью, темнотой и плесенью – и вдруг я вижу кое-что еще.

В нос попадает дым, щиплет горло. Треск пламени. Женский крик.

И все это прямо передо мной.

Картина из Интернета – лицо. Мое лицо. И тут я вижу, какая она здоровенная, эта картина, какая громадная, до самого потолка и в

пять метров длиной.

– Не может быть, – говорю я, и голос отдается от стен.

Даже на экране, по частям, это был шок – а тут...

Хочется отойти на несколько шагов и посмотреть на все целиком, но отходить тут некуда: туннель шириной всего в несколько метров.

Поэтому я подхожу поближе. Рука у меня трясется, все тело ходуном ходит. Кожа горит, между лопатками течет струйка пота, даже шапка вся промокла. Трогаю стену. Какие огромные буквы. Прижимаю ладонь к картине, растопырываю пальцы, и все равно едва-едва закрываю только нижнюю половину семерки. Стена жутко холодная, а кожа у меня пылает. Снимаю капюшон, стаскиваю шапку, подхожу к стене вплотную. Кладу на нее обе руки, наклоняю голову, прислоняюсь лбом к кирпичам.

Это прямо как услышанная молитва. Я всю жизнь держал числа в себе, и вот доказательство, что я не одинок. Про это знает кто-то еще. Цифры «2027» преследовали меня. Но тут, в холодном темном туннеле в Вест-Энде, возле этой картины, где меня окружают, захлестывают смерть и разрушение, здесь я понял, что эту боль делит со мной кто-то еще. Как будто я домой вернулся.

Кирпич под пальцами оживает. Я чувствую это кожей. Он гудит мне в уши и просачивается сквозь подметки. Я снова слышу грохот, крики, вижу поднимающееся пламя, глухой рокот, все громче и громче. В голове не остается ничего, кроме него. Я держусь на ногах, но зажимаюсь. Вибрация и рокот – это одно и то же, они громоздятся вокруг, внутри. Пламя и лица перекошенные, искаженные, испуганные.

Открываю рот и кричу. Так я кричал, когда упал в костер, позвериному, из самой глубины. Туннель – больше не камни и кирпичи, а живое, дикое, ревящее чудовище, оживший кошмар. Крик все длится и длится, пока не кончается воздух.

Отхожу от стены и открываю глаза. Не знаю, что со мной случилось, что было на самом деле, а что примерещилось. Руки заоченели. Растираю пальцы, подношу ко рту, дышу на них. Диски света в концах туннеля серые, на их фоне видны косые струи дождя. Глаза шутят со мной шутки: их сбило с толку, что снаружи светло, а здесь темно, и картина у меня прямо перед носом, поэтому я не сразу

замечаю, что в дальнем конце туннеля кто-то стоит – не идет, а просто стоит.

Вижу только контур – мешковатые штаны, куртка и ирокез. И тут до меня доходит, какое безлюдное это место.

Вот блин, сейчас меня поколотят.

Только драки мне сейчас не хватало, поэтому я иду в другую сторону. «Держи себя в руках, – твержу я себе. – Не показывай, что тебя плющит». Уже у выхода я оборачиваюсь на секунду поглядеть, не идут ли за мной. Тот тип стоит где стоял и смотрит на меня. Я останавливаюсь, заставляю себя посмотреть на него в ответ. Мы оба стоим под дождем – и глядим друг на дружку. Тут у меня волосы встают дыбом. Мы далеко друг от друга, но, когда мы смотрим друг другу в глаза, меня окатывает теплая волна.

Это не парень, а девушка. Девушка, которая меня ненавидит, девушка, чей последний вздох окружит меня, когда она ускользнет из этого мира. И это будет через пятьдесят лет.

Сара

Я вижу его первой. Странно, я еще не успела за угол свернуть, а уже чувствую – он тут. Так что даже не очень удивляюсь. И спрашиваю себя: почему я пошла именно по этой дороге? Идет дождь, и в магазин ближе через квартал, а не задами, но я пошла именно здесь. Почему?

У меня мурашки бегут по коже, когда я вижу его во плоти, живого человека, а не картинку в голове или на стене. Оказывается, я этого ждала. Что со мной такое творится?!

Надо было повернуть назад, пока он меня не заметил. Повернуться и уйти. Нет, убежать. Это парень из моего сна. Из моего будущего. Человек, который возьмет моего ребенка и уйдет в огонь. Он сам дьявол. Чего же я стою как вкопанная?!

Адам

– Сара!

Она не шевелится, и я иду к ней. Прохожу десять метров, и тут она оживает.

– Стой. Ближе не подходи.

Голос у нее неуверенный.

– Я просто поговорить хочу...

– Мне нечего сказать.

– Это ты, да? Ты меня там нарисовала. Зачем ты нарисовала меня на стенке, чтоб все видели?!

– Сам знаешь. Сам знаешь, что ты делаешь.

Голос у нее тихий и ровный, но я слышу в нем яд. Она меня ненавидит. Считает подонком.

– Не знаю! Ничего я не знаю!

Делаю шаг к ней. Она пятится и наклоняется за камнем.

– Не подходи!

– Сара, я ничего не знаю. Я тебе ничего не сделал. Я тебя не понимаю. Но про Новый год я тоже...

Теперь она меня слушает, еще как слушает.

– Что ты «тоже»?

– Я их тоже вижу – числа. Везде люди с первым, вторым и третьим числом, их тут тысячи. Сара, будет беда, еще какая!

– Какие числа?!

– Ну числа, которые видишь, когда на кого-то смотришь. Ты же понимаешь.

Тут до меня доходит, что она на меня смотрела и сейчас смотрит. Наверное, мое число лезет ей прямо в глаза.

– Какие числа? – повторяет она. – Что ты несешь?

– Даты смерти. Ну ты меня понимаешь. Ты их тоже видишь.

– Хватит! Не вижу я никаких чисел! Ты меня не знаешь! Ты ничего про меня не знаешь!

А я думаю: «Вот и нет. Я вижу, как далеко тянутся твои годы. Я чувствую тебя рядом, чувствую, как мы любим друг друга».

– Замолчи, – говорит она. – Не говори ничего. Уйди.

– Кроме тебя, меня никто не понимает! Ну пожалуйста, давай поговорим!

Она поднимает руку и бросает в меня камнем. Загораживаюсь руками. Поздно. Он задевает меня по макушке.

– Черт! – кричу я.

Сгибаюсь пополам, пытаюсь передышать приступ боли, все заволакивает черным и красным. Поднимаю голову и вижу, как Сара исчезает в переулке.

Выпрямляюсь, но больно так, что меня аж к земле прижимает, будто гирей. Ковыляю следом за Сарой, шатаюсь как пьяный.

Длинные ряды домов, стоящих вплотную друг к другу Между рядами позади домов – проулки. Сары – ни следа, поэтому я уже решаю сдаться и тут вижу на свалке у обочины гору банок из-под краски. Приглядываюсь к домам, кажется, одна калитка покачивается.

Она еле держится на петлях. Дворик за калиткой в полномхламе, дом еще хуже: окна или выбиты, или заставлены фанерой, на крыше не хватает черепицы. Неужели тут живут?

Прислоняюсь к стене напротив и гляжу на дом. Если стоять и не шевелиться, голова не так болит. Лицо чешется. Трогаю его пальцем – кровь.

У окна что-то движется. Я не вижу, что это и кто это, но там явно кто-то есть. Как быть, постучаться в заднюю дверь? Обойти спереди? Подождать?

Сара

Стою, думаю, и тут дверь открывается. Оттуда выходит какой-то тип. Высокий, тощий – тот самый, из машины. Шагает ко мне, и в руке у него бейсбольная бита.

Стою так, чтобы меня не было видно, у окна наверху. Оно приоткрыто на несколько сантиметров, так что мне все слышно. Винни я разбудила, но уговаривать его выйти не пришлось: он сразу увидел, как я перепугалась.

– Что ты тут делаешь? – говорит он. – Вали отсюда.

– Там, в доме, одна девушка, мне с ней поговорить надо.

От голоса Адама у меня все внутри леденеет.

– Да ну? А вот она с тобой говорить не хочет.

– Я никуда не пойду, – отвечает он. – Подожду тут.

Сдвигаюсь на миллиметр, чтобы все видеть. Винни остановился в нескольких шагах от Адама. Он, конечно, тощий, но вид у него внушительный.

Ну давай, Винни. Прогони его. Запугай, если нужно, пусть он только уйдет!

– Слушай, – говорит Винни, – я не хочу по-плохому, но гоняться за девушками по улицам – это лишнее. Так нельзя.

– Вообще-то бить людей по голове камнями тоже нельзя. Я хотел поговорить с ней, и все.

Чуть-чуть наклоняюсь вперед. Лицо у него все в крови – вся обожженная половина.

– Это она тебя так?

– Ага.

– Ты тот парнишка из больницы, да? Слушай, – говорит Винни, – не знаю, что тут у вас делается, но ты лучше уходи, а то хуже будет.

– Никуда я не уйду. Это важный разговор. Про ее граффити в туннеле. Ты про него знаешь?

Винни отходит на шаг. Отступает, чтоб его!

– Ну да.

– Она меня там нарисовала. Я там во всю стену!

– Ты ей снишься в страшном сне.

Замолчи, Винни! Заткнись, чтоб тебя!

– Чего?

– Картина. Это ее сон, он ей все время снится. В нем есть ты. Что ты там делаешь?

– Чел, я-то откуда знаю?! Вот и хочу разобраться!

Ну вот, Винни уже и руку с битой опустил. Какого черта?!

– Стой здесь, – говорит он и топает обратно в дом. Кричит с порога: – Сара! Все нормально. Просто парнишка.

– Я не хочу, чтобы он тут торчал! Я же просила – прогони его! Бога ради, Винни, да стукни ты его битой! Пусть проваливает!

– Он тебе просто пару слов сказать хочет... Не люблю я драться. Он же маленький еще. И вообще ты сама его отделала будьте-нате. Спускайся, он все равно не уйдет, пока не поговорит с тобой. Ну как, идешь?

Эх, Винни, слабак ты... Придется делать все самой.

Расстегиваю куртку, осторожно вынимаю Мию из слинга и кладу в ящик. Слава богу, она спит. Потом спускаюсь. И прихватываю в кухне нож.

Винни стоит в дверях. За его спиной видно Адама. Он уже во дворе. Проталкиваюсь мимо Винни.

– Ты тут лишний, – говорю я Адаму. – Намек понял?

Он поднимает руку к лицу, и я снова переносусь в кабинет рисования, на миллион лет назад, когда я потрогала его щеку. Тогда кожа у него была чудесная – гладкая, чистая, теплая. Пол-лица у него такими и остались, а вторая половина изменилась до неузнаваемости. Можно было бы сказать, что она обезображена. А я бы сказала, просто изменилась. Представляю себе, как снова касаюсь ее, и при этой мысли пальцы покалывает. Почему меня так тянет к нему, если в мире только два человека, которых я боюсь, и он один из них?

И вот он стоит передо мной, и рука у него в крови. Надо прогнать его, пока я не размякла.

– Ладно тебе, Сара, – говорит Винни. – Вдруг он тебе поможет?

Меня рывком возвращает в реальность. Ну, то есть как я ее себе представляю.

– Мне? Поможет?! – Слышу, как собственный голос срывается на визг. – Вин, ты его не знаешь! Ты не знаешь, что он затевает! Это дьявол, Вин, сам дьявол! Пусть убивается! Пожалуйста, прогони его! Пожалуйста!

Меня несет, я горожу чушь и сама это понимаю. Вдруг я вижу себя их глазами: глаза вытаращенные, орет, бесится, еще и ножом размахивает. Кого я тут дурачу? Я же не собираюсь убивать Адама. Не хочу я ему ничего плохого делать – пусть уходит, и только-то!

– Сара... – тихо произносит он.

Я не могу иметь с ним дела. Не могу находиться с ним рядом. Пячусь в дом, бегу, спотыкаясь, в кухню. Роняю нож на пол, а потом падаю рядом, поджигаю ноги, сворачиваюсь в комочек. Слезы так и текут. Вот зараза! Какая я дура – плакать! Я никогда не плачу. Я сильная. Но тут как начала реветь – и не остановиться.

Я слышу, как они входят в дом следом за мной, но не поднимаю головы. Ни тот, ни другой ко мне не приближаются. Ясное дело, мужчины: не понимают, что делать, когда женщина плачет. Надо было сразу сообразить: камнями и ножами мужчину не отгонишь, а стоит зареветь – и он пугается.

– Извини, пожалуйста. – Это Адам. – Извини. Я не хотел тебя огорчать.

Я немного расслабляюсь и гляжу на него снизу вверх. Вид у него обалделый.

– Уйди, а? – говорю.

– Хорошо, – говорит, – уйду. Оставлю тебя в покое. – Поворачивается и снова застывает. – Сара...

– Ну что?!

– Мое число... оно такое же? Тоже Новый год?

Он даже смотреть на меня не может. Ему тоже страшно. У меня

такое ощущение, что он и не дышит.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – говорю я, и тут снова набегают слезы, и я утыкаюсь лицом в руки. Тогда он уходит. Слышу, как он налетает на косяк, слышу, как затихают его шаги во дворе.

Наверху проснулась Мия, сначала тихонько мяукает, потом вопит во все горло. Ее плач пробивает броню жалости к себе, и я поднимаюсь на ноги.

– Ну как, отпустило? – спрашивает Винни.

Я даже не знаю, что ответить. Адам ушел – какое счастье, ушел! – но в глубине души я понимаю: ничего на этом не кончилось. Он меня нашел. Мой дом больше не моя крепость.

Адам

Выхожу из дома – и все перед глазами плывет. Чисел она не видит, зато ей снятся сны, повторяющиеся, и снюсь ей, значит, я. Бред какой-то. Так не бывает. Получается, я ей снился еще до того, как мы познакомились, вот почему она так себя повела в первый день в школе. Она уже видела меня во сне. Как это?!

С числами я уже смирился: я же имею с ними дело всю жизнь. Я к ним привык, то есть для меня это «нормально». А у Сары дар какой-то иной, другое проклятье, и от этого у меня голова идет кругом. Не понимаю. Не вижу смысла.

Ноги сами несут меня в туннель. Дождь не перестал, а там сухо. Прислоняюсь к стенке напротив Сариной картины и тут понимаю, как я устал, и сползаю на землю. Гляжу на стену передо мной, а на меня оттуда глядит мое собственное лицо. Если она таким меня видела, да еще и чуть ли не каждую ночь... испугаешься тут.

Закрываю глаза, но картина никуда не девается. Она у меня в голове, наползает на меня, и это уже не краски – звуки, вкусы, запахи. Слышу, как плачет ребенок, тоненько, отчаянно. Сара тоже плачет, но по-другому, она больше ни на что не надеется. Кругом грохот – это рушится охваченный пожаром дом. Пламя до нас еще не добралось, но воздух раскалился, это невыносимо. Мы в ловушке.

Открываю глаза, хватаю горсть щебенки и швыряю в картину.

– Это картина, картина и больше ничего!

Я понимаю, что все не так просто, но не хочу себе в этом признаваться. Я вообще не хочу всего этого: чисел, страшных снов, жуткого будущего, которое приближается с каждым днем, и остановить его нельзя. Разве можно заставлять человека так жить?!

Хватаю еще горсть щебенки, встаю на ноги и шагаю к картине. Втираю щебенку в лицо, в свое лицо.

– Это не я. Меня там нет. Блин! Блин! Исчезни на фиг!

Щебенка даже не царапает краску. Лицо никуда не девается. Бью в него кулаком, только кожу на костяшках обдираю. Да, дурость это, конечно. А что мне делать? Нельзя же драться с будущим, правда?

Нельзя?! А я хочу. Выгнать бы это будущее коленкой под зад. Пальцами выдавить ему оба глаза, врезать коленкой по яйцам, жახнуть кулаком под дых – пусть согнется пополам и блюет кровью!

Пока что я только собственную руку рассадил. Зар-раза!

– Не поможет. Она никуда не денется.

Резко оборачиваюсь.

Она здесь, под дождем у входа в туннель. И давно она так стоит, интересно? Что она успела увидеть?

– Я не знаю, как мне быть, – говорю, и это чистая правда. Не знаю я, как быть, что сказать, куда податься.

– Пошли вернемся. Нам надо поговорить.

Тут происходит полный ужас. Губы у меня дрожат, лицо сморщивается, и я реву.

Отворачиваюсь. Не хочу, чтобы она меня таким видела, только ничего не скроешь: слезы рвутся наружу, и плачу я всем телом. Сажусь на корточки спиной к Саре, слезы так и хлещут, из носа текут сопли. Реву в голос, не могу сдержаться, и это отдается по всему туннелю. Прекрасно понимаю, как я выгляжу и что Сара слышит, но ничего не поделать. Лучше бы умереть. Господи, вот почему я плачу. Я жалею, что до сих пор не умер.

Она трогает меня за плечо – наверное, ободрить хочет, но мне жутко стыдно. Дергаюсь, кричу: «Не надо!»

Слышу, как она отодвигается на шаг.

– Приходи к нам домой. Когда сможешь. Я там буду, – говорит она и уходит. Я пытаюсь успокоиться, чтобы услышать звук ее шагов, но когда мне это удастся, слышно только, как дождь молотит по земле.

Вытираю лицо ладонями и рукавом и медленно встаю, жду, когда кровь прильет к ногам. Я пустой, выпотрошенный, никакой.

Вижу картину краем глаза и вспоминаю, как я разозлился. Это было всего несколько минут назад, а кажется, будто год прошел. Я собирался отметить будущее. Я и сейчас не прочь, но не в ближайшую минуту, две или даже десять.

Ведь мне нужно дойти до Саринаго дома.

Она ждет меня.

Сара

Почему я попросила его вернуться? Да потому что, пока я укачивала Мию, перед глазами так и стояло его лицо, когда он смотрел на меня в кухне. Ему, оказывается, тоже было страшно. Как мне.

Да и все равно он уже знает, где я живу, и может нагрянуть в любую минуту. Не хочу, чтобы он возник на пороге ни с того ни с сего. Пусть лучше приходит на моих условиях.

Вот я и иду за ним и нахожу его там, где и думала, в туннеле. А вот чего я не ожидала – это застать его в таком хламе. При виде меня его сгибает в бараний рог. Мне больно смотреть на него: такой красивый парень, задиристый, агрессивный, а теперь весь в ожогах, перепуганный, в отчаянии. Плачет, как ребенок, как моя Мия. С тех пор как она появилась, я стала другой, не могу слышать, как люди плачут. Понимаю, что их можно утешить. И ловлю себя на том, как мне хочется обнять его, укачивать, пока он не успокоится, шептать, что все будет хорошо. Я даже кладу руку ему на плечо, но он ее стряхивает. Ясное дело, я бы и сама так себя вела. Какие мы гордые... Ладно. Вольному воля.

Говорю ему, что буду ждать его дома, и вот сижу и жду. Он придет, я уверена. Готова спорить на что угодно. И он приходит. Прошло пять минут с тех пор, как я вернулась, а он уже у калитки. Вижу его в кухонное окно и иду открывать.

Он мокрый до нитки. Дождь смыл с его лица почти всю кровь, но на лбу еще немного осталось.

С виду даже не заплаканный, но ему явно не по себе; стесняется, вот и в глаза мне не смотрит.

– Входи, – говорю. Он идет в кухню, за ним тянется мокрый след. Даю полотенце. – Вытрись.

Он промокает лицо, потом вытирает волосы.

– Пасиб, – бурчит.

Гляжу на него. Стоит весь мокрый, дрожит.

– Хочешь попить чего-нибудь? Воды? Колы? Чаю?

– Чаю. Да. Пожалуйста.

Вожусь с чайником, чашками, заварочными пакетиками. Очень странно заниматься такими нормальными делами, когда мы с ним наедине.

– Где твой приятель? – спрашивает он.

– За стенкой, – вру я. Винни нет дома, ушел по своим дилерским делам.

– Он битую забыл. – Адам косится на бейсбольную битую, прислоненную к стене.

– Если нужно, я сама с ней управлюсь, – говорю я и вдруг понимаю, что ляпнула глупость: смотри, мол, какая я крутая, и невольно улыбаюсь.

Адам не знает, можно ему тоже улыбнуться или нет. Уголок губ у него чуть-чуть дергается.

Потом он серьезно говорит:

– Битая тебе не понадобится. Я не для того пришел, Сара, чтобы тебя обижать. Я тебе никогда ничего плохого не сделаю.

Так и слышу папин голос: «Я тебе ничего плохого не сделаю, лежи тихо, больно не будет». Вранье, вранье!

Наверное, это стало видно по моему лицу – Адам хмурится и говорит:

– Я что, сказал что-то не то? Сара, честное слово, я тебя не обижу! Я просто поговорить хотел!

Я беру себя в руки:

– Нет-нет, все нормально. Я тебе верю. Я тоже хочу поговорить. Давай сядем.

Веду его в пустую гостиную.

Он осматривается:

– Я думал...

– Что?

– Да так, ничего.

Он думал, там Винни. Я же соврала ему, что Винни за стенкой.

Мы пьем чай, я сижу на одном продавленном засаленном диване, Адам – на другом. Нам есть что сказать друг другу, только непонятно, с чего начать. Молчать жутко неловко. Чем дальше, тем хуже. В конце концов Адам собирается с духом.

– Сара, ты вот обзывала меня по-всякому – дьяволом например. Я не понимаю за что. Я и видел-то тебя всего пару раз. И ничего тебе не сделал.

Я набираю побольше воздуха.

– Ну да, мы встречались всего пару раз, но я тебя уже видела. Я тебя вижу во сне каждую ночь уже год. Ты мне снишься в страшном сне. И снился еще до того, как мы познакомились. Я и про ожоги твои знала, еще когда их не было.

Он подносит руку к лицу.

– Блин, – говорит он. – Так ты видела, как все случилось... и костер...

– Нет, кажется, нет. Мне снится огонь, и как дома рушатся, и все кругом горит, но дело не в этом... понимаешь, мой сон... в общем, я думаю, это будущее. Не то, что уже было. То, что будет.

Скажи я это кому-нибудь другому, он бы решил, будто я спятила. Адам так не считает.

– Новый год, – говорит он.

– Да-да, мне снится именно первое января. Но дата появилась только после того, как я познакомилась с тобой. Первый раз приснилась, когда я увидела тебя в школе.

– Я принес тебе число, – говорит Адам. – Я ведь вижу числа. Даты смерти. Когда я гляжу человеку в глаза, – он смотрит на меня в упор, – то вижу число, дату, когда он умрет, и еще чувствую. Иногда вижу, иногда слышу – как вспышка. Знаю, как это будет, мирно или нет, изнутри или снаружи...

Огонь не затронул его глаз. Они очень красивые – чистые-чистые белки, темные, зеленовато-карие радужки, ресницы густящие... Так бы и утонула в его глазах, дай я себе волю... только теперь я знаю, что он видит больше, чем обычные люди, и мне интересно – не могу удержаться! – что же он видит, когда смотрит на меня.

– А мою смерть видишь?

Он не отводит глаза, и я тоже. Не знаю, слышал ли он меня. Глядит так пристально, как будто он где-то не здесь.

– Адам, ты видишь мою смерть?

Он глубоко вздыхает, и вот он снова тут, со мной.

– Ага, – говорит он. Лицо у него смягчается. Он по-прежнему смотрит на меня, но теперь уже не только в глаза. Он обшаривает меня взглядом с ног до головы – и лицо, и все остальное. Как будто фонариком светит. Мне от этого неудобно.

– Ты знаешь, когда я умру, – говорю я, и мои слова разрушают злые чары.

Он отводит глаза и тихо говорит:

– Я не могу тебе сказать, Сара. Я никому не говорю числа. Это неправильно.

– А я и не хочу знать, – выпаливаю я. – Нет, я не боюсь. – Вру, конечно. – Не хочу, и все. Никогда мне не рассказывай.

Никогда... Почему я так сказала? Как будто мы будем дружить. Как будто будем долго общаться. Как будто у нас есть общее будущее.

– Не расскажу, – обещает он. И добавляет: – А ты правда не боишься?

– Я сама умереть не боюсь. Я боюсь... – Я осекаюсь. Боюсь потерять Мию. Боюсь, что Мия потеряет меня.

– Чего?

– Своего сна, – медленно произношу я. Ведь это правда. – Я от него с ума схожу. Один и тот же сон, одна и та же дата. Так жить невозможно. Ничего не могу с этим поделать.

– У меня то же самое, – говорит он. – Людей с первым, вторым и третьим числом ужасно много, прямо тысячи. И умрут они по-плохому. Это все приближается и приближается. Всего пять дней осталось. Иногда мне кажется, я сломаюсь. Я же ничего поделать не могу, а хочу. Хочу сопротивляться. Всех предупредить. Спасти. Заставить уехать из Лондона.

Он разнервничался, сжимает кулаки, ерзает на диване, чуть ли не приплясывает. Столько в нем энергии – даже страшно. И классно тоже.

– Я думаю, у нас получится, – говорит он. – Вот возьмем и победим числа и всех спасем. Правда, я не уверен...

– Это только в Лондоне?

– Не знаю, но тут их гораздо больше, чем в Уэстоне.

– В Уэстоне?

– Я оттуда приехал. Уэстон-сьюпер-Мэр. У моря. Жил там с мамой.

– И что?

– Она умерла. Когда мне было восемь. От рака. Я видел ее число, а что это такое, не знал. Ну и сказал ей, то есть написал, а она увидела. Она все поняла, она же сама видела числа. Она была та самая девочка с колеса обозрения – ну, она знала, что оно взорвется, тогда, в 2009 году. Видела числа у народа в очереди. Потом ей пришлось с этим жить. В смысле, она знала свое число. Это все из-за меня...

Он умолкает, и я понимаю, что он сдерживает слезы.

– Ничего, – говорю, – конечно, ты горюешь по маме. У меня тут где-то были бумажные платки.

Он громко хлюпает носом и вытирает его рукавом.

– Нет, – говорит, – все нормально. Не надо. Все нормально. – Выпрямляется, разминает свои неутомленные руки-ноги. – Прости меня.

– Ты чего извиняешься?

– Да из-за всего. Прости, что я тебе жить мешаю. Что снюсь.

Я пожимаю плечами:

– Ты не виноват. Ты же не нарочно, правда?

Он подается вперед, сцепляет руки, переплетает пальцы.

– Сара, а если твой страшный сон не сбудется? Если мы сможем все исправить?

Вообще-то сон не обязательно вещий. Вдруг Адам говорит правду? Нет, не верится.

– Я предупредила, – говорю. – Там, на картине.

– Ты для этого ее нарисовала?

– Не знаю. Вин посоветовал. Он слышал, как я кричу по ночам. Сказал – нарисуй. У меня наверху горы рисунков. Адам, этот сон, он совсем как наяву. Я хотела, чтобы все узнали. Думала, от этого сон перестанет сниться.

– И как, перестал? Не снится больше?

– Не перестал.

Откидываюсь на спинку дивана – я как выжатый лимон. Будто разом навалились долгие месяцы недосыпа.

– Ты же с ног падаешь, – говорит Адам. – Пойду я.

Встает. Я тоже начинаю подниматься.

– Ладно, сиди, – говорит он. – Я сам дверь закрою... только можно, я еще когда-нибудь приду? Это ничего?

Падаю обратно: у меня не осталось ни капли сил. Я была уверена, что буду биться с ним, защищаться от демона из страшного сна. Но Винни оказался прав. Это просто мальчик, которому так же страшно и непонятно, как мне. Я ужасно устала и вправду хочу, чтобы он ушел.

А еще я тоже хочу, чтобы он вернулся.

– Ага, – говорю. – Приходи.

Тут он улыбается – немного криво: обожженная кожа загрубела. А здоровая щека у него такая гладкая-гладкая, что у меня все внутри тает. Он подходит ко мне и на секунду останавливается.

– Пока, Сара, – говорит он.

– Пока.

Не успевает он дойти до двери, как глаза у меня слипаются и я погружаюсь в глубокий сон безо всяких сновидений.

Адам

Она закрывает глаза. Так она выглядит добрее, моложе. Лицо у нее бледное-бледное, прямо белое. Когда я прохожу мимо нее, она так близко, что я улавливаю ее мускусный аромат, и мне так хочется обнять ее, прижать к себе, зарыться лицом ей в волосы, надышаться ее запахом...

Останавливаюсь на пороге, гляжу на нее. Остаться бы здесь навсегда.

Откуда-то сверху доносится писк. Сара, наверное, тоже слышит его сквозь сон – она шевелится, но потом засыпает снова. Писк тонюсенький, как будто пищит котенок, какая-то зверюшка, но от него я сразу начинаю нервничать. На цыпочках прохожу мимо Сары. У лестницы смотрю вверх. Кажется, дома никого больше нет, только этот писк. Похоже, я понимаю, кто это плачет.

Не знаю, как быть, то ли пойти на писк, то ли сматываться. Наверное, любопытство побеждает, а может, не только любопытство. Этот дом, Сара – мне ведь было суждено их найти. Судьба сделала так, чтобы я здесь оказался именно сейчас. И услышал плач. Если я сейчас убегу, значит, все равно придется в другой раз возвращаться и разбираться. Осторожно поднимаюсь по голым ступеням. На первой площадке плач слышится по-прежнему сверху. Сердце колотится так, что вот-вот выскочит. Слышу, как входит и выходит воздух изо рта.

Поднимаюсь дальше, на верхний этаж. Писк слышится громче, отчаяннее. На площадку выходит четыре двери. Толкаю каждую по очереди и отступаю в сторону, как будто из-за двери в меня целится человек с ружьем. Сначала ванная – заплесневелые стены, из крана капает на ржавый потек в раковине. Потом спальня – все завалено шмотками, матрас прямо на полу, к стене прислонена гитара. Вторая спальня – старый диван вместо кровати и везде стопки книг, журналов и газет. Нигде никого.

Осталась последняя.

Дверь приоткрыта. Крик стал оглушительным, и это явно не зверюшка. Останавливаюсь. Мне туда нельзя. «Иди уж, – говорю я себе. – Теперь-то чего».

Толкаю дверь и стою. По сравнению с соседними комнатами здесь даже прибрано. В углу на полу матрас, аккуратно застеленный одеялом, а одежда, полотенца и постельное белье аккуратно сложены на полочках – кто-то старался, это сразу видно.

Рядом с матрасом прямо на полу стоит большой ящик от комода. С порога мне видно только две розовые ручки, которые машут в воздухе.

Подхожу, смотрю. Лицо у малышки все покраснело от плача. Глаза крепко зажмурены, ресницы промокли от слез. Она машет руками и елозит ногами по пеленке – правой, левой, правой, левой.

Присаживаюсь рядом.

– Ну, и почему мы так вопим? – спрашиваю.

Вдруг руки и ноги у нее замирают, и она открывает глаза. Ярко-голубые. Как у ее мамы. И я вскрикиваю:

– Господи, пожалуйста, не надо так!

Ее число пронзает мне мозг, как пуля.

112027.

Сара

– Какого черта ты тут делаешь? Отойди от нее!

Он здесь, в моей комнате, стоит на коленях рядом с постелькой Мии. Значит, это он за ней приходил! А все эти истории про бедного маленького мальчика фигня! Он знал, что Мия здесь, и хотел до нее добраться!

Он оборачивается через плечо. Вид у него виноватый. Попался на месте преступления. И я вижу его лицо, ее лицо и понимаю: сон сбудется.

– Она плакала. Я пришел, думал, может, я...

– Отойди от нее!

Проталкиваюсь мимо него, пихаю его плечом, подхватываю Мию на руки. Уношу ее подальше, к дальней стене, и начинаю укачивать, чтобы успокоить, только поди успокой кого-нибудь, когда внутри все так и бурлит от злости.

– Какого дьявола ты сюда приперся? Надо было меня разбудить!

Разбудил бы он меня, как же! Он хотел найти Мию, а я как раз отрубилась, а ему только этого и было надо!

– Я не знал, что делать. Ты такая усталая...

– Еще бы я не была усталая, блин! Устанешь тут, когда год не дают поспать по-человечески! Отвали, а? Пошел вон!

Он поднимает руки, пятится к стене.

– Ладно, ладно. Я уйду. Прости. Что с ней?

– Ничего. Дети плачут. Наверное, хочет есть.

Он стоит как пень.

– Я сказала – уйди! Уйди, Адам! – говорю я твердо. Он не трогается с места. – Проваливай!

Это его пронимает. Топает к двери, бормочет:

– О'кей. Но потом-то прийти можно будет?

– Нельзя. Не приходи больше.

– Сара, пожалуйста!

Нет, эти щенячьи глаза меня уже не обманут.

– Ты чего, глухой? – ору я на него. – Я не хочу тебя больше видеть, отморозок! Не приходи! Сунешься – всю рожу разобью!

Тут он уходит, с топотом бежит вниз по лестнице. Слышу, как хлопает дверь кухни, потом калитка. Сажусь на постель и поднимаю футболку.

– Ну все, Мия, – говорю. – Тише, тише. Голодная? – Конечно. Несколько секунд яростно мотает головой – ищет сосок, – потом присасывается. – Он ушел, Мия, – говорю я. – Этот плохой дядя ушел. Я не дам тебя ему в обиду.

А потом я сижу и думаю над тем, что он сказал. Вся эта история – про числа, – я решила, будто он говорит правду. Как-то все сходилась. В школе, когда я увидела его с записной книжкой, он записывал числа, в этом я уверена, вот как бывают же люди, у которых хобби – записывать номера машин или поездов. Если он их видит, значит, живет в таком же кошмаре, что и я, есть за что его пожалеть, придурка. А лицо у него... через какие муки он прошел?

Мотаю головой. Нельзя мне о нем думать. Хватит уже. И так я сбежала из дому, родила Мию, стала жить своей жизнью, какой ни на есть. Мне нельзя больше никого в нее пускать, никого и ничего. Мое дело – мы с Мией. Да, похоже, Адам прав. Надо убираться отсюда, прямо сейчас. Я увезу Мию из Лондона, от опасности, от Адама. Увезу туда, где он нас никогда не найдет.

Адам

Надо же быть таким идиотом. Та картина в туннеле – я даже не думал о том, что это за ребенок. Только о себе и думал, будто никого больше на свете нет. Кретин! Эта малышка – ее дочка, за нее она и боится!

Ее дочка.

А я и не знал, выходит, в школе она была уже беременная, но я ничего не заметил. Меня загипнотизировали ее лицо, ее глаза, ее число.

Бегу по улицам, а дождь так и идет. Ноги шлепают по мокрой мостовой, и в голове в том же ритме стучит: «Са-ри-на доч-ка. Са-ри-на доч-ка».

Я-то думал, мне трудно, ведь приходится таскать на себе груз тысяч смертей. А ей какво: Новый год на носу, а ей каждую ночь снится собственный ребенок в огне? Я уже все решил насчет чисел и как их изменить, но сейчас решение стало в десять раз тверже. Не допущу, чтобы Сарин сон сбылся. Вдребезги расшибусь, лишь бы его отменить.

– Ну и вид у тебя, будто утопленник. Нашел? – Бабуля слезает с насеста и ждет у двери, когда я появляюсь на пороге.

– Нашел, и ее тоже нашел.

– Кого?

– Ту девочку, которая расписала стену. Это Сара, из школы, я ее потом в больнице встретил.

– И что она?

– Ей снятся страшные сны, а в них я.

Любой другой сделал бы каменное лицо, ну или нахмурился хотя бы, спросил, что за дурь я несусь. Но бабуля – другое дело. Она все понимает с полуслова.

– Картина. Это ее страшный сон, ее видение. Она ясновидящая, Адам. У нее шестое чувство.

– Еще у нее ребенок.

– Ребенок?

– Я видел его. Ее. И она тоже «двадцать седьмая», баб. Погибнет вместе со всеми!

Не хотел я это выдавать. Просто бабуля – она такая, она как примется слушать, слова сами выскакивают. И все. Проболтался.

Бабуля так и таращится.

– Ребенок погибнет? Какой ужас... а ты там, с ней. На картине. Господи, Адам! Ты же понимаешь, что это значит, да?

Мотаю головой. Ноги будто ватные, чудо, что я до сих пор стою.

– Это значит, что тебе больше никогда нельзя с ними встречаться. Я должна увезти тебя отсюда, из Лондона, как ты и говорил. Тебе нельзя здесь быть, когда все произойдет. Даже близко!

– Она тоже так говорит.

– Девушка? Сара?

– Да, велела мне проваливать. И не возвращаться.

– Это тоже она?

Бабуля трогает мне макушку. Когда она убирает руку, кончики желтых от табака пальцев в крови.

– Она, только это было раньше. Когда она меня только увидела, до того как мы поговорили. Камнем в меня запустила.

– Славная у тебя подружка. С перчиком.

– Хватит, баб! Ты ее не знаешь!

Она хмыкает:

– Не уверена, что рвусь познакомиться.

– Теперь-то уж не познакомишься! Вы обе правы. Мне надо держаться от нее подальше и от ее дочки тоже. Если я к ней не сунусь, сон не сбудется, так ведь?

Бабуля усаживает меня за кухонный стол, притаскивает пузырек с дезинфицирующим гелем и промокает мне голову ваткой.

– Баб, – говорю, – Нельсон не заходил?

– Нет. А должен был?

– Просто я тут подумал, что ты дело говорила, ну тогда, при нем. Нам надо предупредить всех. Отменить всю эту хрень.

Бабуля замирает с ваткой в руках и пялится на меня.

– Ты серьезно? – спрашивает.

– Ну да. Это же не шутки. Все решат, будто я псих ненормальный, ну и плевать. Зато дадим всем шанс унести ноги. А потом сами уедем. Мы с тобой, баб, уедем из Лондона. Договорились?

– Договорились. Попытка не пытка, а потом соберем манатки да и свалим. Мне когда-то нравилось в Норфолке, пока его Северным морем не затопило. Подыщем себе что-нибудь гористое. Чтобы торчало надо всей кровавой кашей. Сядем на вершине, откроем по баночке пивка и поглядим, что будет. Да?

Мы с бабулей на пригорке наблюдаем конец света.

– Можешь и сигаретку напоследок выкурить, я тебе не запрещаю.

– Всегда думала, что останусь последней курильщицей в Англии. Похоже, к тому идет.

Убирает дезинфекцию в шкафчик и лезет в холодильник.

– Адам, – говорит она.

– А?

– Я рада, что ты готов бороться, потому что я уже предприняла некоторые шаги.

– Господи, что?!

– Записалась на прием.

Она выпрямляется перед холодильником и прямо-таки пыжится от гордости.

– К кому?!

– К мистеру Вернону Тейлору, начальнику Управления по чрезвычайным ситуациям при городском совете.

– Это еще что за хрен с горы?

– Выбирай выражения! Это ответственный за планирование

действий при катастрофах. Я кое-что разузнала. Надеюсь, ты мной гордишься?

– Ну наверно. Не знаю. Может, нам еще и с тем типом повидаться, ну в костюме, из пятого отдела? Он мне карточку дал. Не пойми кто из совета не обязательно станет нас слушать, согласись. Даже если поверит в числа, мы не знаем, что именно случится, правда? Только когда.

– Разбираться с этим – его работа. Эвакуировать дом, улицу... Ребята в штатском нравятся мне не больше, чем тебе, но сейчас не время для личных предпочтений. Надо кому-то рассказать. Надо, Адам. Мы должны спасти жизни. Это наша обязанность перед обществом. – Ну вот, пошла рассуждать про гражданскую ответственность. Наверное, меня перекосило, и она вскипает: – Неблагодарная тварь, вот ты кто! Я думала, ты обрадуешься!

– Да я радуюсь, радуюсь! Вроде бы. Просто... ну не знаю. Радуюсь. Спасибо, баб.

Она опять хмыкает, потом вытаскивает из морозилки пластиковую коробку и протыкает крышку ножом в нескольких местах.

– Обед будет готов через десять минут. Иди быстренько помойся и положи все грязное и мокрое в стирку. Завтра для разнообразия наденешь рубашку, хоть выглядеть будешь прилично.

– Зачем?

– Я только что тебе сказала, дурья твоя башка: мы пойдем на прием к члену городского совета. Надо одеться соответственно. Пусть не думают, будто нас выпустили под расписку из психушки.

Тащусь вверх и наливаю ванну. Только в горячей воде я понимаю, как я замерз. Жду, когда тепло дойдет до костей, и закрываю глаза. Снаружи все еще капает. Вижу Сарино лицо, ее число нашептывает мне сладкие обещания. «В богатстве и в бедности. В горе и в радости. Пока смерть не разлучит нас».

Если я больше никогда ее не увижу, если буду держаться от нее подальше, разве это сбудется?

Сара

Сюда я пришла с одним школьным рюкзаком. Теперь я не представляю себе, как упаковать все наши с Мией вещи. Наверное, надо взять только одежду, памперсы и влажные салфетки. Остальное как-нибудь раздобудем.

Не знаю, куда нам податься, но отсюда надо уходить, это точно. Денег у меня мало, на поезд не хватит, даже на автобус. Может, Винни подкинет. Нет, нельзя у него просить, он и так столько для нас сделал. Настоящий друг.

Мия спит, пока я собираю ее вещи. Останавливаюсь поглядеть на нее – ротик открыт, кулачки закинута за голову. Меня начинает трясти. Как я буду с ней одна? Вдруг негде будет переночевать? Погода жуткая, стекла в окнах дребезжат. Нельзя уходить из дома в такую бурю, когда некуда идти и не к кому обратиться. С ребенком нельзя.

Падаю на постель, я еще не сдалась, но вдруг до меня дошло, в каком положении я очутилась. Надо хорошенько все продумать, составить план.

Из-за жуткого воя ветра я даже не сразу слышу стук в дверь. Но потом до меня все-таки доходит, что кроме дребезжания, скрипа и скрежета слышно что-то еще, и я спускаюсь вниз. Стучат не в заднюю дверь, а в переднюю. Мы ей, по-моему, никогда и не пользовались. Я отодвигаю засовы, но замок заперт, где ключ, я не знаю. Дверь не откроется.

Наклоняюсь и открываю щель для писем над порогом.

– Кто там?

Видно стильный лакированный кожаный пояс, туго стягивающий чей-то плащ. Пауза, потом кто-то тоже наклоняется, у щели почтового ящика возникает подбородок.

– Меня зовут Мари Саутвелл. Я из Комитета по охране материнства и детства.

Блин!

– Что вам нужно?

– Я хочу побеседовать с Салли Харрисон. Это вы?

На долю секунды меня охватывает облегчение. Салли Харрисон? Ошиблись адресом. Тут я вспоминаю, что сама так назвалась в больнице.

– Обогните дом по переулку и войдите через заднюю калитку. Я вас встречу.

– Хорошо.

Закрываю щелку почтового ящика и несусь в кухню, сгребаю грязные кружки-тарелки, сую в шкафчик и захлопываю дверцу. Женщина, вошедшая в заднюю калитку, крепко потрепана ветром, но все равно выглядит шикарно: на ней еще и черные лакированные сапоги в пару к поясу. Она показывает мне удостоверение личности, я веду ее в дом, и мне страшно стыдно при мысли о том, как он выглядит на сторонний взгляд. Потолок грязный, закопченный, на полу мышинный помет, у стены – бейсбольная бита.

– Чаю? – предлагаю я, чтобы отвлечь ее, но она уже все подробно рассматривает, все подмечает.

И улыбается.

– Да, пожалуйста. С молоком и без сахара, если можно.

Завариваю чай непослушными руками. Молоко я забыла убрать в холодильник, оно весь день простояло на столе. Наливаю его в чай, оно сворачивается. Выплескиваю чай в раковину.

– Блин. Простите. Молоко скисло. Извините, я заварю еще чаю. Без молока будете?

– Ладно, не нужно чаю. Давайте присядем. Это рутинный патронажный визит. Я задам несколько вопросов о вас... и о вашей девочке. Она здесь?

– Да, спит наверху.

– Мне бы хотелось взглянуть на нее. После того, как мы поговорим.

– Конечно. – Руки у меня вспотели. Вытираю их о джинсы и сажусь. – У нее все нормально, у девочки, в смысле. Все хорошо.

Она поднимает глаза от каких-то бумаг, разложенных на кухонном столе.

– Само собой, конечно. Дело в том, что вы с ней... не прошли некоторые юридические формальности. Это просто рутина.

– Как... как вы нас нашли?

– Вашу малышку чипировали в больнице, правда? Луиза Харрисон...

– Да, но...

– Больница проинформировала наш комитет, и мы засекли ее здесь.

Засекли. Нет слов. Значит, куда бы мы ни подались, нас теперь засекут.

– Я не хотела, чтобы ее чипировали. Это сделали без моего согласия.

– Гм... да, я слышала, многим это не нравится, но это безвредно для здоровья и требуется по закону...

– Я знаю. Пошел он, этот закон.

Слышу собственный голос и мысленно зажимаю себе рот: «Не надо, веди себя нормально, дружелюбно, и она уйдет».

Улыбка на ее лице делается несколько натянутой.

– Что ж, сделанного не воротишь. Зато теперь мы можем помогать вам советом и поддерживать, когда это вам понадобится. Вы поддерживаете контакт с отцом Луизы?

– Нет, – быстро отвечаю я, – он о ней даже не знает.

– Мне потребуются более точные данные, поскольку речь может пойти об алиментах. Он обязан выплачивать алименты.

– Мне не нужны его деньги. Мне от него ничего не нужно.

– Но ведь деньги не будут вам лишними...

Она оглядывает кухню.

– У меня все хорошо. Я справляюсь. У меня здесь друзья, они мне помогают.

– Вы имеете право на собственные деньги.

– Я не хочу их брать. Мне ни от кого ничего не нужно. Мне нужно, чтобы меня не трогали.

– К сожалению, в жизни так не бывает, особенно когда у вас маленький ребенок. Местная администрация обязана заботиться о матерях-одиночках, чтобы обеспечивать благополучие детей на вверенной ей территории...

Заботиться? Заботиться? Кто обо мне заботился, пока я жила дома? Кому было интересно, почему я начала плохо вести себя в школе? Никто не заглядывал дальше кованой калитки и гравийной дорожки. Дома все зашибись, а она – такой уж она уродилась!

– Если хотите, можем прямо сейчас подать заявление онлайн. У меня с собой ноутбук.

– Я же говорю, мне ничего не нужно.

– Может быть, в другой раз...

– Давайте я принесу Луизу. У нее все прекрасно, у меня тоже. У нас обеих все прекрасно.

– Мне бы хотелось взглянуть на ее комнату, если можно. На детскую.

Я вздыхаю:

– Идемте.

И я веду ее наверх по лестнице мимо перегоревших лампочек, ободранных обоев, дверей, проломленных снизу. Мия по-прежнему спит в ящике. Чистенькая, розовенькая, здоровенькая. Что им еще надо?!

– Вы куда-то собираетесь, – говорит Мари, увидев мешки, набитые одеждой и памперсами.

– Нет-нет, просто прибирала в комнате. Здесь довольно трудно поддерживать порядок...

«Замолчи. Здесь все прекрасно».

– И правда, трудно, – говорит она. – Я вижу.

По всей комнате валяются груды моих рисунков. Мари подходит к одной из них и берет верхний.

– Вы настоящая художница. Это великолепно.

Тут она замечает следующий рисунок. Это Адам и Мия – из моего сна. Мари наклоняется, хмурится, берет рисунок в руки.

– Что это?

– Ничего-ничего. Ну, страшный сон. Я нарисовала страшный сон.

– Как... как сильно. Тревожно. Это отец ребенка?

Я хихикаю, а потом выпаливаю:

– Да, да, это он. Мерзавец. Бросил меня, когда я еще не знала, что беременна.

– Пожалуй, мы могли бы его найти, – замечает она. – У него такое... запоминающееся лицо.

– Я не хочу, чтобы его нашли. Я же сказала, не хочу иметь с ним дела.

Мы слышим, как хлопнула задняя дверь. Вернулись Винни с ребятами.

– Ваши соседи?

Киваю.

– Тогда я быстренько осмотрю Луизу и не буду больше вам мешать.

Она встает на колени возле ящика. Мальчики вроде не под кайфом – слышу, как они болтают в кухне, – но все равно неизвестно, в каком они виде.

– Кажется, все в порядке, – говорит Мари. – Будить Луизу не нужно.

Она встает, отряхивает руками плащ.

– Я зайду еще раз на той неделе, и мы поговорим о ваших правах. О том, что полагается вам по закону. Хорошо?

– Хорошо, – говорю. Такое ощущение, будто по мне проехался бульдозер и впихнул меня обратно в систему, во все реестры и списки, но это ничего. На той неделе меня здесь и след простынет. Мы спускаемся вниз – я впереди. Проклинаю пропавший ключ от передней двери: я могла бы выпустить Мари и вообще не показывать ей мальчиков. Плохо. Придется вести ее через весь первый этаж. Она идет за мной по пятам. Ничего не исправишь, на это нет ни секунды.

Мальчики разложили на столе фольгу, ложки, шприцы – все на

виду. Винни, Том и Франк в кухне и собираются ширнуться.

Адам

В два двадцать мы у приемной городского совета, и бабуля докуривает последнюю сигаретку для храбрости.

– Баб, что мы скажем? Ты об этом подумала?

Она откидывает голову и выпускает в небо длинную струйку дыма, потом бросает окурок на мостовую и растирает ногой.

– Подумала. Я готова. Пошли, Адам. Пора.

Мало ей черного делового костюма, хотя и из дрянной синтетики, на ней еще и начищенные туфельки. Каблук у них невысокий, но все равно это на пять сантиметров больше, чем шлепанцы или тапки, поэтому ходит бабуля шатко. Она так старалась нарядиться, прилично выглядеть, что в результате, вот честное слово, похожа на трансвестита на карнавале. Меня она впихнула в чистые джинсы и школьную рубашку. Воротник мне жмет, я расстегиваю пару верхних пуговиц.

– Баб, надо было одеться по-нормальному. Чувствую себя полным идиотом...

– Ш-ш, мы пришли!

Автоматические двери с шелестом раздвигаются перед нами, и мы заходим в вестибюль. Тач-скрин с открытым меню. Нажимаем «Запись на прием», «14.30», «Вернон Тейлор», после чего открываются еще одни двери, и нас приглашают в приемную.

Там очень чисто, очень светло, вокруг низких столиков, заваленных журналами, стоят кресла. Стены в основном стеклянные, так что видны кабинеты по другую сторону, а на стенах повешены экраны, с которых разные рожи рассказывают, как обалденно им помогли в городском совете. Между роликами вспыхивает заставка: «Услуги двадцать первого века для людей двадцать первого века».

Оглядываю приемную и других «людей двадцать первого века». Молодая женщина сидит и неподвижно смотрит перед собой, а ее сынишка носится вокруг кресел и орет во все горло; дяденька под полтинник в махровом халате поверх куртки разговаривает сам с собой. Видеоролик прерывается, на экране появляется надпись:

«Миссис Доусон – каб. 3».

Дергаю бабулю за рукав:

– Вызывают. Гляди.

– Третий кабинет? Где это, Адам?

Дверь с цифрой «3» справа в углу. Сквозь стекло видно, что там уже кто-то есть и ждет нас – человек в мятом костюме с таким же мятым лицом. Когда мы входим, он привстает, вытирает руку о пиджак и протягивает бабуле.

– Вернон Тейлор, – говорит он.

– Валери Доусон, – говорит бабуля и пожимает ему руку. Со мной он не здоровается. В кабинете пусто – только стол с ноутбуком и стулья.

– Присаживайтесь. Присаживайтесь. Ну, миссис... э-э...

– Доусон, – повторяет бабуля.

– Ну да, ну да. Чем могу быть полезен?

Бабуля глубоко вздыхает и раздражается речью.

Так я и думал: спотыкается на каждом слове. Понятное дело, вот вы бы сами поверили, если бы я рассказал вам эту историю? Сижу, слушаю, и меня всего крючит от стыда за нас троих. Глаза сами собой ищут, на что бы отвлечься. Малыш из приемной глядит на нас. Прижался щекой к стеклу, и получилось как будто улиточья подошва. Бабуля с мистером Тейлором его не замечают, а я показываю ему язык. Лицо у него перекашивается. Он тут же отскакивает от стекла и теряет равновесие, падает и ревет. Сидит на полу, а мамаша даже не глядит в его сторону.

Меня бесит, что никто не обращает на него внимания, и бесит, что плачет он из-за моей рожи. Смотрю на мистера Тейлора. Бабуля уже давно перешла к делу. Мистер Тейлор слушает ее и делает какие-то пометки в компе, но стоит ей назвать дату – первое января, – как он перестает печатать и стреляет глазами сначала в сторону бабули, потом в мою. Его число я уже засек, а теперь оно снова бьет по мне. Он один из них, тоже «двадцать седьмой», только утопленник. Я их уже навидался, слышал шум воды в ушах, чувствовал, как она заливает легкие, заполняет живот, тащит меня вниз.

Мистер Тейлор довольно долго глядит на меня, а потом перебивает бабулю и в первый раз обращается прямо ко мне:

– Первое января, Новый год. Так как вы считаете, что произойдет?

– Не знаю. Какой-то катаклизм. От него обрушатся дома и все загорится. Вода тоже будет, много воды. – Говорить ему о воде – как нож острый, и голос у меня предательски дрожит: – Много народу погибнет. Очень много.

– И все, больше ничего? Никаких подробностей? Никакой *настоящей* информации?

– Это будет по-настоящему! Все будет по-настоящему! Я понимаю, вам кажется, что это выдумки, но на самом деле нет!

Бабуля подается вперед:

– Он их с рождения видит. Числа. Всю жизнь. Я не рассчитывала, что вы мне поверите, поэтому принесла вот это. – Вытаскивает папку с газетными вырезками, которые показывала мне. – Понимаете, его мама была такая же. Тоже видела числа. Может быть, вы ее помните. Джем, Джем Марш – про нее писали во всех газетах. Предсказала теракт на колесе обозрения в 2009 году. Смотрите, вот вырезки...

– Бабуля!..

– Ш – ш, Адам, это уместно. Это убеждает.

Подталкивает папку к мистеру Тейлору. Мистер Тейлор лезет в карман пиджака за очками и читает.

– Да, – говорит он тихо, как будто про себя, – да, я помню. Значит, это была ваша мама?

Он поднимает голову и смотрит на меня, как будто впервые видит.

– Да, – говорю.

– Но ведь она впоследствии все отрицала, не так ли? Утверждала, что все придумала?

– Она это сказала, чтобы от нее отстали. Вот и все.

Он тоже наклоняется вперед и пролистывает еще несколько

бумажек. Потом снимает очки и откидывается на спинку кресла. Закрывает глаза и долго ничего не говорит. Даже не двигается, и в конце концов мы с бабулей переглядываемся, как раз когда он оживает.

– Позвольте мне рассказать вам, в чем заключаются мои обязанности, – говорит он. – По всей стране во всех городских советах есть люди, которые делают то же самое. Мы составляем планы, благодаря которым сумеем справиться с любыми испытаниями, какие только ни уготовит нам жизнь, – потоппы, эпидемии, аварии, теракты, даже война. Главное – оценивать риски и заблаговременно все планировать. Мы регулярно встречаемся с правительством, вооруженными силами, службами спасения и располагаем подробными стратегическими планами на случай любой чрезвычайной ситуации. – Он снова опирается на стол, локти у него скользят на бабулиных вырезках. – Поймите меня, пожалуйста, правильно: если в Новый год произойдет что-то непредвиденное, у нас есть все, чтобы преодолеть любые трудности. Мне бы хотелось, чтобы вы ушли отсюда, уверенные, что система все выдержит. Я не хочу, чтобы вы беспокоились.

Он начинает сгребать вырезки в кучу, наклоняется под стол – две-три из них упали на пол. Все ясно, сейчас нас выставят. Он уже на автопилоте.

– Видите ли, у нас есть системы раннего оповещения. Алгоритмы долгосрочных, среднесрочных и ближайших прогнозов, которые составляются на самых современных и надежных компьютерах. Мы...

– Дело не только во мне, – перебиваю я, – есть и другие люди. У Паддингтонского вокзала есть настенная роспись, картина. Девушка, которая ее нарисовала, видела все во сне. Видела ту же дату, что и я. И в Интернете их полно – тех, кто знает, что будет беда...

Мистер Тейлор продолжает запихивать вырезки в папку.

– Наверное, дело в каком-то кино, а может быть, по телевизору что-то такое показали. Научная фантастика. Засело в подсознании. Так частенько бывает. Полная иллюзия реальности.

– Какое кино, козел надутый, это реальность и есть! Надо всех эвакуировать из Лондона. Неужели непонятно?!

– Адам!

– Ничего страшного, миссис... э-э. Ничего страшного. Вам кажется, что это будет на самом деле, вы волнуетесь, однако ситуация под контролем, поймите. Нет никаких причин для паники, ни малейших. Предоставьте все нам.

– Значит, вы что-то предпримете? Начнете вывозить людей?

Бабуля пытается ослепить его своими фарами, но его так просто не возьмешь. Он прикрывает глаза и гнет свою официальную линию.

– Не нужно никого вывозить. Наши системы справятся с любой чрезвычайной ситуацией.

– Надо всех эвакуировать! – Сейчас я сорвусь на визг. – Здесь опасно. Здесь...

– Худшая опасность – это паника. Вы же сами знаете, что такое журналисты. Такую историю они раздуют в мгновение ока, и простые телезрители забегают как безголовые куры. Если все разом решат уехать, транспортная система не справится с наплывом пассажиров. Это было бы нежелательно, поэтому я вынужден настаивать, чтобы вы никому ни о чем не рассказывали и предоставили все профессионалам. – Он встает и протягивает бабуле руку. – Спасибо за внимание.

Она берет руку и некоторое время держит, а потом награждает мистера Тейлора своим фирменным взглядом. Ага, зацепила, я прямо чувствую, как у него поджилки трясутся.

– Нет-нет, вы определенно должны что-то предпринять, – говорит бабуля. – Вы этого так не оставите. Вы оповестите полицию, пожарных и кого полагается.

– Да. Да, само собой. С соблюдением необходимых процедур.

– Оповестите, значит.

Впилась как клещ.

– Да, оповещу. Благодарю вас, миссис Доусон. На вашем месте, – добавляет он, понизив голос, – я бы обратился к врачу. Мальчик у вас слишком возбудимый, *тревожный*. – Он уже шепчет: – Это может быть семейное.

Так и хочется заорать – эй, козлина, я тут, в твоём кабинете! – но я для разнообразия помалкиваю. Я хочу только одного – уйти отсюда,

убраться из этой белой сверкающей дыры.

Малыша и его мамы в приемной больше нет. Вижу их в другом кабинете. Малыш ведет себя тихо, сидит у мамы на коленях и сосет палец. Она обнимает его одной рукой. Наверно, она его все-таки любит. Наверно, все обойдется. Мне вдруг приспичило узнать его число. Хочу понять, выживет этот малыш или нет. Мне это важно. Мы еще не смотрели друг другу в глаза, он глядел только на мои ожоги.

Бабуля тянет меня за руку.

– Идем, Адам, чего ты застрял? Пошли отсюда.

Даю себя увести на Хай-стрит, по которой гуляет ветер и хлещет дождь.

– По крайней мере, это была достойная попытка, – говорит бабуля по дороге к остановке. – Никто не скажет, что мы сидели сложа руки.

– Он решил, у меня шарики за ролики зашли.

– Ты так думаешь? Думаешь, он нас не слушал?

– Не знаю, баб. У него башка другим забита, понимаешь? Вся эта государственная фигня. Сплошные планы и системы.

– В планах ничего плохого нет, правда?

Похоже, я ее не убедил.

– Бабуля...

– А?

– Что будет, если ответственный по чрезвычайным ситуациям возьмет и погибнет вместе со всеми?

Тут бабуля останавливается, поворачивается и смотрит на меня.

– А что, так и будет? – Я киваю. – Черт возьми.

– Баб, что делать?

– Не знаю, милый, не знаю.

Вдруг я вижу, какая она старенькая, и думаю: «Тоже мне, собрались мир спасать. Пенсионерка и шестнадцатилетний пацан. Похоже, нам кран-ты. Всему миру кранты».

– Зато я знаю, что нужно сделать первым делом. Поскорее снять эти придурочные туфли.

Она стряхивает туфли, берет их и несет до ближайшей урны. Выбрасывает их и шагает к остановке. Шлепает в одних колготках прямо по мокрому тротуару.

– Баб, так нельзя...

– Нельзя? Кто сказал?..

Подходим к остановке, как раз когда подъезжает автобус, и только когда мы садимся, я вспоминаю, что вырезки про маму вместе с папкой так и остались лежать у Тейлора на столе.

Сара

Мари ничего не говорит. Ни слова. Ей ни к чему – все написано на лице. Сама находит дорогу через кухню к задней двери. Я бегу следом. Она ежится от ветра, прижимает папки к груди.

– Подождите! Подождите, пожалуйста! – кричу я ей вслед. Она останавливается у калитки, и я догоняю ее. В лицо нам хлещет дождь.

– Я чистая, – говорю. – Никогда не принимала наркотики. Ни разу в жизни. Мне это неинтересно. Мальчики – да, но я тут ни при чем. Мне здесь ничто не угрожает. Нам здесь ничто не угрожает.

– Салли, сколько вам лет?

– Девятнадцать.

Конечно, она мне не верит.

– Здесь нечего делать девятнадцатилетней девушке. И разумеется, нечего делать маленькому ребенку. Вы же сами понимаете!

– Это наш дом. Мы здесь живем. Нам здесь хорошо.

– Салли, у нас есть определенные обязанности. Обязанности. До скорой встречи.

С этими словами она уходит. Дождь такой холодный и льет с такой силой, что лицу больно.

Калитка не хочет закрываться, дико раскачивается на петлях. Хватаю ее и с грохотом захлопываю. Вот бы отгородиться от всего мира. Почему нельзя было оставить меня в покое? Калитка налетает на засов и снова распахивается.

– Блин! Блин горелый! – Крик уносит ветром.

Возвращаюсь в дом. Винни поднимает голову от стола:

– Это твоя подружка?

– Ты, придурок обдолбанный, моя подружка из комитета по правам ребенка! Из городского совета!

Он замирает, потом медленно кладет фольгу обратно на стол.

– Во влипли, – говорит он.

– Ага! По самое не могу! – показываю рукой над головой.

– Надо прибрать.

Мальчики начинают собирать все со стола.

– Позднjack метаться, Вин! Все, поезд ушел! Они вернутся. Заберут Мию, точно заберут!

– Мия-то при чем?

– У них обязанности, она только об этом и твердила! Заберут ее у меня!

– Нет, мы не дадим. Не впустим их, и все.

– Как ты себе это представляешь? Дверь забаррикадируем? Битой пригрозим? Супер!

– А что мне тогда делать?

Стоит, беспомощно свесив по швам длинные руки.

– Не знаю! Что-нибудь! Я сейчас уйду, свинчу отсюда к чертовой матери! И тебе советую! Вин, разуй глаза! Мы спалились!

Бегу наверх, укутываю Мию в несколько одеял, несу вниз. Кладу ее в коляску, бегу обратно за шмотками.

Винни в туалете, спускает свое добро в канализацию. Окликает меня, я останавливаюсь на лестнице.

– Ты сейчас куда? – спрашивает Винни.

– Понятия не имею. Найду что-нибудь.

– У меня есть деньги.

Он лезет в карман, достает пачку купюр.

– Не надо, Винни, ты и так столько для нас сделал!

– Бери! – Он сует пачку в один из мешков. – Я буду скучать по тебе, Сара.

– И я буду. И Мия. – Ставлю мешки на ступеньку и обнимаю Винни. Он целует меня в макушку, как будто я его дочка или сестренка. – Все, я побежала.

Запихиваю мешки в корзинку под коляской и качу ее из кухни.

На размышления и сантименты нет времени, надо уходить, но потом, когда я толкаю коляску против ветра по проулкам, то сама не знаю, стоило ли убегать. У Мии есть чип, и он скажет, где мы. Куда бы я ни пошла, что бы ни делала – вопрос не в том, найдут ли нас, а в том, скоро ли.

Адам

Еще в автобусе мы обнаруживаем, что опять отключили электричество. Понемногу темнеет, но фонари не горят, а магазины закрываются раньше положенного. Все уже знают, чего ожидать, – свет отключают не меньше чем на два часа, а иногда часов на двенадцать. Нет никакого смысла торговать в темноте, когда касса не работает и кредитные карточки тоже не считываются.

Когда мы подъезжаем к нашей остановке, бабуля мрачнеет.

– Адам, это перебор. Еще один вечер дома в потемках.

– А куда нам деваться?

Она понуро пожимает плечами:

– Не знаю, сидеть в автобусе, пока не попадем в места, где свет горит.

– Ты чего? Серьезно?

– А, ладно, – отвечает она. – Пустяки. Посидим, подождем, вдруг все починят. На этот раз нас даже не подумали предупредить – так, может, просто где-то что-то сломалось и этим уже занимаются.

Дома мы идем в кухню. Там у нас всегда наготове лежат свечки, зажигаем парочку и садимся за стол. Раздеваться не стали: отопление не работает. Бабуля находит припрятанный «на крайний случай» шоколад, пару «сникерсов», есть с чем попить чайку.

– Баб, по-моему, этот тип – Тейлор – что-то знает.

– Что именно?

– Он тебя не слушал, только делал вид, пока ты не назвала дату. Тут его как подбросило.

– Но он ведь ничего не сказал...

– И не сказал бы. Чего разоряться перед такими, как мы?

– Адам, как ты считаешь, он что-нибудь сделает?

– Да нет, наверно. Он же ясно сказал, что хочет, чтобы мы держали язык за зубами и не поднимали панику. По-моему, он не сделает ровным счетом ничего. Баб, ему и в голову не приходит, как

все плохо. Я пытался ему объяснить...

– Знаю, знаю. Я тоже пыталась. – Огонек ее сигареты светится в темноте красным. – Так или иначе, мы всё сделали правильно. Задействовали нужные каналы.

– Этого мало, баб. Мало. Надо еще что-то придумать.

– Ну, чтобы думать, у тебя есть тот парнишечка, как его там...

– Нельсон. Ага. Интересно, как там у него дела.

Мы замолкаем. Потом бабуля говорит:

– Извини, милый, что-то я совсем скисла и замерзла. Пойду-ка лягу.

Берет одну свечку и идет наверх. Я нажимаю подсветку экрана на своих электронных часах – 18.32. Нельзя же ложиться спать в полседьмого! Правда, сидеть сложа руки тоже нельзя.

Прокручиваю в голове наш поход в городской совет. Эх, надо было еще что-то сказать, заставить этого Тейлора меня выслушать! А как это делается в большом городе вроде Лондона? Будь я по-прежнему в Уэстоне – нагородил бы чего-нибудь на пляже, написал крупными буквами на песке, повесил плакат на пирсе, у всех на виду. Так, а если сделать то же самое здесь? Отчебучить что-нибудь, чтобы все видели?

Окно дребезжит от ветра, похоже, погода сегодня не ах, но мне уже не сидится на месте. Не могу ничего не делать. Беру свечку и иду с ней по прихожей. У двери задуваю огонек и кладу свечку на пол. Не знаю, предупреждать ли бабулю, что я ухожу, – оказывается, она уже вовсю похрапывает. Я скоро вернусь, она даже не заметит, что я уходил.

На улице лучи от фар просвечивают темноту. Автобусы еще ходят, и один как раз подруливает к остановке, я кидаюсь туда и машу ему рукой. Прикладываю карточку к датчику, сажусь. Катим вперед десять, двадцать минут, полчаса – весь Вест-Энд темный.

Натягиваю капюшон и закрываю глаза. Еду не знаю куда, а мне все равно. Гул мотора, стук дождя по стеклу, кашель соседей – все это потихоньку убаюкивает меня. Когда двигатель вздрагивает и замирает, я вскидываюсь и открываю глаза. Все тянутся к выходу. Встаю, спотыкаюсь, меня качает вперед. Мы доехали до кольца – до

триумфальной арки Марбл-Арч. Сама арка ярко подсвечена, Оксфорд-стрит мерцает рождественскими огнями до самого горизонта. Тротуары забиты, все толкаются – как принято тут у них в Лондоне. Как будто я высадился на другой планете. Правильно говорила бабуля: надо было нам с ней двинуть сейчас сюда, посидеть в кафе или еще где-нибудь, пожить в нормальном мире.

Брожу в толпе припозднившихся покупателей с распродаж на Оксфорд-стрит. Капюшон не снимаю, голову не поднимаю. Не нужны мне их числа. Хочу почувствовать себя как все, побыть там, где нет такого ощущения, что все вот-вот рухнет. Мне бы хоть на несколько минут прикинуться, будто так все и будет: все в Лондоне останется по-прежнему, люди будут работать и ходить по магазинам, есть в ресторанах, выпивать в барах, ходить на шоу и распродажи в Вест-Энде.

Какая-то женщина задевает меня сумкой с покупками.

– Простите, – говорит она.

Я машинально поднимаю голову. Она «двадцать седьмая». Жить ей осталось четыре дня. Все это снова лезет мне в голову – и вдруг я понимаю, что для меня нет на свете хуже места, чем людная улица. Надо уносить ноги, бежать из толпы. А то задохнусь.

«Дыши медленно. Вдох через нос, выдох через рот».

Не получается. Все кругом вертится – лица, дома...

«Смотри под ноги, смотри под ноги».

Даже тротуар и тот дергается, трясется под ногами. Падаю на колени – и меня охватывает паника. Меня же задавят, втопчут в землю.

Только вот не я один падаю. Вокруг все опускаются на корточки, на колени, цепляются друг за друга. Все на земле. Женщина с сумкой визжит:

– Ой, мамочки!

И тут все прекращается. Не успев толком начаться. Никакого движения, никакой вибрации, все как обычно. Прохожие понемногу встают на ноги.

– Что это было?

– Ну дела...

Никто не кричит, слышен только нервный смех. Никто не пострадал. Чуть-чуть дрогнуло, и все. Обошлось. Будет о чем рассказать дома.

Я поднимаюсь не сразу, дышу медленно, вдох-выдох, вдох-выдох, пока не убеждаюсь, что пришел в норму. Тогда я встаю и оглядываюсь. Как будто ничего и не было – дома целы, окна не потрескались, вывески не попадали. Все кругом живы-здоровы, испуганы, но не в панике.

Никуда не иду, пока Оксфорд-стрит не становится как была. Сердце так и бухает, все тело в мурашках.

Вот оно. Вот как это начинается.

Надо было вспомнить о бабуле: подумать, ощутила ли она это в своем Килбурне, проснулась ли. Да только не бабуля у меня в голове. Девушка, чьи сны начали сбываться. Если она чувствовала то же самое, что и я, значит, ей так же страшно.

Сара

Не понимаю, куда податься. Дождь хлещет так, что я плохо соображаю. Надо спасать Мию от дождя, это ясно, вот я и прихожу сюда, в туннель. Какая-никакая, а крыша над головой, и вообще я успела тут обжиться: я же проторчала здесь уйму времени. Но когда я туда прихожу, то словно переносусь в прошлое. В туннеле стало светлее, просторнее – и вдруг я понимаю, в чем дело: кто-то закрасил мою картину. Вся стена из конца в конец туннеля белая. И пахнет краской, как будто это сделали совсем недавно.

Все, это больше не мой туннель. Обычный подземный переход под железной дорогой – место как место, никакое. Мне здесь не нравится: а куда еще пойти? Можно хотя бы посидеть минут десять, собраться с мыслями. А потом десять минут превращаются в двадцать, Мию пора кормить, вот я и разбиваю лагерь: сижу на пакете со шмотками, привалясь спиной к стене. Не верится, что все кончилось – моя жизнь у Винни. До сих пор я не понимала, как много это значит. Дом. Первый дом для Мии.

Здесь не спрячешься, наоборот, а пока я кормлю Мию, деться мне некуда. Легкая мишень. Постоянно смотрю то в один конец туннеля, то в другой – не появится ли машина, не появится ли человек. Ну увижу я кого-нибудь – и что? Бежать-то мне некуда.

Смотрю вниз, на Мию. Она в стеганом комбинезоне. Голову ей я прикрыла своей курткой, ножки торчат наружу. Тихонько потирает их одну о другую. Сюда ей и ввели чип, в левую пятку. Там он и сидит, невидимый, безмолвный, такой крошечный, что прошел сквозь иглу шприца. Мне становится нехорошо при одной мысли о том, что в тельце моего ребенка сидит эта штуковина, живая и деятельная штуковина, которая постоянно сигналист Этим Людям, сволочам, которые сделали с Мией такое. Теперь они могут выследить нас, где-то, в каком-то кабинете, в Лондоне, в Дели, в Гонконге Мия станет точкой на чьем-то экране.

Нас обязательно найдут, это вопрос времени. А потом? Поселят где-нибудь еще? Отправят домой? Разлучат?!

Не надо было тогда возить ее в больницу. Ей бы тогда не вживили эту дрянь, и мы могли бы исчезнуть. Был бы хоть какой-то

шанс.

Если бы у нее не было чипа.

Он наверняка под самой кожей. У меня в косметичке были ножницы...

Мия на секунду перестает сосать – переводит дух. Рука высовывается из-под моей куртки, крошечные розовые пальчики нащупывают, за что бы поддержаться. Кожа у нее такая тоненькая, прямо прозрачная. Как я могла даже подумать, чтобы разрезать ее, ковыряться внутри – все ради этого чертова чипа? Чем я лучше Их? Ну я и гадина.

Прикрываю ее курткой и прижимаю к себе.

Прости меня, прости. Я никогда не сделаю тебе больно и не отдам тебя никому, Мия. Никогда.

Ветер взметает мусор, он летит по туннелю, шуршит по гравию и кирпичу. Гляжу, как скачет ко мне какая-то обертка от шоколадки. Потом смотрю вдаль. Там кто-то есть.

Адам

Там кто-то есть. На земле в туннеле.

Туннель побелили, картину, кошмар, дату – все замазали. Там по-прежнему темновато, но я сразу вижу – это она. Сара.

Я ходил к ее дому. Нет, не собирался ни стучать в дверь, ничего такого. Не знаю, что я собирался делать, – может, просто подождать, – не знаю. В общем, дошел я только до угла, потому что там стоял микроавтобус и три полицейские машины. Господи. Нагрянули они именно к Саре: я видел, как уводили этого ее тощего друга – руки в наручниках за спиной. Я юркнул в тень подобра-поздорову. Только полиции мне не хватало, зато теперь я не знаю, арестовали Сару тоже или нет.

Побродил немного кругом и, понятное дело, зарулил в туннель. Куда мне было еще податься, а она, оказывается, тут. В последний раз, когда я ее видел, она обозвала меня отморозком. В последний раз, когда мы встретились здесь, зафитилила мне камнем по башке. Надо бы мне повернуться и уйти, а я не могу. Не могу я без нее. Иду к ней, медленно, но не останавливаясь, пусть у нее будет время увидеть меня, время уйти, если она захочет. А она никуда не уходит. Сидит себе на месте, и я дохожу до нее.

Как-то это неудобно – я стою, она сидит, – поэтому я присаживаюсь на корточки в сторонке. Она прижимает к себе дочку, и тут меня как стукнуло: она ее кормит! Ничего не видно, просто ребеночек, прикрытый курткой, но меня все равно бросает в жар, и я багровою от смущения.

Сара смотрит под ноги, капюшон надвинут на лицо. Хочу, чтобы она посмотрела на меня. Хочу еще раз увидеть ее число. Мне бы еще разок это почувствовать...

– Сара... – говорю.

Она так и смотрит под ноги. Притворяется, будто меня тут нет. Вижу по ее позе, я же не идиот. Она хочет, чтобы я ушел. А я не уйду. Не могу.

– Сара, это я.

Никакой реакции.

– Я видел твой дом и полицию.

Ничего. Не знаю, что еще сказать. Ляпаю первое, что приходит в голову, не успев подумать.

– Ты почувствовала? Ну, землетрясение?

Тут она поднимает голову – и от ее числа меня накрывает знакомая теплая волна. Вид у Сары удивленный.

– Какое еще землетрясение?

– Ну, земля задрожала – час назад примерно. Я был на Оксфорд-стрит. Все попадали, а потом только смеялись, как будто ничего не случилось, а на самом деле случилось.

– Я ничего не почувствовала. Час назад я была здесь. Ничего не заметила.

– Я не сочиняю.

– Я этого не говорила.

Колючая. Это-то понятно, но она еще и несчастная какая-то. Надо до нее достучаться. Надо пробить ее барьеры.

– Что стряслось? – спрашиваю. – Что с тобой стряслось?

Она опять смотрит под ноги, но хотя бы разговаривает, и на том спасибо.

– Ко мне пришли из социальной службы. Они меня засекли.

– Во блин.

– Все еще хуже, Адам. Они заберут ее у меня. А у меня, кроме нее, никого нет.

– Ну они не имеют права...

– Имеют. И заберут. Я жила в наркоманском притоне – два торчка и дилер. Круто, да? А теперь мне некуда идти. Выходит, я бездомная.

– Можно вернуться домой.

Кажется, малышка наелась: Сара поднимает ее на плечо, потом с трудом встает. Я протягиваю ей руку, но она не обращает внимания. Кладет ребенка в коляску.

– Всего хорошего, Адам, – говорит она и уходит – она с самого начала хотела уйти, зуб даю.

От меня так легко не отделаешься. Мне надо ей помочь, и пусть сопротивляется, если хочет.

– Ну я хотел сказать... тебе все равно надо где-то жить, там, где понравится социальной службе. – Не успеваю я договорить, как вспоминаю, как ее папаша прижал меня к стенке. – Сара, прости меня!

Бегу ее догонять.

– Слушай, прости меня, – говорю. – Я понимаю, почему ты не хочешь домой. Твой папа...

Она останавливается и разворачивается ко мне.

– Что мой папа?

– Он... ты из-за него, да?

– Ты его знаешь?

Она свирепо глядит на меня.

– Да. Я... я был у тебя. Когда ты перестала ходить в школу.

– Господи, да кто ты такой? Маньяк, да? Отлично, поздравляю, теперь ты меня точно напугал, как будто мне раньше страшно не было!

И чешет от меня – на всех парах.

Бегу трусцой рядом с ней.

– Сара, я боялся за тебя. Зашел, чтобы узнать, что у тебя все в порядке.

– Нечего соваться в чужие дома. Без приглашения.

– А что мне было делать?! Ты же меня нарисовала, нарисовала, Сара.

– Подумаешь, рисунок! Задание было такое, для всех!

– Не просто рисунок, и ты это сама прекрасно понимаешь. Никто никогда не смотрел на меня так, не видел!

Она сутулится и налегает на ручку коляски, катит ее еще быстрее. Дождь и ветер хлещут нас. Мне приходится чуть ли не

орать, чтобы она меня слышала.

– Сара, ты перегнулась через стол и потрогала меня. Погладила мне щеку. Я не могу тебя взять и забыть!

Она оборачивается, не сбавляя хода.

– А придется! – кричит она в ответ. – Мне с тобой рядом на одном земном шарике тесно! Я должна защитить дочь. Что я к тебе чувствую, не важно. Тебе нельзя к ней приближаться. Я не могу этого допустить.

Что я к тебе чувствую. Что я к тебе чувствую...

– Постой секунду! Пожалуйста, постой!

Хватаю ее за плечо, пытаюсь задержать. Она выворачивается.

– Отвали! Отвали, ясно?! Ты сказал, мы можем бороться с будущим, вот я и борюсь. Я считаю, что ты сделаешь плохо моему ребенку, поэтому не хочу больше никогда тебя видеть. Адам, я пытаюсь все изменить. Переделать все по-своему.

– Я ей ничего не сделаю! Никогда в жизни, Сара!

– Откуда ты знаешь? Такого никто не знает. Ты видишь, какое у кого будущее, но не все, а только кусочек. Адам, уйди от меня. Держись от нас подальше. Не трогай нас!

Замедляю шаг, останавливаюсь.

– Куда ты собралась? – кричу я ей вслед.

– Не знаю! Спрятаться!

Она убегает от меня. Я больше никогда ее не увижу. Оказывается, для меня это даже хуже, чем если весь Лондон рухнет мне на голову. Наверное, ничего хуже со мной просто не может быть. Надо остановить ее.

– Сара! – кричу я. – Я все понял про твоего отца!

На самом деле, конечно, не понял. Может, и придумал, но у меня такое чувство, что я угадал.

Она снова останавливается и оборачивается. Догоняю ее.

– Он тебя насиловал, поэтому ты не можешь вернуться домой.

Она смотрит в сторону, с трудом глотает.

– В этом-то и дело, да? – говорю. – Он тебя мучил.

Дождь льет так сильно, что у Сары капает с кончика носа.

– Да, да, так и было, – говорит она еле-еле слышно, будто с собой разговаривает. Косится на меня, проверяет, какую рожу я на это скорчу.

Странно – вид у нее виноватый, будто это она где-то напортачила, а я ее подловил.

Тут надо подобрать нужные слова, а я не понимаю, какие нужные. Сара такая дерганая, вообще непонятно, что ей сейчас нужно и что не нужно.

– Мне тебя очень жалко.

– Ты тут ни при чем. Тебя это не касается, – говорит она и опять этак смотрит – типа я ее сейчас судить буду.

Шагаю к ней и беру ее обеими руками за плечи. По-моему, это как раз не то, что нужно, но ничего другого я предложить не могу. Сара вся зажимается, и я думаю: блин, я все запорол. Ее от меня тошнит.

– Сара, я никогда не сделаю тебе ничего плохого, – говорю я ей в макушку. – Честное слово. Клянусь жизнью.

Она стоит как каменная.

– Нельзя давать такие обещания. Никому нельзя, – говорит она.

– Нет, можно, – отвечаю.

Стоим близко-близко, лицом к лицу. От дождя у нее слиплись ресницы. Мне так хочется их поцеловать, даже больно.

– Сара, пойдем ко мне.

– Ты что, я не могу!

– Тебе некуда идти. А мне есть куда. Хотя бы обсохнешь, поешь.

Очередной шквал швыряет в нас целый водопад. Отхожу на шаг, чтобы хорошенько видеть Сару.

– Сегодня, – говорю, – двадцать восьмое. Твой сон сбудется первого. Выходит, пока вам ничего не грозит. Тебе не надо меня бояться. Давай ты сегодня пойдешь ко мне. Спрячешься от этого дождя, чтоб его. Обсохнешь. Согреешься.

Она сдается.

– Пойдем домой. Поспишь, а завтра пойдешь куда захочешь. Мы придумаем, где тебе спрятаться. Подальше от меня, подальше от Лондона.

Она не говорит ни слова. Лицо у нее по-прежнему мрачное, взгляд прикован к Мии. Разворачивает коляску, и мы уходим вместе.

Сара

Он подсаживает нас в автобус, потом помогает выйти, и дальше мы идем вместе – рядом, но не касаясь друг друга. Я сошла с ума. Я сошла с ума, мне надо держаться от него подальше. Только куда мне еще деваться? Кто в этом восьмимиллионном городе впустит меня к себе?

– Вот тут мы и живем, – говорит он. – О, свет включили.

– Здесь?

Он останавливается у домика-новостройки. Три окошка горят – веселые желтые квадратики, одно внизу, два наверху. Домик совсем крошечный. Спереди короткий забор и металлическая калитка, с которой облезает краска. Сад набит садовыми скульптурами – каменными гномиками, ветряными мельницами и прочей фигней. Адам замечает, как я на них пялюсь.

– Это бабуля, – объясняет он. – Она у меня слегонца того.

– А, ясно.

Адам открывает калитку, и я качу коляску по тропинке. Он толкает входную дверь, но она заперта, так что он лезет за ключами. Потом наступает такой момент, когда он заходит внутрь, поворачивается за порогом и берется за перед коляски, чтобы втащить ее по ступенькам, и я опять думаю: Господи, что я творю? Куда угодно, только не сюда, с кем угодно, только не с ним! А он смотрит на меня сверху вниз и берется за коляску, с него течет, и он улыбается. А я думаю: ничего, можно и тут побыть, можно и с ним. Это же только до завтра.

Адам

Мы затаскиваем коляску в прихожую. Мия спит, закинув ручки за голову.

– Можно мне в ванную?

– Конечно, она прямо по лестнице. Бабуля, наверно, спит наверху.

– О, спасибо.

Сара уходит, а я завариваю чай и обшариваю шкафчики – ищу, чем бы ее угостить. Шаром покати, только старая пачка печенья и банка томатного супа.

Когда Сара спускается вниз, то выглядит уже лучше, чем когда уходила.

– На голове у меня черт-те что. Дранный еж, а не прическа, – говорит она. – Состригу все на фиг.

– Хочешь, прими ванну, вода уже нагрелась. Вымой голову и посмотри, что получится.

– Ванну? Правда можно ванну?! У Винни вечно горячая вода кончалась...

Она оглядывается на коляску в прихожей.

– Я ее постерегу, буду тут, если она проснется, – говорю. – Все будет нормально. – Понятия не имею, как обращаться с маленькими. – Тебе, наверно, чистая одежда нужна. Хочешь, найду что-нибудь. Бабулино, не мое. – При мысли о ней в моей одежде у меня внутри все тает.

– Нет-нет, не нужно. Просто ванну.

– Сейчас устрою, – говорю и лечу наверх. Плещу пену для ванны под струю из горячего крана. Комната тут же наполняется сладкой химической вонью. Лезу в шкафчик, добываю самое лучшее полотенце. В смысле, большое и чистое.

– Спасибо.

Сара стоит на пороге. Она шла за мной.

– Да ладно тебе. Есть хочешь? У меня тут суп...

– Да. Честно говоря, умираю с голоду.

– Сейчас разогрею. Поешь после ванны.

Тут мы протискиваемся мимо друг дружки, и я не сдерживаюсь и торможу рядом с ней. Она пахнет городом, гарью и машинами и немытой кожей. Кайф. Она так близко, что мне бы даже шевелиться не понадобилось, чтобы поцеловать то местечко, где шея переходит в плечо.

– Спасибо, – повторяет она, и я понимаю, что ей неловко, тесно, она хочет, чтобы я ее пропустил.

Вот я и уйду, и при этом старательно не думаю о том, как она не спеша раздевается, как ступает в пенную воду, ложится и закрывает глаза...

Нет уж, я заставляю себя заняться нормальными делами, открываю банку с супом, выливаю в кастрюльку. Потом кладу открывашку и наваливаюсь животом на кухонный стол, притискиваюсь взбесившимися причиндалами к твердому пластику. Меня всего колбасит. Не думай об этом. Не ходи туда. Только я все твердею, твердею, твердею, потому что думаю только о том, как бы вжаться кое во что другое, мягкое, податливое. Рот заливают слюной, я закрываю глаза и прислушиваюсь к шорохам наверху: как ее кожа скрипит о пластиковое покрытие ванны, когда она устраивается поудобнее, как включается душ, как булькает вода в сливе и по трубам.

Вода сливается. Блин! Она помылась и сейчас придет!

Встаю – да где там, вскакиваю. В голове слегка плывет.

Не подавай виду. Разогревай суп, быстро.

Зажигаю газ под кастрюлькой и только успеваю схватить полотенце, чтобы занавесить перед штанов, как появляется Сара. Она обмоталась одним полотенцем, а другим повязала голову, как тюрбаном. Выглядит совсем малявкой – никакой косметики, просто чистая розовая кожа. Розовые ноги, розовые ступни, розовые руки, розовые пальцы. Что-то я к такому не готов. Она видение, ангел. Не могу глаз отвести.

По-моему, она не замечает, что со мной от нее творится.

– Правильно ты сказал, – говорит она, промокая волосы, – шмотки у меня грязнущие. Можно одолжить что-нибудь? Твое, например.

– Ага, ага, сейчас принесу.

Суп едва не перекипает. Отворачиваюсь, чтобы налить его в тарелку. Дружок мой так и выпрыгивает из джинсов, приходится занавешиваться полотенцем, даже когда я ставлю тарелку с супом на стол перед Сарой.

– По-моему, хлеба у нас нет. Могу поискать крекеры, – говорю.

– Не надо. Все прекрасно. А ты поешь?

– Нет, спасибо. Пойду поищу тебе одежду.

В своей комнате я отыскиваю подходящую футболку и спортивный костюм, но что касается трусов – не могу же я дать ей свои, они не годятся. Рыться в бабулиных вещах тоже не дело. Начнем с того, что она спит в своей комнате, да даже если бы не спала – нет, лучше сразу застрелиться.

Тащу охапку шмоток вниз. Мия проснулась, и Сара держит ее на руках и показывает ей бабулину дребедень на каминной полке. Глаза у Мии совсем круглые. Она задевает ладошкой полированную деревянную шкатулку, которая стоит на самом видном месте. Сара отступает на шаг.

– Не трогай, Мия, – говорит она. – Не трогай эти красивые штучки. – Тут она хмурится. – А что это, кстати?

– Прах моего прадедушки. Бабуля без него никуда.

Сара отходит еще на шаг, морщится:

– Фу.

– На, – говорю и протягиваю ей одежду, – посмотри, подойдет? Пока мы твою постираем.

Мия слышит мой голос и поворачивает голову. И тут она весело взвизгивает. Мы этого не ожидали. Не успев ничего подумать, я протягиваю к ней руки.

– Можно, я ее возьму? – спрашиваю я Сару. Она прибалдела не меньше меня.

– Да, наверное.

Беру тяжеленькую Мию в руки и неловко держу.

– Придержи ей голову сзади, чтобы не запрокинулась. – Сара берет мою ладонь и кладет как надо.

Лицо малышки у моего плеча. Я выгибаю шею, чтобы разглядеть ее.

– Привет, – говорю.

Она пристально смотрит на меня. Сердце опять сжимается – ее число как удар. Почему такое крошечное, такое красивое существо должно умереть?

Мия трогает мне лицо – на обожженной стороне – и вдруг крепко хватает за щеку.

– Мия, нельзя так делать, ему так больно! Дай, я возьму ее.

Сара шагает ко мне, хочет забрать Мию.

– Нет, ничего-ничего, мне не больно.

Это я вру. Один пальчик попал как раз в незажившее место, но я хочу поддержать ее еще немножко. Никогда в жизни не держал на руках таких маленьких. Это прямо волшебство. Может, только она одна такая, не знаю. Она не ежится, не пугается моей рожи, а просто смотрит.

Когда я гляжу на Сару, она улыбается – в первый раз за сегодня. Я вообще в первый раз как следует вижу ее улыбку. Лицо у нее стало совсем другое.

– А ты умеешь с ней обращаться, – говорит Сара. – Ты ей нравишься. Обычно она орет как резаная, когда я даю ее кому-нибудь поддержать.

– Ну я же настоящий мужчина, – говорю я. Это я шучу, но на самом деле чувствую себя прямо героем.

Тут мы слышим шаги на лестнице, и появляется бабуля. Глядит сначала на коляску, потом на Сару в полотенцах.

– Боже, боже, полон дом народу, – говорит она. – Это еще что такое?

Сара опять сутулится – уходит в глухую оборону.

– Здравсьте, – говорит она. – Меня зовут Сара.

– Вы та девушка из больницы. Которая расписала стену.

– Это моя бабушка Валери, – говорю. – Вэл.

А бабуля даже не улыбается. Глядит на меня, и лицо у нее становится серое.

– Адам, положи ребенка. Ты с ума сошел?

– Да ничего, баб, я ей нравлюсь.

– Положи ребенка!

– Перестань, баб!

Она подходит ко мне и собирается забрать у меня Мию. Мия перепугалась. Она утыкается мне в плечо.

– Баб, ты чего?! Ей у меня хорошо!

– Я – чего?! Это ты – чего! Ты же видел картину, ты знаешь, что будет!

Тут мы с ней смотрим на Сару.

– Да-да, я понимаю, – говорит она, – ну, пока-то можно. Сегодня можно.

Бабуля разворачивается к ней:

– То есть вы хотите, чтобы она к нему привыкла, доверяла ему, сама попросилась к нему на руки первого января? Так?

Сара морщится:

– Нет, что вы... я не знаю. Не знаю!

– Зачем вы пришли? – Бабуля говорит жестко, чтобы не выдать, каково ей на самом деле. Я-то понимаю, это она завелась, потому что в панике, но Сара этого не знает. Нагнать страху бабуля умеет и сейчас разошлась по полной.

– Зачем я пришла? Я жила у друзей, а их арестовали. Больше у меня никого нет. Идти мне некуда. Но если вы против, я уйду. Ничего. Найдем что-нибудь.

Она берет Мию за бока, чтобы взять у меня, и случайно задевает рукой мне плечо. Руки у нее такие теплые, такие гладкие. Чувствую косточки под тонкой кожей. Будто током ударило.

Тут я наконец встряхиваюсь:

– Баб, Саре негде переночевать. Я сказал, что она может пойти к нам. Положим ее в моей комнате, а я посплю здесь на диване. Это только на одну ночь, баб, я сказал – можно.

Бабуля глядит на меня. На долю секунды мне кажется, что сейчас разразится колоссальный скандал. Потом она пожимает плечами и переводит взгляд на Мию.

– Ладно, – говорит она. – Выгонять вас на улицу я не стану, но вы совершаете роковую ошибку. Я уверена. – Шагает ко мне. – Кто это тут у нас?

– Мия, – говорит Сара.

Бабуля подходит поближе. Малышка отстраняется, но все равно исподтишка посматривает на нее – интересно же.

– Не бойся, – говорит бабуля и нежно гладит ее по щеке. – Я, конечно, ведьма, но не злая. Я добрая.

Сара

Злая, добрая... какая разница? Дело не в костлявых желтых пальцах и не в фиолетовых патлах, дело в глазах. Стоит ей глянуть на тебя этими своими глазищами, и готово. Как гипноз. Не можешь отвести взгляд, пока она сама тебя не отпустит.

Наоравшись и напугав Мию до полусмерти, она пытается подружиться с ней, но Мия на такое не согласна. Цепляется за меня, будто обезьянка, и даже глядеть на нее не желает. Поэтому Вэл переключается на меня. Будто молнией в макушку ударило. Она хмурится.

– Сиреневый, естественно, – говорит она, – и еще темно-синий. И все залито розовым.

– Баб, – говорит Адам, – опять ты за свое...

– Что? О чем вы говорите?

– Это твоя аура, – тяжело вздыхает Адам.

– Чего?!

– Твоя космическая энергетика, – говорит Вэл. – Ярко-розовая – чувствительная, артистическая натура. Сиреневый – ясновидение, визионерство. Темно-синий – полный ужас.

Такое чувство, будто меня взяли и раздели. Эта старушенция, совершенно незнакомая морщинистая старушенция с волосами на три оттенка ярче, чем нужно, – она меня знает!

– Я угадала. – Это утверждение, а не вопрос.

– Да, – выдыхаю я, – вы угадали.

– Сара, – говорит она, и я задерживаю дыхание – я же не знаю, что будет дальше.

– Что?..

– Тебе здесь рады. Тебе рады в этом доме.

И тут я чувствую, как меня обнимают и укутывают и словно набрасывают на плечи уютный плед. Это трудно объяснить – нет, не облегчение, хотя мне, конечно, становится легче, – в комнате

происходит что-то осязаемое, разливается теплота, которая не только жар, но еще и свет. Эх, торговать бы такой в бутылках – можно было бы миллиардером стать, а на этикетках писать «уют», или «любовь», или «дом». Да, я бы сказала – «дом». Не такой, где я выросла, а такой, какой должен быть у каждого нормального человека – в идеальном мире. Место, где можно быть самим собой, где тебя никто не тронет. Мне хочется плакать – и здесь можно плакать, – но я прикусываю губу. В последние несколько дней я уже столько плакала и понимаю, что еще придется. А сейчас не время для слез.

– Спасибо, – говорю. И добавляю: – Пойду оденусь.

Вручаю Мию обратно Адаму. Когда она понимает, что я передаю ее кому-то другому, то немножко нервничает, но потом видит, кто это, расслабляется и сама тянется к нему. Как странно, что она сразу его приняла. Так у нее ни с кем еще не было. Она застенчивая и боязливая.

Может быть, мне и сны снились только для этого? Нам было суждено встретиться с Адамом, и вот как это получилось. Он нашел картину, а потом я нашла его. А вдруг? А вдруг все именно так? Вдруг вместо кошмара нас ждет развесистый хеппи-энд?

Иду наверх, надеваю штаны и футболку. Не успев продеть голову в ворот, замираю и нюхаю ткань. Это его футболка. Адама. Я хочу почувствовать его запах – так и есть, футболка пахнет им, еле заметно. Натягиваю футболку, разглаживаю на себе. При мысли о том, что его запах останется на моей коже, у меня бегут мурашки – там, где ткань касается тела.

Потом мы пьем чай и немного смотрим телевизор и сюсюкаем с Мией. Никто не говорит о датах смерти, страшных снах и аурах. Нет, просто Адам все время подкалывает бабулю, а та велит ему «засунуть в рот оба кулака» и «выбирать выражения», и все это с улыбкой и блеском в глазах. Любят они друг друга. Может, и сами этого не понимают, но в этом крошечном, грязноватом, запущенном домишке царит любовь.

Начинаются новости, мы все ненадолго замолкаем. Все как обычно: наводнения, голод, войны. В Японии чрезвычайное положение: три вулкана вот-вот начнут извергаться одновременно. Полным ходом идет массовая эвакуация. В Лондоне на Гроувенор-сквер прошла акция протеста против угрозы американского

вторжения в Иран. У Ирана есть ядерное оружие, это все знают. Их президент что, совсем сбрендил – туда соваться?! Неужели Ирак, Афганистан, Северная Корея ничему его не научили?! Под самый конец идет репортаж о легком землетрясении, которое Адам почувствовал на Оксфорд-стрит. Развлекательный такой репортаж, – ну сами знаете, «все отделались легким испугом», видео с чьего-то мобильного и несколько интервью с очевидцами.

После новостей идет кретинский сериал. Сидим и таращимся в экран, но на самом деле никто его не смотрит.

– По-моему, баб, землетрясение будет, – говорит Адам. – Ну или бомба – серия бомбардировок.

– Японцы давно уже сообразили, – отвечает Вэл. – Они зря суетиться не будут.

– Так им же по-любому эвакуироваться надо, у них вулканы.

– А у нас ты. У нас то, что ты говоришь. Тебя должны услышать. Надо, чтобы все успели убратся отсюда.

– Да нет, это же другое дело! Я уже думал, как до всех доораться, как сделать так, чтобы меня все заметили. Может, повесить баннер, влезть на Мэри-Экс или на Тауэр-бридж – ну типа того.

– Получится как с моей картиной, – говорю. – Никто не обратит внимания. Решат, ты псих. Надо, чтобы тебя показали на уличных экранах. Сколько их у нас? Тысяча? Больше? Это ведь официальный канал, правда? Все смотрят, что там показывают. Надо туда пролезть, хакнуть их, что ли...

– Офигеть! Точно! Если городской совет и правительство ничего не делают, придется мне. Надо их взломать.

– Ты что, знаешь как?

– Нет, но у меня есть один друган, он знает.

Весь на нервах – притопывает по полу, глаза так и горят.

– Звякну-ка я ему.

Пусть звонит. Мии пора спать, да и мне тоже. Адам уступает мне комнату, говорит, перекантуется на диванчике. Мне неловко, но он упирается. Кормлю Мию перед сном и кладу ее в ящик от комода,

поставленный на пол, – совсем как у Винни. Выключаю свет, пробую закрыть глаза. Где-то сейчас Винни? Адам сказал, его увели. Представляю себе, как он лежит в камере, и просто кричать хочется. Кто-кто, а Винни такого не заслужил.

Думаю о ветре и дожде, о том, каково бы мне было ночевать в туннеле. А еще об Адаме и как судьба постоянно нас сводит. И вот я здесь, в его комнате. Ведь говорила же я себе: держись от него подальше, а поступаю ровно наоборот. Только Новый год еще не наступил, пока еще нет, поэтому сегодня я лучше побуду в тепле и уюте и выплюсь, если Мия даст.

Адам

Ночью я слышу ее крик. Он вторгается в мои сны и выволакивает на поверхность. Ужасный крик, от него прямо сердце разрывается. Еще не успеваю толком проснуться, как понимаю, что это Сара. Скидываю одеяло и лечу вверх по лестнице в свою комнату и тихонько стучу в дверь.

Она меня не слышит – так кричит, что все заглушает.

Открываю дверь, вхожу. Сара в моей кровати, сидит, тянет руки вперед. Глаза у нее открыты, и она повторяет: «Мия! Мия!» Мия лежит в ящике на полу и, что удивительно, спит.

– Сара, все нормально, – говорю я с порога. – Мия здесь. С ней все хорошо.

Она не поворачивает голову на голос, но, кажется, слышит меня.

– Нет! – кричит она. – Она там! Она там одна! Помогите! Помогите! – И начинает плакать. Хотя глаза у нее и открыты, она не проснулась, по уши в своем страшном сне.

Тогда я подхожу к кровати и сажусь на краешек. Осторожно трогаю Сару за руку.

– Сара, – говорю. – Это все тебе снится. Надо проснуться.

Она кричит и кричит.

– Сара! – говорю я уже громче. – Просыпайся! Давай просыпайся! Это сон!

Крепко беру ее за плечо и слегка встряхиваю.

Тут она поворачивает голову и ахает:

– Ты?! Только тебя мне не хватало!

– Сара, ты у меня дома, все нормально.

– Адам? – шепчет она и протирает глаза, будто не может разобраться, проснулась она или еще видит сон.

– Это я, Сара. Ты здесь, у меня. Тебе приснился страшный сон, а теперь все в порядке. Все хорошо.

Руки у нее падают на кровать.

– Я кричала, да?

Да так, ничего, просто и мертвый бы проснулся.

– Ну да, чуть-чуть.

– Винни я тоже будила, – вздыхает она. – Потом он привык.

– Ты кричала, что она, ну, Мия, где-то «там». Что тебе снилось?

– Не знаю. Какой-то дом, здание, оно рушилось, кругом огонь и...

Она тяжело дышит.

– Тише, тише, не надо... Не думай об этом, все нормально.

– Адам, я так устала. Так устала, а стоит мне закрыть глаза, и опять все навалится.

Передвигаюсь чуть ближе к изголовью, но Сару не трогаю. Зато если что, я тут.

– Нет, не навалится, – говорю. – Все будет хорошо.

– Побудешь тут со мной? Разбудишь, если опять начнется?

Я буду с тобой всегда. Я ради тебя Ла-Манш переплыву. Пройду босиком по битому стеклу.

– Ну да, конечно, – говорю. – Подвинься капельку.

И вот я лежу рядом с ней, и она кладет мне голову в ямку между плечом и грудью.

Гляжу, как она опускает ресницы и закрывает глаза. Она почти сразу засыпает, а я не сплю долго-долго и смотрю на нее. Так и впитываю ее – тяжесть тела, сладкий аромат, ощущение, как она чуть-чуть шевелится, когда дышит. Хочу запомнить все это навсегда – что я чувствую, все подробности. Только бы ничего не забыть.

И все равно я, наверное, задремал, потому что вдруг проснулся. Сара тут. Она подняла голову и смотрит на меня. Улыбается.

– Привет, – шепчет она.

– Привет, Сара.

Дружок мой опять оживился, и ее тепло, ее близость для меня

настоящее мучение.

– Пospала? – спрашиваю.

– Ага... – Она вся разнеженная и такая довольная, какой я ее в жизни не видел. – Спасибо, – говорит, – что побыл со мной.

С тех пор как я проснулся, мы так и смотрим друг другу в глаза. На душе такой покой – такой глубокий и такой вселенский, – как это здорово... Сара глядит на мои губы и обратно в глаза. Так вот о чем она думает, я точно знаю, и вдруг мне приходит в голову то же самое и я думаю: «Сейчас или никогда. Сейчас. И я нагибаюсь к ней и целую ее».

Губы у нее мягкие-мягкие. У меня пол-лица жесткие от рубцов, а она вся мягкая. Сначала губы у нее сжаты. Она позволила мне поцеловать себя, но не отвечает, а потом то ли вздыхает, то ли стонет и закрывает глаза и приоткрывает губы и прижимается ко мне, и я понимаю, что она хочет меня так же, как я ее.

После сна изо рта у нее пахнет, но мне так только нравится. Пробую ее на вкус – и мне все мало.

Она обнимает меня за шею, гладит. Не отрываясь друг от друга, мы перекатываемся, я оказываюсь сверху. Провожу рукой по ее плечу, потом дальше. Соски у нее под футболкой твердые и мокрые. До меня доходит, что у нее течет молоко. И грудь не мягкая. Как ни странно, она твердая и теплая, даже горячая.

– Осторожно, – шепчет Сара. – Мне так больно. – Я отдергиваю руку, но она берет ее и прижимает обратно к груди. – Можно, только не так сильно.

Мы снова целуемся. Она поднимает мне футболку, гладит спину и ребра, изучает меня пальцами.

Я повторяю ее движения: запускаю руку под одежду, вверх по спине, потом вниз, еще ниже. Она замерла, мышцы у нее напряглись, но мне надо больше, еще больше, надо узнать ее всю. Оглаживаю бедро... и тут она яростно дергается, пытается стряхнуть мою руку.

– Нет! – говорит она, и в голосе ее звучит ужас.

– Сара, я думал, ты хочешь...

Она выпихивает меня из постели.

– Нет, этого не хочу. Извини. Я думала, смогу, но не получилось.

Не понимаю, что изменилось-то. Она меня хотела. Сама меня гладила.

– Сара, ты чего?!

– Не надо! Перестань! Я не могу. И не хотела. Только не с тобой. Только не с...

Встаю и пачусь.

– Понял, – говорю. – Я отвратительный. Я Человек-Слон. Конечно, со мной ты не хочешь.

Тут Мия просыпается и плачет. Бросаюсь к двери. За спиной слышу Сарин голос:

– Нет, Адам, не в этом дело...

Не нужны мне ее извинения. Дурак я – вообразил, будто между нами что-то будет. Дурак. У меня никогда ничего не будет. Ни с кем.

Лечу, не разбирая дороги, вниз по лестнице. Бабуля стоит в дверях своей комнаты – всклокоченная, глаза толком не открылись. Поднимает бровь:

– Адам! Какого...

– Не спрашивай, баб. Не сейчас. И никогда не спрашивай, ладно?

Сара

Не могу я, и все. Думала, получится. Думала, тоже хочу, но не смогла. Не знаю, может, вообще никогда не смогу. Я понимаю, Адам – другое дело. Я ему нравлюсь, правда нравлюсь, и он мне нравится, но тяжесть его тела, его руки, которые шарят по моей коже, от всего этого меня трясет. Логика никакой, это вообще не из головы: в голове я счастлива, что он рядом, и рвусь к нему. Просто у меня тело уже запрограммировано и ведет себя так само по себе, отдельно от всего.

Оно вообще уже давно мне как чужое. Дома оно много лет принадлежало ему. Он мог получить меня – взять меня, – когда захочет. Теперь оно принадлежит Мии. Мое тело как по волшебству сделало все, что нужно, чтобы вырастить ее, родить ее, кормить ее. Я не знала, как это делается, но все получилось. Тело все знало.

Когда-нибудь, в один прекрасный день, тело вернется ко мне. Только вот никто не знает, когда это случится, кем я тогда стану и что почувствую. А пока Адам выбегает, хлопнув дверью. Говорит, он Человек-Слон. Думает, на него противно смотреть, но дело же не в этом. Совсем наоборот. «Дело не в тебе, дело во мне». Боже мой, до ужаса затасканная фраза, а ведь так и есть. Разве я хотела его обидеть? Что он теперь обо мне подумает: что я стерва или динамщица?

– Похоже, попросят нас отсюда, – говорю я Мии. – Я сама все испортила, да?

Собираю вещи и только потом спускаюсь. Адам лежит на диване, свернувшись в клубок, с закрытыми глазами. Телик включен, но он его не смотрит. Вэл в кухне, сидит на табуретке в облаке дыма. Останавливаюсь на пороге. В кухне так накурено, что Мии там нельзя, в гостиной мне не поместиться – ее занял Адам. Деваться нам некуда, придется уйти.

– Я положу ее в коляску и сбегая за остальными вещами, хорошо? – говорю я.

– Зачем? Куда это ты? – Вэл давит сигарету в пепельнице.

– Большое спасибо, что вы пустили нас переночевать, но теперь нам надо найти другое место, где жить.

– Разве тебе есть куда идти? – Она пристально смотрит на меня.

– Ну да, попробую кое-куда ткнуться, – вру я.

Не хочу я, чтобы меня жалели, опекали и вообще. А хочу я уйти, мне вообще не надо было сюда соваться. Нам с Мией надо уехать из Лондона, а если нас при этом поймают – ладно, я что-нибудь придумаю.

Подхожу к коляске, пытаюсь уложить Мию, но спать ей еще не пора. Она обиженно вопит.

– Мия, пожалуйста, полежи. Только капризов мне не хватало.

Она не унимается, но я все равно пристегиваю ее и ухожу наверх за мешками. Когда я спускаюсь, Вэл стоит рядом с коляской и воркует. Это не помогает.

– Не беспокойтесь, – говорю, – мы уже уходим.

Запихиваю мешки в корзину под коляской и натягиваю куртку.

– Мы тебя не гоним, – говорит Вэл.

Адам на диване за ее спиной так и не открывает глаз, но он точно не спит – поди усни при таком гвалте.

– Адам, она уходит, – говорит ему Вэл. – Не хочешь попрощаться?

Тут он открывает глаза и смотрит прямо на меня. Лицо у него не выражает ничего. У меня такое чувство, будто я его убила.

Делаю шаг к нему. Нельзя, чтобы все так кончилось. Между нами стена непонимания.

– Адам, – говорю, – дело не в тебе. Дело не в тебе, дело во...

Он бьет кулаком в диван.

– Хватит! – орет он. – Не говори так, никогда так не говори!

– Все, все, я ухожу.

Говорить с ним бессмысленно. Я так сильно его обидела, что лучше теперь не трогать. Иду к входной двери, открываю ее и придерживаю спиной, чтобы вывезти коляску. С трудом стаскиваю ее по ступенькам. Мия по-прежнему плачет, но взять ее на руки я не могу, пока мы не окажемся далеко отсюда. Собираюсь закрыть дверь за собой – и вдруг на пороге возникает Адам. Не представляю себе,

что он хочет, накричать на меня, ударить, поцеловать. Энергия так и бьет через край – он прямо на взводе. Руки сжаты в кулаки. Вдруг он резко выбрасывает один кулак вперед.

– На, – говорит. Поворачивает руку ладонью вверх, разжимает пальцы. Там две купюры и мелочь.

– Да ладно, глупости все это, – говорю.

– Бери. Уезжай из Лондона. Осталось три дня. Увези Мию отсюда. От меня.

Он говорит не поднимая глаз. А на слове «меня» вдруг вскидывает голову и смотрит мне в глаза, и взгляд у него больше не мертвый, не безжизненный. В них снова поблескивает искра, и эту искру я знаю: там пляшет страх.

– Возьми, – повторяет он, сует деньги мне в ладонь и накрывает ее своей. Рука у него теплая-теплая. Все мое тело тут же отзывается – к коже приливает кровь, сладко ноет между ног. Не хочу я никуда уходить. Хочу остаться здесь и встретить лицом к лицу все, что только попробует нас разлучить. Хочу прикоснуться к его обожженному лицу, чтобы он понял – это для меня не важно.

– Что ты собираешься делать?

– Шум поднять. Надо заставить всех уехать из Лондона.

– Сам? Один?

– Ага, ну не знаю, все равно.

Стоим на пороге, как будто нам еще что-то надо решить. Я взяла деньги, но руку Адам не убрал. Не хочу, чтобы он убирал руку.

– Я бы могла тебе помочь, – говорю.

Тут мы смотрим друг на друга, и на секунду-другую я задумываюсь, не думает ли он о том же, о чем и я, – что нам суждено быть вместе, что мы со всем справимся.

Он убирает руку и нежно касается моей щеки, как я когда-то в школе.

– Нет, – говорит он, и голос у него тихий и хриплый. – Тебе надо уходить. Это самое лучшее, что ты можешь сделать. Увези Мию в безопасное место.

Правильно он говорит. Я с самого начала это понимала. Если я хочу увернуться от будущего, от своих снов, значит, первого я должна быть от него подальше.

– Ладно, – говорю, – я уйду. Но я буду тебе звонить, хорошо? Может, когда все кончится, мы...

Не представляю себе, что ждет нас по ту сторону Нового года. Не знаю, каким будет тогда мир. Не знаю, выживет ли хоть кто-нибудь из нас. Адам знает. Он видел мое число.

– Адам...

– Да.

Тут меня осеняет: не желаю я знать, сколько мне осталось – неделя, месяц или год. Адам говорил, что никогда мне не скажет, и правильно, так лучше всего. Не желаю слышать собственный смертный приговор.

– Ну давай.

Кидаюсь к нему и целую в щеку, в обожженную. Он закрывает глаза, а я шагаю по тропинке.

Не оглядывайся. Не оглядывайся...

Не могу сдержаться, гляжу через плечо, он все еще стоит на пороге. Глаза у него уже открыты, и он стоит и смотрит. Поднимает руку и вытирает глаза рукавом, и лицо у него кривится, и улыбка уже не улыбка. Не могу видеть, как он плачет, отворачиваюсь и ухожу.

Адам

Она уходит, и так, наверное, лучше для нас обоих и вообще для всех. А мне так и хочется заорать: «Вернись!» Так и хочется броситься за ней, развернуть, прижать к себе. Но что-то во мне – то, что во мне есть хорошего, – радуется, что она уходит: зато теперь она будет в безопасности и Мия тоже. А если нет, не я буду в этом виноват.

«У нас получается, – думаю я. – Эта история не обязательно кончится так, как мы видели. Мы уже начали все менять».

Возвращаюсь домой, переодеваюсь в приличное.

– Куда это ты собрался? – спрашивает бабуля.

– В Черчилль-Хаус, – говорю. – Поговорю с одним другом про экраны.

Она тянется за пальто.

– Нет, баб. Посиди дома. Я один управлюсь. – Меня прямо колбасит от всего этого, что я могу изменить будущее, могу спасти людей, сотни, тысячи жизней.

Бабуля так и стоит с пальто в руках.

– Баб, я скоро. Поговорю с Нельсоном и вернусь.

– Как-то все сгущается, Адам. Не хочу спускать с тебя глаз. Я уже один раз так оплошала. Отпустила из дому твоего отца...

Она мнет пальто в руках, прямо душит его. Сам не знаю почему, я шагаю к ней и быстро обнимаю. Она обхватывает меня и тоже обнимает и держит так долго, что мне становится неловко.

– Я скоро вернусь, – говорю я, и она меня отпускает.

– Хорошо, – говорит. – Хорошо. Приходи. – Отворачивается, но не идет на свою табуретку в кухне, а садится на диван смотреть новости. А я ухожу – так и бегу по улице. Наверное, это я надеюсь догнать Сару, но ее уже и след простыл.

До Черчилль-Хаус всего минут пять, если бегом. Уже на месте соображаю, что не знаю номер Нельсоновой квартиры. Вхожу в вестибюль. Домина – будьте-нате: пятнадцать этажей и на каждом

тридцать квартир. Вытаскиваю мобильник, снова набираю Нельсона. На этот раз он берет трубку.

– Нельсон, это я, Адам.

– Адам...

– Привет. Я тут внизу, в вестибюле. Какая у тебя квартира?

– Ты здесь?!

– Ну да, нам бы надо поговорить.

– Не знаю, Адам. Может, не стоит.

– Чего?!

– Знаешь, зря ты пришел...

– Нельсон, чел, ты чего, сбрендил?!

– Тут у меня... неприятности... странности всякие. Адам, нам даже по телефону говорить нельзя.

– Вот поэтому я и пришел. Увидеться и поговорить с глазу на глаз.

– Ну я не знаю...

Все, хватит с меня.

– Нельсон, кончай пургу гнать! Мне позарез надо с тобой увидеться, так что я буду во все двери трезвонить! Какая у тебя квартира?

Молчание – на секунду мне кажется, что он повесил трубку.

Потом слышу:

– Девятьсот двадцать семь. Девятый этаж.

– Отлично. Супер. Поднимаюсь.

Лифт не работает, приходится топать по лестнице. По дороге мне три раза встречаются люди – два молодых парня, женщина с грудничком в слинге и малышом постарше и старенькая бабушка с сумкой на колесах. Все они умрут первого января. Все до единого. Этот домина погребет их всех.

Первые четыре-пять этажей прохожу без проблем, но к девятому у меня уже язык на плече. Квартира номер 927 в дальнем конце

бокового прохода. Дверь на цепочке. Нельсон стоит за ней в прихожей, его не видно.

– Входи, – шипит он. – Быстро.

– Привет, Нельсон. Я тоже рад тебя видеть, – говорю.

По-моему, он меня не слышит, думает только о том, как бы дверь поскорее закрыть.

– Тебя кто-нибудь видел?

Он по-прежнему говорит вполголоса.

– Не понял?..

– Кто-нибудь видел, как ты сюда зашел?

– Не знаю. На лестнице кто-то был, но на твоей площадке – никого. Чего ты шепчешь-то? И чего такой дерганный?

– За мной следят. Я под колпаком.

– Кто?

– Откуда я знаю? Наверное, пятый отдел.

Свет в прихожей не горит, окна занавешены – тут довольно-таки темно, только мне все равно видно, как щека у него так и выпячивается и глаза шарят по углам и смотрят куда угодно, только бы не на меня.

– Что ты городишь?

– Адам, я вывесил все в парасети. Я же обещал. Вывесил, и меня куча народу перепостила. Про Новый год там тонны всего. Просто тонны. Всем интересно. Все хотят разобраться. Доказательств накопилось – куча: правильно ты говорил, Адам, будет настоящая катастрофа.

– А что именно, Нельсон? Ты выяснил?

Он мотает головой:

– Наверное, какое-то стихийное бедствие. Сейсмическая активность везде повысилась. Сильно. И уровень радона, судя по всему, тоже.

– Радон – это что?

– Такой газ, который содержится в камнях в земной коре. Если

его уровень повышается, значит, активность повысилась. Один дядька, профессор, вывешивает цифры в парасети – и даже это удаляют. Только про вулканы мы все равно знаем, это не запретишь. Адам, ты их видел? Вот уж новости так новости.

– Видел, только это же в Японии. У нас тут вулканов нет.

Нельсон вздыхает:

– Ты в каком классе? В одиннадцатом, в двенадцатом? Тектонику плит проходили?

Голова у меня кружится, как миксер. Тектоника, география, школа. Как будто миллион лет прошло. Ничего у меня тогда не отложилось и ничего сейчас не вспоминается. Но и дураком выглядеть мне не хочется.

– А как же, проходили.

– Япония на другом краю Евразийской плиты, – говорит Нельсон.

– Ну да, знаю.

– А если что-то происходит на одном краю плиты, что-то обязательно произойдет и на другом. В Европе – в Греции, Турции, Италии. Здесь. Землетрясение, например. А у нас уровень радона повысился – и уже были колебания почвы.

– А пожары?

Тик у Нельсона уже по всему лицу. Совсем распсиховался.

– После землетрясений всегда бывают пожары. Пробитые газовые трубы, электропроводка. В 1906 году в Сан-Франциско пожары были еще три дня после землетрясения. Больше народу сгорело, чем погибло под завалами.

Мы так и топчемся в прихожей, но тут у меня слабеют колени. Фатальное сочетание – девятый этаж и конец света.

– Нельсон, давай сядем где-нибудь.

Собираюсь пройти мимо него и поискать гостиную или кухню. Он преграждает мне дорогу.

– Ты чего?

– Нельзя тебе входить. Мама в кухне, братья дома.

– Тебе что, нельзя друзей приглашать?

– Нет. Тебя нельзя. Не хочу, чтобы они тебя видели. Я и так огреб из-за тебя по полной программе.

– Что случилось-то?

– Мои посты в Сети проследили. Узнали, кто я такой. К нам приходили. Отдел по борьбе с терроризмом, комитет по правам ребенка, иммиграционная служба...

– Они-то тут при чем?

– Все взяли и пришли – одновременно. Набились в дом, как саранча. Допрашивали маму с папой. Мама жутко перепсиховала.

– А они что, нелегалы? Мама с папой?

– Нет, конечно, просто они приехали сюда двадцать лет назад, еще до электронных удостоверений личности, и теперь все бумажки у них просроченные. Ничего плохого они не делали.

– Все обошлось? Ничего не случилось? Обыскали – и дело с концом?

– Ничего не обошлось. Со мной – случилось. У меня изъяли комп. Вынесли предупреждение.

– Ты же не делал ничего незаконного.

– Как это «не делал»? Участвовал в заговоре с целью сеять панику.

– Чего?

– Закон о терроризме 2018 года. Заговор с целью сеять панику. Адам, меня могли посадить. До десяти лет.

Он весь на взводе, это сразу ясно. На взводе. А ведь это я во всем виноват.

– Нельсон, – говорю. – Прости меня, пожалуйста. Я не знал.

– Я тоже. Не знал, во что вляпался.

– Не надо мне было тебя просить. Я пойду. Оставлю тебя в покое. Только...

Тут он наконец смотрит на меня – и его число опять бьет меня прямо в лицо. 112027. Чертово число. Его-то за что?!

- Ну чего тебе?
- Только дай мне честное слово, что уедешь отсюда.
- Я не могу уехать без родных.
- Тогда уговори их тоже уехать.
- Легко сказать...
- Нельсон, пожалуйста, уговори. Возьми и уговори.
- Хорошо. Я их заставлю.

Поворачиваюсь к двери.

- Адам, – говорит он. – Ты зачем приходил?
- Хотел кое-что спросить.
- Что?

Просить его хакнуть экраны я не могу. Хватит с него.

- Да ничего. Не важно.
- Наверное, все-таки важно.
- Да, но теперь уже не надо.
- Адам, расскажи. Я и так уже влип. Если я могу что-то сделать, хоть поквитаюсь с этими мерзавцами.

– Нельсон!

– Адам, они на нас наезжали. Напугали маму. Это низко. И аморально.

– Понимаешь, я тут подумал... Подумал, может, как-то выбраться на экраны информации. Взломать их, например.

Нельсон улыбается:

- Отлично. Сделаем.
- Как же без компа?
- Адам, компьютеры есть где угодно. А экраны, говорят, стоят даже не только в Лондоне, – если не врут.
- Ты не обязан... ты и так много сделал. Давай-ка лучше о себе подумай. О себе и родных.
- Не обязан, зато хочу. Адам, из-за этих мерзавцев погибнут

тысячи. Так нельзя.

– Ладно, чел, будь здоров.

Сжимаю кулак, протягиваю ему. Он смотрит на него несколько секунд, потом хмыкает и тоже сжимает кулак, и мы стукаемся костяшками. И я думаю – делал ли он так раньше? Успеет ли когда-нибудь еще?

– Пока, Нельсон, – говорю.

Слышу, как за спиной закрывается дверь. Я не из тех, кто чуть что – сразу молится, но, пока бегу по коридору, отправляю маленькую такую молитву во двор, а оттуда – вверх, к серым небесам. Пусть он выпутается. Пусть у него все будет хорошо. Может, так и получится, ведь я-то знаю, что Нельсон – тихий, занудный Нельсон на самом деле просто нереально крут.

Сара

Не прошло и нескольких минут, как я отошла от дома Адама, и меня замели.

Так быстро – в голове не укладывается: только что я катила себе коляску по тротуару – и вот рядом тормозит машина, меня запихивают на заднее сиденье, и кто-то отстегивает Мию и сажает ее в детское кресло рядом со мной. Потом с обеих сторон садятся какие-то люди, двери захлопываются, замки щелкают, и мы уезжаем.

Коляска и наши мешки остаются на улице.

– Черт побери, что вы делаете? Кто вы такие?

Человек, который сидит рядом со мной, раскрывает бумажник и сует мне в лицо свое удостоверение.

– Комитет по правам ребенка. А это Вив – она из полиции. Отдел поддержки семьи.

– Какого черта вы схватили меня прямо на улице? Мы живем в свободной стране!

Тут вмешивается женщина, сидящая по ту сторону от Мии:

– Мы были вынуждены так поступить, потому что вы все время от нас убегаете. На Джайлс – стрит вас не было. Где вы, никто не знал.

– Могли бы засечь чип у Мии. Вы так уже делали. Зачем было устраивать этот балаган?

– Вынужденные меры. Вашим соседям мы предъявили обвинение в хранении наркотических веществ класса А с целью дальнейшей продажи. Эту ночь вы провели в доме вдовы одного из самых знаменитых грабителей в Вест-Энде и ее правнука, который в настоящее время исключен из школы за агрессивное поведение и находится под подозрением в убийстве. Откуда мы знаем, куда вы направитесь теперь?

Да, при такой подаче все это выглядит как-то кисло.

– Куда мы едем?

– В полицейский участок Паддингтон-Грин, где мы допросим

вас в связи с событиями на Джайлс-стрит. Луизу мы передадим в приемную семью. Ее уже ждут.

– Вы заберете ее? Заберете ее у меня? Нет! Ни за что! Я поеду с вами в участок. Отвечу на все вопросы – мне нечего скрывать. Но я не допущу, чтобы вы отняли у меня ребенка!

– Салли, ваше мнение никого не интересует. У нас есть судебный ордер. Вашему ребенку нужна безопасная, спокойная обстановка.

– Я кормлю ее грудью, – говорю я.

Наступает тишина, и я думаю: «Ну вот, получилось. Теперь ее никто у меня не отнимет». Потом женщина говорит:

– Мы проследим, чтобы она была сыта и обеспечена всеми удобствами. Ее приемные родители – люди очень опытные.

Тут до меня доходит – как будто я раньше не знала, – какой холодный и жестокий этот мир и с какими холодными и жестокими сволочами я имею дело.

Думаешь, выкрутишься, – а ничего не выйдет.

Думаешь, ты сам хозяин своей жизни, – а вот и нет.

Рано или поздно до тебя доберутся.

Машина едет ровно и стремительно. Меня взяли в клещи, я даже не у двери сижу. Как отсюда выбраться, не придумать. Остается только сидеть и ждать, когда меня отвезут туда, где у меня отберут ребенка.

Сворачиваем с дороги, едем по спуску в подземный паркинг. Держу Мию за руку. Никак не могу поверить, что они на это способны. Еще как способны.

Нас выгружают из машины. Прошу разрешения в последний раз взять Мию на руки, мне никто не запрещает. Ей не нравится, что ее вынимают из кресла. Я пытаюсь сказать ей: «Мия, еще не все потеряно. Скоро мы снова увидимся. Честное слово». Но глаза у нее закрыты, голова так и мотается из стороны в сторону. И все равно мне ничего толком не выговорить: слова выходят слезливые, неразборчивые, истеричные. Все идет не так. Кто-то тянется ко мне, просовывает руки между мной и Мией, и ее забирают у меня и уносят.

Вижу только два силуэта: один несет Мию, другой – детское кресло. Полицейский рядом со мной говорит: «Сюда, пожалуйста» – и кладет мне руку на плечо, чтобы развернуть. Я думаю: «Руки убери, гад!» – но слова мне не выговорить. Получается визг, рев, и я не бью его, нет, я царапаю ему лицо ногтями, и тогда он тоже визжит, тонко, пронзительно, перепуганно. Прижимает ладонь к пяти красным полосам, а я пускаюсь бежать.

Где-то вдали урчит мотор. Это машина, на которой увозят Мию. Бегу туда. Меня видят – машина мчится к выезду, аж шины визжат. Наверху железные ворота, все равно придется ждать, пока они откроются. Я ее догоню. Ворота отъезжают в сторону. Я почти добежала, успела даже коснуться пальцами кабины, но тут тормозные огни гаснут, машина трогается и исчезает, влившись в поток на Эджвейр-роуд. Кидаюсь следом – куда там. Замедляю шаг, стою, сгибаюсь, опершись руками о колени, чтобы отдышаться.

Оборачиваюсь и вижу, что из участка выбегает человек шесть полицейских. Гляжу, как будто со стороны, – и тут в голове щелкает: это же за мной!

У меня больше ста метров форы, но полицейские быстро приближаются, и вдруг я понимаю, что не вынесу, если они будут трогать меня, хватать, пихать. Меня снова захлестывает ярость пополам с адреналином. Нет, я не буду стоять и ждать, когда они меня поймают, хотя куда мне деваться, понятия не имею. Бегу. В куртке жарко, я стряхиваю ее и бросаю. Лечу – рукам и ногам ничего не мешает, подметки так и молотят по мостовой, расплескивая лужи. Пробегаю мимо проулков и проходов, пересекаю парковку, огибаю паб со двора. Назад я даже не гляжу, ни разу. Бегу и бегу – правой, левой... Грудь болит, будто легкие сейчас взорвутся, но я не останавливаюсь. Пробегаю насквозь какой-то рыночек – пахнет мокрой капустой и гамбургерами – и наконец нахожу дорогу к каналу, к унылой полоске серой воды. Тут я оборачиваюсь, но сзади никого нет. У обочины сложены шпалы. Останавливаюсь и плюхаюсь на них.

У меня нет ничего – только то, что на мне надето. Больше ничего не осталось. Когда у меня забрали Мию, то забрали жизнь. Сволочи! Сволочи! Сволочи! Ни о чем не могу думать, только о ней, о том, что ее со мной нет, что рукам не хватает ее тяжести, что груди у меня горячие и полны молока, которое она никогда не выпьет. Торчать тут

одной, без нее, – пытка. Мне хочется броситься бежать, сделать хоть что-то, сдвинуться с места, а не могу. Ноги у меня дрожат, даже когда я сижу. Сейчас они никуда меня не понесут. Вот и придется торчать здесь одной – один на один с отчаянием.

Совсем одной, невыносимо одной.

Адам

Ухожу от Нельсона, но домой пока не иду. А надо. Надо идти домой, собирать шмотки и садиться на первый же автобус из Лондона, а бабуля пусть как хочет. Только на самом деле нельзя мне сваливать все на Нельсона. Я хочу и сам что-то сделать – ну там влезть на Мэри-Экс или на Тауэр-бридж, – вот я и топаю в центр: у меня осталась последняя попытка разбудить город.

В итоге я снова оказываюсь на Оксфорд-стрит и слышу, как вдали кто-то распевает. Вот я и иду на голоса. Кто-то гулко скандирует в мегафон, а толпа за ним повторяет. Сначала мне вообще не разобрать, что они там говорят, а когда я слышу слова, то сразу понимаю, куда попал. Это, наверное, Гроувенор-сквер. Сюжет, который мы видели в новостях вчера вечером.

– Нет – войне! Нет – войне! Нет – войне!

Крики отдаются эхом от стен даже на прилегающих улицах. На площади шум стоит вообще оглушительный. Через каждые несколько метров расставлены полицейские в форме. Протискиваюсь мимо, ввинчиваюсь в толпу. Тот, кто с мегафоном, где-то впереди, мне его не видно, зато еще как слышно, и вдруг меня осеняет: надо добраться до него и отнять мегафон. Ни секунды не сомневаюсь, что мне это по зубам. Пробираюсь к мегафону.

Толпа очень большая, и атмосфера просто обалденная. Много молодежи, кто-то пришел семьями, даже с совсем малюсенькими крохами и старичками, иногда даже постарше бабули. Все пришли не просто так. Они из тех, кто уверен, что, если очень громко кричать, тебя услышат.

Пробираюсь сквозь толпу, поближе к источнику шума, и наконец вижу его, дядьку с мегафоном. Средних лет, из тех, кто собственную шевелюру с рождения игнорирует, и теперь на макушке у него лысина, зато по бокам патлы свисают до плеч. Протискиваюсь между спинами, плечами, локтями – прямо к нему. Я мог бы выхватить у него мегафон хоть сейчас, но это план Б. Сначала надо попробовать план А.

Трогаю дядьку за плечо. Он оборачивается, глядит на меня, потом глядит еще раз, потому что видит ожог, потом отпускает

кнопку на мегафоне, чтобы отключить его.

– Эй, парень, все нормально? – спрашивает он.

– Ага, ваще круто, – отвечаю. – А можно мне тоже кое-что сказать?

Он сомневается. Он не любит войну. Не любит американцев. Не любит правительство – зато любит единолично владеть мегафоном.

– Хочу быть как ты, чел, – говорю. – Хочу изменить мир.

Тут он улыбается от уха до уха.

– Конечно. Конечно. О'кей, парнишка, – говорит он. Протягивает мне мегафон. – Нажми кнопку и держи, пока не договоришь. Не стесняйся. Давай, жги! Сейчас я тебя представлю.

Отворачивается, поднимает мегафон и нажимает красную кнопку.

– Вот тут хочет взять слово один юный борец за мир. Давайте поприветствуем...

Он делает паузу и наклоняет голову ко мне.

– Я Адам, – шепчу я.

– ...Адама! Послушаем, что нам скажет Адам!

Толпа начинает орать как безумная. Они понятия не имеют, кто я такой, но готовы приветствовать кого угодно и что угодно – такое нынче утро, такая это толпа. Хватаю мегафон. Он неожиданно тяжелый, но я набираю побольше воздуха, поднимаю его к губам и нажимаю кнопку.

– Нет – войне! – ору я. – Нет – войне!

Замолкаю, толпа скандирует лозунг мне в ответ. Делаю еще пару заходов, пока не чувствую, что все как один на моей стороне. Лысый хлопает меня по плечу и протягивает руку за мегафоном, но я еще не договорил. Только начал.

– Этой войны не хочет никто! – ору я. Эхо прокатывается по всей площади, и это круто. – Этой войны не хочет никто, но через три дня от Лондона останутся одни развалины. Город будет полностью разрушен! – Толпа притихла. Кое-где слышится даже свист. – Вчерашний подземный толчок – это только начало. Будет гораздо

хуже. Гораздо, гораздо хуже! Надо уезжать из Лондона. Уезжайте из Лондона еще до Нового года!

Свист, возмущенные крики.

– Спасайтесь. Спасайте родных. Уезжайте из Лондона. Куда угодно. Прямо сейчас!

Вокруг все пытаются меня заткнуть.

– Хватит!

– Проваливай!

– Нет – войне!

Лысый хочет отобрать мегафон, но я вцепился в него изо всех сил.

– Здесь все погибнут. Спасайтесь! Спасайте родных! Уезжайте из Лондона!

На меня наваливается еще несколько человек. Кто-то выдирает мегафон у меня из рук, я пихаю его. Все теснятся кругом, я не знаю, кого колочу, – только мне спуску не дают, молотят руками и ногами. Прикрываю лицо локтями – тело остается открытым, кто-то бьет меня в живот. Весь воздух вырывается из легких, я едва не валюсь лицом вниз.

Толпа почуяла запах крови. Кто-то проталкивается вперед, лишь бы добраться до меня, его оттолкнули, в воздухе клубится паника. Я пытаюсь удержаться на ногах. Надо сваливать. Нагибаю голову и врезаюсь в толпу. Это не так-то просто, потому что все стоят очень плотно и норовят меня схватить, но за несколько минут я добираюсь до края.

Передо мной шеренга начищенных ботинок. Немного разгибаюсь и смотрю вверх, на стену прозрачных полицейских щитов.

– Выпустите! – ору я. – Дайте ноги унести, а то меня убьют! – Стена стоит неподвижно. – Выпустите! Выпустите!

Шагаю вперед, бью в щит кулаком. Соседний щит двигается ко мне. Супер, там же щель, сейчас я туда... На плечо обрушивается дубинка. Один удар – и я на земле. Больше на меня не обращают внимания – ни к чему. Парень с дубинкой делает шаг назад, и стена

снова целая. Лицо мне царапает бетон, несколько секунд я не соображаю, что происходит, где я, жив я или умер. Надо двигаться, надо встать на ноги, но об этом и думать нечего. Я даже не знаю, где верх, где низ.

Толпа у меня за спиной, те же люди, которые только что колотили меня куда попало, сменили пластинку. Теперь они напустились на полицию – визжат, орут, ругаются.

– Права человека!

– Зверства полиции!

– Фашисты! Сфотографируйте их! Запишите номера!

Меня опять хватают со всех сторон, только уже не бьют и не пихают, а утешают и поддерживают.

– Ты как, братишка? Слышишь меня?

Медленно открываю глаза. На меня нацелено как минимум с полдюжины объективов, а за ними – море лиц и горы чисел, просто горы.

– Братишка, мы всё сняли на камеру. Это им с рук не сойдет. Тебя как зовут? Сколько тебе лет? Мы дадим этот сюжет в дневных новостях.

Не нужна мне эта суматоха, мне бы удрать поскорее, добраться домой, к бабуле, но мало-помалу до меня доходит, что они говорят. «Сняли на камеру. Дневные новости». И я вспоминаю, зачем пришел.

– Первое января, – говорю я, глядя в ближайшую камеру. – Уезжайте из Лондона. В Новый год здесь все рванет.

Меня пытаются зашикать. Слышать ничего не хотят, а я гну свое.

– Лондон в опасности. Вчера было только начало. Будет хуже. В десять раз хуже. В сто раз хуже. Здесь погибнут люди. Уезжайте. Уезжайте из Лондона.

Мне помогают подняться на ноги, объективы поднимаются вслед за мной – снимают крупный план. Меня бомбардируют вопросами. Кто меня ударил? Сколько раз? Не отвечаю – гну свое. Кровь течет по лицу, попадает в рот, но я не останавливаюсь. Это мой шанс. Мой момент. Меня транслируют на всю страну. Господи, сделай так,

чтобы страна меня услышала.

Нас держат на площади шесть часов. Никого не выпускают. Писай где стоишь. Женщины приседают на корточки, пока друзья их загораживают. Мы просим воды – нам не дают. Просим, чтобы нас отпустили – по-тихому, без шума, – а нам говорят, что нас держат здесь ради нашей же безопасности.

Время от времени у кого-нибудь сдают нервы. Начинают спорить с полицейскими или пытаются протолкнуться сквозь стену щитов. С такими обходятся как со мной: избивают дубинками и ногами, пока те не падают, а потом стена смыкается снова.

Как только камеры перестают снимать, я пытаюсь поговорить с кем получится: по одному – по два человека за раз. Нравятся они мне, вот что. Раньше я не обращал на таких внимания, а то и фыркал: подумаешь, хиппари патлатые, а еще считают, будто способны изменить мир. Но стоило мне их послушать, как до меня наконец доперло, что они дело думают, настоящее дело, – про будущее планеты, про то, что в других странах люди голодают и страдают. Им не все равно. От этого у меня такое чувство, будто я всю жизнь прожил с закрытыми глазами.

Почти у всех у них – первое января. Я их уговариваю уехать. Брожу в толпе и говорю всем одно и то же, одно и то же.

– Уехать? Да нас с Гроувенор-сквер и то не выпускают.

– Ну да, но потом-то выпустят. Идите домой, соберите вещи и уезжайте, неужели трудно?

– Откуда ты все это знаешь?

– Вижу, и все. Я вижу будущее, чел.

Никто не понимает, как ко мне относиться. Кто-то разговаривает этак по-добренькому – думает, я просто псих, и, если поговорить со мной вежливо, свалю подобра-поздорову. Кто-то мотает головой и ждет, когда я уберусь.

– Дайте слово, – не отстаю я, – дайте слово, что уедете из Лондона.

Кое-кто обещает. То ли я их напугал, то ли они надо мной издеваются. Я проталкиваюсь сквозь толпу от одного человека к другому и со временем начинаю заранее угадывать, кто скажет, что

уедет, и среди таких нет ни одного «двадцать седьмого». У меня появляется мания. Надо заставить хотя бы одного «двадцать седьмого» пообещать, что он уедет. Но как я ни стараюсь, ничего не получается. Меня это жутко бесит, похоже, я начинаю дергаться. Теперь уже никто не хочет со мной разговаривать, но сам остановиться я не могу. В конце концов меня останавливают.

Я говорю с девушкой. Хорошенькая, лет двадцати пяти, и жить ей осталось чуть больше недели.

– Ну пожалуйста, – говорю я. – Дайте мне слово, что уедете. Осталось всего несколько дней. Спасайтесь. Понимаете, здесь погибнет куча народу!

Она не желает смотреть мне в лицо, все время шарит глазами в толпе, и тут кто-то подходит – огромный такой мужик, на несколько дюймов выше меня и лысый, как коленка.

– Не хочет она с тобой разговаривать, понял? Отвали. Ты ее пугаешь. Тут и без тебя, знаешь, не курорт. Закрой рот и дай людям отдохнуть!

В другое время и в другом месте я бы ему врезал. Но меня сегодня уже достаточно били, хватит.

– Речь идет о жизни и смерти, а так – ничего, – говорю я и поднимаю обе руки – сдаюсь, мол. – Я ей типа жизнь хочу спасти.

Отворачиваюсь и гляжу сквозь толпу на щиты, огородившие площадь.

Долго же нам пришлось ждать, пока нас выпустят. Кое-кто даже садится, хотя понимает, что мокро на мостовой от мочи, а не от воды. Разговоры понемногу смолкают, и в конце концов сотни людей, а может пара тысяч, сидят, молчат и ждут.

Обошлось без драмы. Через несколько минут после того, как окончательно стемнело, полиция берет и уходит. Ни тебе объявлений, ни приказов. Вот только что они стояли здесь – и вот уже расходятся по боковым улицам и садятся в машины.

Оглядываюсь кругом. Все устало поднимаются на ноги. Они злятся, что с ними так обошлись, но от жуткой усталости сил у них хватает только на ворчание. Ноги у меня онемели – не то слово. Когда я встаю, кажется, что они сейчас подкосятся. Переминаюсь с ноги на ногу, чтобы разогнать кровь, и в подошвах жутко колет.

Ковыляю с площади, топаю на остановку. Очередь только-только начала набираться, и я уже третий с начала, и тут я лезу в карман и обнаруживаю, что там пусто – ни кошелька, ни проездного билета. В какой-то момент за эти шесть часов кто-то из этих прекрасных, высокоморальных спасителей мира обчистил меня. Остался у меня только телефон и двадцать пять центов. А кому звонить-то? Бабуле? Она все равно не заберет меня домой, придется идти пешком.

Обшариваю остальные карманы – нет, ничего, к тому же я задерживаю очередь. За спиной у меня начинают ворчать и цокать языками. Потом кто-то просто обходит меня и отпихивает в сторону. На этот раз мне нечего возразить. Бессмысленно, да и сил нет. Все устали. День был долгий, всем хочется домой. Мне тоже. Ухожу с остановки и двигаю по улице. До дома много миль, но я об этом даже не думаю. Переставляю ноги, опустив голову, топаю по тротуару, мимо скверов, мимо витрин. Только и вижу, что плиты да асфальт, ноги да ботинки. Поэтому чуть не пропускаю главное. Настоящее чудо – единственное, что заставляет меня улыбнуться в конце этого долгого-долгого дня.

Добираюсь туда, где ботинки стоят на месте. На тротуаре собралась толпа. Волей-неволей поднимаю голову, чтобы пробраться сквозь нее, и тут вижу, почему она собралась. На экране информации над торговым центром мигают буквы: «СРОЧНО! ЭКСТРЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ!» Потом: «ВСЕМ НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ЛОНДОН. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ПРИРОДНОМ КАТАКЛИЗМЕ. СРОЧНАЯ ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЛОНДОНА».

– Господи, у него получилось!

Мне хочется вскинуть кулак в небо, но вместо этого я рассматриваю толпу. Все ошарашены. Всем страшно.

Тут в кармане у меня жужжит телефон. Эсэмэска. Смотрю – там то же самое. Сообщения с экрана прислали мне на телефон. И у всех кругом так. По всей улице все глядят на телефоны и потом на экраны.

Набираю Нельсона, но попадаю только в голосовую почту. Оставляю сообщение и слышу, что голос прямо дрожит от волнения:

– Нельсон, ты чудо. Ты это сделал. Не знаю как, но у тебя все получилось. Спасибо, чел. А теперь уезжай.

Толпа понемногу расходится. Кто-то даже бежит, расталкивая

остальных. Когда я уходил с Гроувенор-сквер, то еле на ногах держался, а теперь снова хвост пистолетом. Тоже пускаюсь бежать. Надо скорее добраться до дому, собрать вещи, и сегодня же нас с бабулей здесь не будет.

Сара

Ну и дура же я – бросила куртку. Дура. Я же замерзну насмерть. Да и наплевать вообще-то. Незачем мне теперь жить. Ее забрали и обратно не вернут. Она сейчас лежит, заботливо укутанная, в красивой чистенькой кровати в красивом чистеньком доме с приемными мамой и папой, и сосет смесь из бутылочки.

Это для меня последняя капля. Конечно, я хочу, чтобы Мия была в тепле и уюте, чтобы за ней ухаживали. Она должна быть со мной, но раз уж нет, я хочу, чтобы у нее было все самое лучшее. Но стоит мне представить себе, как ее кормят из бутылочки, – и прямо сердце разрывается. Я кормила ее грудью с самого начала. Это наше с ней общее дело, у нас так заведено. А теперь этой связи, этой ниточки – нет.

Разве можно так поступать с человеком? Разве можно было забрать у меня Мию, когда мы физически нужны друг другу? Зверство!

Съезжаю со шпал на землю, сжимаюсь в комочек, обняв коленки. Меня трясет, но я этого даже не замечаю. То, что мне больно и неудобно, – не считается. Меня убивает другая боль – мысль, что Мии со мной нет, что у меня ее больше не будет, что она *не здесь*, и так плохо мне никогда в жизни не было.

Промерзаю до костей и перестаю даже дрожать. Все тело застыло и не двигается. Надо встать, пойти куда-то, где хоть немного теплее. А может, просто идти и идти всю ночь, чтобы размять руки-ноги, разогнать кровь. Только я пропустила тот момент, когда у меня еще оставался здравый смысл, когда я могла заставить себя подняться, – холод все высосал, и теперь я останусь здесь.

Сижу, обхватив себя руками. Одна ладонь лежит на шее. Чувствую пульс, слабый, медленный. Надо двигаться, а я не могу. Надо выпрямиться – земля не отпускает. Надо позвать на помощь – в горле сухо, как будто рот набит песком. Пульс под пальцами становится все реже и реже. Если я сумею его посчитать, значит, сердце еще бьется, но я забыла названия чисел. Забыла...

Адам

Вдоль канала будет быстрее. Срежу напрямик, да и народу там никого в такое время. Всю дорогу я пробежал – столько во мне адреналина. Кое-где в домах горят окна и отбрасывают свет на дорогу, но на самом деле почти везде темно, видно только на несколько метров вперед.

Последний участок – за ним поворот в проулок, который ведет на шоссе и к дому, – совсем темный. На земле впереди что-то лежит – груда какого-то шмотья. Потом я различаю ногу и несколько сантиметров бледной ноги между ботинком и какими-то штанами. Мне становится нехорошо. Это еще что такое? Да нет, наверное, просто манекен из какой-нибудь витрины, который зачем-то выбросили на берег. Блин, так же можно до инфаркта довести!

Тут выясняется, что я уже никуда не бегу. Стою. Не хочу приближаться к этой штуковине. Мне страшно.

«Не дури, – говорю я себе. – Это пластмассовая кукла, всего делов-то».

Заставляю себя тронуться с места. Только манекен совсем как живой. Подхожу ближе и вижу голову и руки. Одна рука подпирает щеку, лица не видно. На манекене одна футболка, видно руки. Пластик светлый, гладкий, почти белый.

Мне опять становится нехорошо. Манекены так не сидят. Их так не свернуть. В животе холодеет. Это труп. Я нашел труп. Вот черт! Делаю еще шаг, захожу сбоку. Полголовы у трупа выбрито, по верху торчит ирокез.

– Сара!

Я едва не давлюсь этим словом.

Это же Сара. Одна, в темноте, на морозе. Мии нигде не видно.

Не может быть, чтобы она была мертвая! У нее же число – 2572075. Числа не меняются. А может, меняются? Может, это мне доказательство?!

Опускаюсь рядом с ней, трогаю ее руку. Ледяная. Отвожу ее от лица, держу в своих, подношу ко рту. Целую пальцы.

– Сара. Сара...

Твержу ее имя. Дыхание у меня как дым в темном воздухе – проходит сквозь ее пальцы. Гляжу ей в лицо: глаза у нее закрыты, и кажется, что она совсем ребенок. Гляжу, гляжу, пока глаза не отказывают. У меня набегают слезы, и очертания ее рта расплываются. Моргаю, слезы текут по щекам, я снова все вижу, но рот у нее все равно как будто в дымке.

Точно, в дымке! Блин! Осторожно кладу ее руку и наклоняюсь поближе. Подношу пальцы к ее губам – и чувствую на них теплое дыхание. Срываю куртку, укутываю Сару. Лезу в карман за телефоном, набираю три девятки – телефон службы спасения. Гудка не слышно, и тут я вижу, как мигает на экране значок низкого заряда батареи, а потом он вообще гаснет, и от телефона нет никакого толку. Не оставлять же Сару здесь, пока я бегу за помощью, она и так едва жива. Подсовываю руку ей под спину, приподнимаю, чтобы как следует надеть куртку, затапливаю руки в рукава, будто малыша одеваю. Потом крепко-крепко прижимаю Сару к себе, тру ей руки, тру ей спину, пытаюсь согреть ее своим телом.

– Сара, Сара! Вернись! Вернись ко мне!

Глаза у нее так и закрыты, а я уже замерз. Пробыл здесь всего несколько минут и уже трясусь. А она сколько тут просидела?

Обхватываю ее одной рукой за спину, другой под коленки и с трудом приподнимаю. Потом выставляю вперед одну ногу и встаю. Несколько секунд нас жутко качает, потом я нахожу равновесие. Между прочим, до воды всего пара шагов. Сара висит у меня на руках мертвым грузом, голова у нее болтается. Перехватываю ее повыше – теперь ее шея лежит у меня на руке, голова уткнулась в плечо – и шагаю, переставляя ноги как можно быстрее.

Нахожу проулок, и вот уже я на шоссе – то ли иду, то ли бегу по тротуару. На меня глазают, но помочь никто не вызывается. И остановить меня тоже никому в голову не приходит. Все отворачиваются и топают себе по своим делам. Когда я добираюсь до Карлтон-Виллас, калитка открыта, а дверь не заперта. Пробираюсь в дом, в гостиную. Бабуля там.

– Боже милосердный, Адам, что это?!

– Баб, пусти, пожалуйста. Дай я ее положу.

Она отходит в сторону, чтобы я положил Сару на диван.

– Господи, только погляди на нее...

– Да. Принеси одеяло.

Бабуля мчится наверх и притаскивает одеяло с моей кровати. Заворачивает в него Сару, чтобы и руки тоже были внутри.

– Давай-ка ты тоже оденься, – говорит бабуля. – Погоди.

Приносит мне теплую капюшонку.

– Пойду поставлю чайник, – говорит бабуля. – Посиди тут, у огня.

Слушаюсь. Где-то на заднем плане включен телик, но до меня не сразу доходит, что показывают там Гроувенор-сквер. Да и после этого я торможу, пока на экране не возникает крупным планом лицо – парень с безумным взглядом и весь в крови кричит что-то в камеру.

– Здесь все погибнут! Уезжайте! Уезжайте из Лондона!

– Тебя целый день по ящику гоняют. – Бабуля вручает мне кружку с чаем. – Осторожно, горячий. Я тут сидела, смотрела на тебя и думала, увижу тебя еще когда-нибудь или все уже. Эти подонки держали вас там целый день. Свиньи!

В новостях показали все – и митинг, и как меня били дубинкой и я упал. Я знаю, что это я, знаю, что это было, но самое странное – смотреть это по бабулиному телику. Во-первых, видок у меня – закачаешься. Роба расквашена, глаза вытаращены. А что я несусь! Псих психом. Ставлю кружку на пол, хватаюсь за голову, утыкаюсь носом в колени и рычу.

– Что такое, Адам? Тебе плохо?

– Нет, просто... просто...

Слов не подобрать. Это же неподъемно, с этим ничего не сделаешь – как тошно быть мной, сидеть в таком теле, с такой рожей!

– Допивай чай, еще полкружки осталось.

Нашариваю кружку. Выпрямляюсь и смотрю на Сару на диване. Она очнулась, – по крайней мере, глаза у нее приоткрыты, и ее число, драгоценное ее число на месте. Ставлю кружку обратно и перебираюсь на коленях поближе к ней.

Глажу ее по лбу.

– Сара, – говорю. – Ты дома, с нами. Я нашел тебя и принес домой.

Не знаю, слышит ли она меня. Ничего не говорит. В глазах у нее все мертво, и смотрит она мимо меня.

– Сара, – говорю, – все хорошо. У тебя все будет хорошо.

Я хочу, чтобы она посмотрела на меня, а она не смотрит. Снова закрывает глаза, но губы у нее шевелятся. Наклоняюсь услышать, что она скажет.

– Ее нет, – шепчет она. – Мию забрали. Ее нет.

Сара

Мне не сразу удастся все объяснить. Я окоченела и от холода, и от случившегося. Только съев тарелку супа и как следует отогревшись у камина, я могу рассказать Адаму и его бабушке, что произошло. Они слушают и молчат.

Потом Адам говорит:

– Сара, мы ее вернем. Обязательно. Мы ее вернем.

– Мне ее не отдадут.

– Ты ее мама. Ты хорошая мама, я же видел, как ты с ней обращаешься. Почему не отдадут-то?

– Мне шестнадцать лет. У меня были неприятности во всех школах, где я училась. Я убежала из дому. Жила в наркопритоне и только что оказала сопротивление полиции – расцарапала одному копу всю морду.

– Значит, у тебя были веские причины так поступать.

Вэл прикуривает очередную сигарету, а я думаю, как Адаму повезло, что она у него есть. Она не судит меня и не поучает.

– Расскажи бабуле все, – говорит Адам. – Об отце.

Этого я не могу. Она, конечно, сокровище, но я ее плохо знаю. Это – нет. Мотаю головой.

– Давай я?

Я пожимаю плечами, и он ей все рассказывает. Сигарета у бабули в руках тлеет, обжигает ей пальцы – так она слушает.

– Так Мия...

– Мия – его, – говорю. – То есть *он* ее отец. Но на самом деле она не *его* и никогда не будет. Она моя.

– Лапа, – говорит Вэл, – иди в Совет. Расскажи им правду и не умолкай, пока тебя не услышат. Она твой ребенок. Она должна быть с тобой. Мы тоже пойдем. Мы тебе поможем, правда, Адам?

– Конечно. Конечно поможем.

– Мы их одолеем, – говорит Вэл, окутывая нас никотиновым дымом. – Черт побери, одолеем. Не уступим победу этим подонкам.

Легко сказать. Потому что завтра, когда я иду в приемную и добиваюсь наконец приема у социального работника, вызывают полицию. И меня отвозят в участок и предъявляют обвинение в нападении на полицейского.

Хуже всего, что при этом меня называют настоящим именем. Я-то думала, будто создала вокруг нас с Мией дымовую завесу, а ее развеяли. Когда я убежала с Паддингтон-стрит, полицейские подобрали мою куртку, а там в кармане было удостоверение личности. Какая я все-таки дура, самой не верится. Надо было давно выбросить удостоверение, порвать его. Зачем я за него так цеплялась? Чего ждала? Неужели я подсознательно думала, будто когда-нибудь заживу прежней жизнью?

Так что теперь они знают обо мне все – в полиции и в Комитете по правам ребенка. Сложили все куски мозаики – дом, школа, Джайлс-стрит, Мия, только никто не знает, что ее зовут Мия. Очевидно, Винни с мальчиками ничего им не сказали. Поэтому ее по-прежнему называют Луиза, а я думаю: «Хоть это у меня осталось. Ее настоящее имя. Кто она на самом деле».

И пока меня допрашивают, и пока заставляют сидеть без дела и ждать, я все время думаю о ней: вспоминаю ее лицо, ощущение ее тяжести на руках, ее запах, ее улыбку. Думать о ней – для меня пытка, но только так я смогу все это пережить.

Они заполучили меня и отпускать не собираются. Перебирают варианты: приемная семья, исправительное заведение... или возвращение домой.

– Мы сообщили вашим родителям, что нашли вас. Они скоро будут здесь.

У меня такое ощущение, будто я лечу в черную бездну.

– Нет. Не надо. Я не хочу их видеть.

Женщина хмурится. Ей за пятьдесят – и такой вид, будто ей от рождения за пятьдесят.

– Это ваши родители. Вам шестнадцать лет.

– Я убежала из дому. Неужели вы не понимаете? Я от них

убежала!

– Вы убежали, так как забеременели.

– Да нет, не в этом дело... Нет, дело именно в этом, но не в том, что вы думаете...

– В чем же? Расскажите.

И я – не могу. В этой голой комнате. Этой чужой тетке. Не могу я рассказать ей про папу – и что он со мной сделал. Это было преступление, я знаю, и именно здесь и положено подавать заявления о преступлениях, именно этим людям и надо обо всем рассказывать, но я – не могу. Это слишком интимное.

– Сара, расскажи.

Вэл сидит рядом. Вся подалась вперед на стуле.

Не помогает. Молчу как рыба. Инспекторша продолжает задавать вопросы, а я молчу и все время думаю, что мама с папой едут где-то в черном «мерседесе», подъезжают все ближе и ближе. Вот почему на голову мне давит все сильнее и сильнее. Вот почему в конце концов я начинаю говорить.

– Да, я сделала много плохого, – говорю я. – Да, мне нельзя было набрасываться на полицейского. Я сдаюсь. Я это сделала и теперь жалею. Я извинюсь перед ним лично, если хотите. Напишу объяснительную. Что угодно. У меня только что забрали ребенка. Я была очень расстроена.

Меня внимательно слушают.

– Мне надо увидеть своего ребенка. Мне надо быть с ней. Если она у приемной матери, может быть, меня тоже туда отправить? Наблюдайте за мной круглые сутки, я согласна. Зато вы увидите, как я с ней обращаюсь. Дайте мне доказать, что я хорошая мать. Я и была ей хорошей матерью. Вы мне не верите, но была!

Слышу мольбу в собственном голосе. Ненавижу себя за это – нельзя так к ним подлизываться, – но готова на все, лишь бы вернуть Мию. На все.

– У Луизы сейчас все хорошо, ее безопасность для нас важнее всего, – говорит инспекторша. – Вы вели крайне... нестабильную жизнь. Ребенку нужна стабильность, рутина. Пожалуй, лучше всего, если мы, наша организация, поместим ребенка в вашу семью, это

самое правильное решение.

– В мою семью?!

– Луиза будет жить с вашими матерью и отцом. Со своими бабушкой и дедушкой. Это отличный вариант, и мы обсудим его с ними, как только они приедут.

– С моими родителями... Вы с ума сошли!

– Зачастую это оптимальный выход из положения. Пока наши подопечные – молодые матери-одиночки вроде вас – становятся на ноги, им помогают бабушки и дедушки.

– Да вы ни хрена не поняли!

– Да, вероятно, у вас с ними сложные отношения, но они...

Вскакиваю на ноги, стул с грохотом падает на пол.

– А у меня вы спросили? Я что, вообще ничего не решаю?

– Сара, сядьте. Прошу вас. – Я стою. – Естественно, мы выслушаем ваше мнение, однако окончательное решение будет принимать Совет по правам ребенка вместе с Городским комитетом по правам ребенка. Прежде всего мы должны подумать о Луизе.

– Я не могу здесь оставаться. Не хочу их видеть. Если вы собираетесь меня арестовать, давайте. Я лучше в камере пересажу, чем здесь.

– Мы не хотим сажать вас в тюрьму. Вы были задержаны за нападение на констебля Мак-Доннелла, и теперь мы ищем для вас подходящее место жительства, исходя из предположения, что домой вы не хотите.

– Не хочу. Лучше сразу удавиться. – Тут инспекторша смотрит на меня, и я понимаю: чего-чего, а такого при социальных работниках говорить нельзя. – Нет, я не серьезно, – тараторю я. – Я не собираюсь кончать с собой.

– Пусть поживет у меня. Я за ней присмотрю.

– Миссис Доусон, я не уверена...

– Она никуда не денется, не убежит – без ребенка. Ей нужно жить в тепле и чистоте, нужно хорошее домашнее питание. Я умею ладить с подростками. Достаточно их вырастила.

– Дело не в этом. Отец ребенка...

– А что отец ребенка?

– Ваш правнук, Адам Доусон. Папа Луизы.

Видно, что Вэл с трудом подавляет взрыв хохота. Лицо у нее перекашивается, она выдавливая:

– Адам? Да что вы го...

Но тут она смотрит на меня. Я делаю круглые глаза и отчаянно киваю.

Она поднимает бровь и говорит:

– Ах, да-да. Адам... и Сара.

– У Адама были неприятности. – Инспекторша смотрит на экран своего компьютера и начинает проматывать какой-то документ. – Серьезные.

– Да, были. А у какого шестнадцатилетнего парнишки не было неприятностей? Он хороший мальчик. Хорошо обращается с малышкой. За него не беспокойтесь.

Видимо, найти дом для трудных подростков вроде меня – та еще задачка, так что через два часа я все-таки получаю разрешение пожить у Вэл. Мне приходится подписать кипу бумаг, ей тоже.

По пути из участка мы проходим мимо приемной. Дверь приоткрыта, и я успеваю увидеть, что за столом напротив инспекторши сидят двое. Мне кажется, мама как-то съежилась и постарела, хотя я ушла из дому всего три месяца назад. А папа остался как был. При виде него меня едва не рвет. Приходится проглотить, чтобы загнать поглубже омерзительный ком в горле. Он поднимает голову – и наши глаза встречаются на секунду. Там нет ничего – ни искры узнавания, ни теплоты, ни ненависти. Ничего. Что он видит, когда смотрит на меня? Не знаю, да и не важно. Но при мысли о том, что он возьмет Мию на руки, меня прямо наизнанку выворачивает.

– Увезите меня отсюда, – прошу я Вэл и вцепляюсь ей в локоть.

– Это они? – спрашивает она.

– Да.

– Да я бы его живьем зажарила за то, что он с тобой сделал. Надо всем рассказать. Пусть все знают.

– Не могу я, Вэл. Не могу. Пойдем. Пожалуйста. Ну пожалуйста!

На улице мне приходится остановиться – меня все-таки рвет.

– Это неправильно, – твердит Вэл. – Так нельзя. Это нечестно.

Я ничего не могу сказать, даже когда меня как следует прочистило. Цепляюсь за руку Вэл, и мы идем на остановку. Вэл вся прямо кипит, и мне это нравится: приятно, что хоть кто-то на моей стороне. Приятно, что этот кто-то – Вэл.

Когда мы сидим рядышком в автобусе, у нее хватает такта ничего не говорить об Адаме, но я не умею так здорово держать себя в руках. Она удивительная. Так хорошо все понимает.

– Вэл, – говорю, – спасибо.

– За что?

– Вы взяли меня к себе. Защищали. Вы ничего не говорите про Адама – и не надо, я сама все объясню. Там, в притоне, где я жила, нашли его портрет. Вот я и ляпнула первое, что в голову пришло.

Вэл хмыкает:

– Да ладно. Из Адама получится отличный папаша. Да и муж кому-нибудь будет высший класс. Доусоны – они такие, с ними не промахнешься. Бешеные, конечно, вроде моего Сирила и Терри, но сердце у них на месте. – Она глядит прямо перед собой, пальцы теребят застежку на сумочке. Ей бы сейчас сигаретку, сразу бы полегчало.

– Вэл...

– А?

– Он знает, да? Адам знает ваше число, и мое, и Мии.

Она вздыхает.

– Да, – говорит. – Знает, бедолага.

– Может, и нам лучше было бы знать.

Тут она смотрит на меня:

– Нет, Сара. Что в этом хорошего? Лучше прожить жизнь так,

как хочешь, встречать каждый день, когда он приходит.

Конечно, так и есть, – но пока автобус тащится по улицам, я только и думаю, что про числа. 112027. Адам. Вэл. Я. Мия. Доживет ли хоть кто-нибудь из нас до второго января?

Адам

– Нельсон, ты молодчага, ты супер! Такое провернул!

– Да и ты провернул – тебя же везде показывали. Сорок миллионов просмотров на Ютубе!

Сорок миллионов? Колоссально.

– Чел, да мы молодцы! Такое дело делаем!

– Ладно, пока, Адам. Я просто так звонил, узнать, как ты. Попрощаться...

– Ты где? Ты уехал?

– Не могу сказать. И долго говорить не могу, телефон, наверно, прослушивают.

– Так ты уехал из Лондона или нет?

– Пока нет.

– Нельсон!.. Уезжай. Прямо сейчас!

– Уеду, уеду. И ты тоже давай.

– Да, и мы тоже. Дела доделаем – и все. Собираемся. Нельсон!

– Чего?

– Спасибо, чел.

– Да ничего. Мы правильно все сделали. Мы...

Связь прерывается. Тут же перезваниваю – ничего, ни гудков, ни голосовой почты.

– Это тот твой приятель? – спрашивает бабуля.

– Да, только нас разъединили.

– Ну бывает.

– Ага. Наверно. Он сказал, его прослушивают. Его телефон. Как ты думаешь, его могли засечь?

– Брось, Адам, это просто связь паршивая. Не делай из мухи слона.

– Не хочу, чтобы с ним что-то случилось. Он же все ради меня...

– Не переживай за него, это сейчас лишнее. У нас и дома проблем выше крыши, есть из-за чего попереживать.

Бабуля кивает в сторону Сары. Та сидит на диване, будто зомби, глядит в телик, но ничего не видит. Как села, когда они с бабулей вернулись из полиции, так и сидит. Бабуля пыталась ее расшевелить, я тоже, но ей так плохо, что она и говорить толком не может.

– Сара, мы ее вернем. Обязательно. Если тебе не разрешат ее забрать, то, по крайней мере, ты имеешь право ее навещать, и тогда мы ее... утащим.

Бабуля машет на меня руками. Сара поднимает глаза.

– Они мне даже посмотреть на нее не позволяют, – говорит она с презрением в голосе, как будто я совсем тупой. – Еще лет сто. А может, вообще никогда. И я не знаю, где она. Наверняка не знаю.

– Придумаем что-нибудь...

Она награждает меня взглядом, в котором так и читается: «Заткнись» – яснее ясного, как будто она заорала мне прямо в лицо. Я и затыкаюсь. Сажусь на стул и притворяюсь, будто смотрю телик. Включен новостной канал, показывают разные сюжеты с разных вокзалов и станций по всему Лондону. По непроверенным данным, кого-то задавили в подземке. По городу распространяется паника.

– Я такого не хотел. Люди гибнут, когда пытаются уехать. Я не хотел!..

На экране – тротуар у станции «Кингс-Кросс». Кого-то несут на носилках, лицо закрыто.

– Господи! Так нельзя! Так нельзя!

– Адам, ты не виноват, – говорит бабуля. – Не вини себя.

Я вскакиваю на ноги:

– Как это «я не виноват»? Это я всех завел! Это из-за меня пол-Лондона хочет уехать!

– У них должна быть своя голова на плечах!

Два шага – и я уже возле бабули.

– Баб, замолчи, а? Замолчи! А вдруг все правду говорят и у меня

просто в голове шариков не хватает? Вдруг я просто чокнутый, неполноценный? Первого ничего не будет. Только теперь люди гибнут, потому что пытаются сбежать от катастрофы, которой не будет!

– Успокойся, малыш, успокойся.

Чтобы она ни говорила, становится только хуже. Я думал, она все понимает, – так нет. Понимала бы – не советовала бы успокоиться.

– Не надо мне этого говорить! Это у меня в голове, баб. Во мне. Вся эта фигня. Я-то думал, я делаю доброе дело, а все обернулось хуже. Я так не хочу! Не хочу, чтобы все гибли! Почему они гибнут? Почему они гибнут, а, баб?

Она пятится от меня, но я уже не могу сдержать крик. Слишком много во мне накопилось ярости. Как будто пробку из бутылки вышибло.

– Баб, я их убиваю! Я! Я такого не хотел. Я...

– Адам, смотри. Смотри. – Это Сара. От ее голоса я сразу прихожу в себя. – Смотри, кого показывают.

На экране уже не «Кингс-Кросс», а премьер-министр.

– Боже, только не этот мордоворот, – стонет бабуля.

– Тс-с...

– От него и в первый срок не было никакого проку. Понятия не имею, зачем было избирать его на второй, – павлин и больше ничего!

– Баб, тише. Я хочу послушать.

Сажусь на подлокотник возле Сары.

– Британцы, я всегда обращаюсь к вам в канун Нового года, чтобы вспомнить минувшие двенадцать месяцев и встретить год грядущий. Я обращаюсь к вам и сегодня, раньше обычного, чтобы призвать вас к спокойствию. – Лицо у него красное, лысая голова блестит под юпитерами. – Я знаю, до вас дошли слухи, будто в Лондоне произойдет какой-то катаклизм. Я хочу заверить вас, что ничего не будет.

– На руки, на руки ему погляди! Так и пляшут. Врет!

– Баб, да помолчи ты!

– Это опаснейшие слухи, которые распространяют люди, мечтающие посеять панику по всей стране. Они не достигнут своей цели, и я могу заверить вас, что мы найдем виновных, и они испытают на себе всю мощь британского правосудия. У нас самые современные системы слежения в мире, самая умелая и опытная разведка. Для вашего спокойствия я объявил в стране чрезвычайное положение, а это означает, что все правительственные служащие в данный момент брошены на обеспечение вашей безопасности. Я настаиваю, чтобы все вы спокойно занимались повседневными делами. Лондону ничего не угрожает. Вам не нужно покидать столицу. Я сам буду сегодня здесь – на работе, на Даунинг-стрит, как обычно, – и завтра также. Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это сохранять спокойствие и вести себя благоразумно.

Канал снова переключается на новости. Бабуля тянется за пультом и отключает звук.

– Ему-то что, наверняка у него на Даунинг-стрит есть надежный бункер, – говорит она.

– Думаешь, его послушают?

– Понятия не имею. Кто-то же за него голосовал. Они, наверное, послушают.

У меня на сердце кошки скребут. В голове теснится миллион мыслей.

– Уже и не знаю, чего я хочу: чтобы все уехали или чтобы остались.

– Мы хотим, чтобы все уехали, правда? Вы же сами видели. Вы с Сарой. Вы видели, что будет. Вы не сумасшедшие. У вас дар. Вам дали шанс изменить людские судьбы. И вообще, милый, ты тут уже ничего не сделаешь. – Она фыркает. – Ты выпустил джинна из бутылки. Теперь тебе его не удержать.

Сара немного выпрямляется.

– Они найдут виновных, – цитирует она премьер-министра. – Виновные – это мы, так ведь?

– Мы и Нельсон.

– Что они сделают? Что они сделают с нами?

Вопрос повисает в воздухе – и тут кто-то колотит в дверь. Сара ахает. Бабуля ругается, я закрываю глаза. Что еще? Что теперь? Вот бы все разом кончилось...

– Откройте! Полиция!

– Вот зараза, придется открыть. Адам! – говорит бабуля. – Впусти их, пока они дверь не выломали.

Поднимаюсь на ноги, вешаю цепочку и приоткрываю дверь так, чтобы было видно, кто там. В нашем садике стоит с полдюжины полицейских в форме.

– Адам Марш? – спрашивает тот, что спереди.

– Я, – говорю.

– Откройте, пожалуйста.

– А что?

– Откройте, сэр.

Прикрываю дверь, снимаю цепочку. Я уже готов открыть дверь как полагается, но тут ее с силой толкают мне в лицо, и чья-то рука хватает меня за запястье и защелкивает наручник.

– Какого дьявола?!

– Адам Марш, у меня имеется ордер на ваш арест по обвинению в убийстве Джуниора Дрисколла шестого декабря две тысячи двадцать шестого года.

Сара

Его берут и уводят – и все. Вэл едет с ним, а я остаюсь одна. Мне и так было худо без Мии, даже когда все были дома, но одной в десять раз хуже. Некоторое время я тупо сижу, потом бреду в кухню – может, надо там что-то прибрать, но там все чисто и аккуратно. Вытряхиваю в мусор пепельницу Вэл, мою, вытираю бумажным полотенцем.

Телевизор в гостиной показывает то же самое. В Лондоне паника и массовое помешательство, все покидают дома, критикуют правительство, полицейских не отпускают с дежурств, армия в боевой готовности. Про Адама уже почти забыли, масштаб другой, хотя в новостях мелькает ролик, где его арестовывают и конвоируют через садик Вэл под безмолвными взглядами армии садовых гномов.

Оставляю телик включенным и иду наверх, захожу в комнату Адама. Чувствую себя полным ничтожеством. Не знаю, где Мия. Не знаю, что происходит с ней и с Адамом. Шагаю из угла в угол, отталкиваюсь от стен, потом начинаю бить в них кулаками и кричать.

Не знаю, долго ли длится припадок. Я потеряла голову, совсем потеряла. Утратить контроль над собой очень страшно, а теперь мне уже не остановиться. В какой-то момент я хватаю стул у двери и швыряю его. Стул ударяется в стену, спинка отламывается. Я мечусь, машу кулаками, визжу, пока адреналин не кончается, и тут я понимаю, как это жалко – какая я жалкая.

Падаю на пол у кровати, прислоняюсь к тумбочке. Она больно впивается в спину, но у меня нет сил пересесть. В горле саднит от визга. И какой в этом смысл, спрашивается? Чего я добилась? Все это не приблизило меня к Мии ни на сантиметр. Она неизвестно где – без меня. Скучает ли она по мне? Заметила ли, что меня рядом нет?

Оглядываюсь кругом: надо хоть как-то отвлечься от себя самой, так мне тошно в собственной шкуре. Комната набита всяким мальчишечьим барахлом – постеры, горы старой одежды, разбросанные кроссовки. На полу под кроватью что-то валяется – книжка, наверное. Порнуха, наверное, – что еще держат мальчишки под кроватью? Подтаскиваю книжку по ковру к себе – и по спине у меня пробегает холодок. Это не книга и не журнал, это записная

книжка. Та самая записная книжка, которую я видела у Адама в руках в первый день в школе.

Беру ее и кладу на ладонь, другой рукой стряхиваю пыль и мусор с обложки.

Да, это его записная книжка, а не моя.

Да, она не предназначена для посторонних глаз.

Да, мне нельзя туда заглядывать.

Открываю.

Ну и почерк у него. Буквы жмутся друг к дружке, строчки задираются вправо. Страницы в линейку, но Адам расчертил их еще и вертикальными линиями, сделал таблицы и внес туда имена, числа, описания и еще какие-то числа. Кучу страниц исчирикал.

Прочитываю одну из них.

«Джуниор, 4/09/2026, в школе, насильственная, нож, запах крови, тошнота, 6/12/2026».

Джуниор. За него Адама и арестовали. Адам записал дату его смерти в эту книжку четвертого сентября, за три месяца до того, как Джуниор погиб.

Это настоящая бомба. Я не знаю, убивал его Адам или нет, честно не знаю, но за это его точно посадят.

Переворачиваю страницу – и ахаю, прочитав имя в левой колонке.

«Сара».

Адам

Не могу я так. Осталось всего два дня, а я сижу в камере. В глубине души я понимаю – плохо дело, убийство Джуниора железно повесят на меня. Как же иначе? Я записал дату его смерти – в наладонник, в папин комп, в записную книжку. Она там. Я не могу это отрицать – а как убедить хоть кого-нибудь, что, хотя я знал заранее, когда Джуниор умрет, я этого не планировал? Кто мне поверит?

Я знал, что до меня доберутся, но не ожидал, что уже сейчас. Думал, успею побыть с бабулей, с Сарой, найти Мию, увезти их в безопасное место. Такое чувство, будто я их бросил. Оставил одних.

Полицейские говорят, мое дело отправят в суд завтра и скорее всего власти постановят держать меня под арестом до слушания. Сколько придется ждать, один Бог знает.

А еще люди в костюмах тут как тут. Не успели меня замести, как в комнату для допросов явились те двое – жирный и рыжий.

– То, что ты вытворял на Гроувенор-сквер, – говорит Толстобрюх, – не самая умная затея. Видишь, какую панику устроили вы с «друзьями». Мы знаем, кто это – Сара Халлиган, Вэл Доусон, Нельсон Пикар. Мы знаем, где сейчас Сара и твоя бабушка, – в животе у меня холодеет, я начинаю психовать, – а Нельсон? Где он, Адам? Где Нельсон?

Мотаю головой.

– Не знаешь или не хочешь говорить? Ты влип по самые уши. Возможно, мы могли бы... помочь тебе.

Искра надежды. Вдруг это дорожка домой?

– Выпустить меня отсюда?

Теперь он мотает головой:

– Адам, тебя обвиняют в убийстве. Это обвинение не можем снять даже мы. Однако мы могли бы несколько облегчить положение – например, перевести тебя в больницу. Ты слышишь голоса, видишь числа, это у тебя семейное... Мама, то-се... Обеспечим тебе лечение.

Отвожу глаза.

– Скажи нам, где Нельсон, и все.

Блевать тянет от этих их слов, и за Нельсона страшно – во что я его втравил? Гляжу Толстобрюху прямо в глаза.

– Не скажу, – говорю. – Нельсон – настоящий герой. Он стоит десятерых таких, как вы. Он достучался до всех. Расшевелил народ. А вы все знали и ничего не делали. Ничего я не скажу, хоть ногти мне рвите.

Тут он ржет:

– Ну в нашей стране это не принято. – Пауза. – А жаль.

Переглядываются и улыбаются. Шуточки у них, однако. Вот бы стереть с их рож эти улыбочки. Шли бы они отсюда, а?

– Не понимаю, зачем вы тратите на меня время, – говорю я и гляжу им в глаза – сначала одному, потом другому. – Вам давно пора ноги уносить. Время поджидает.

Тот, кто постарше, хмурится:

– Это угроза?

– Да какая угроза, блин, я говорю, что вижу!

Он отодвигает стул и топает к двери.

– Забирайте его, – говорит он полицейскому, который дежурит снаружи. – Забирайте.

Сара

Вэл возвращается сразу после полуночи. Еле на ногах стоит, под глазами набрякли мешки, губы угрюмо сжаты.

– Выдвинули обвинение. Говорят, увезут в какое-то исправительное заведение для малолетних преступников. Не представляю себе, как я туда доберусь с ним повидаться.

Помогаю ей снять пальто, ставлю чайник. Записная книжка лежит на кухонном столе. Кажется, Вэл ее не видит. Сосредоточилась на сигарете. Газ в зажигалке кончается, и Вэл щелкает и щелкает – все злее и злее.

– Давай, – рычит она, и сигарета у нее болтается в уголке губ. – Гори уже, чтоб тебя. Да загорись ты или нет?!

– Тут другая была... Вот, – хватаю новую зажигалку с микроволновки, зажигаю и подношу к ее сигарете. Вэл стискивает в кулаке старую с такой силой, будто сейчас раздавит. Осторожно забираю у нее зажигалку и кладу на стол рядом с записной книжкой Адама. Тут Вэл ее замечает.

– Это у тебя откуда?

– Нашла. Под его кроватью. Я ничего не искала, нет. Она мне сама на глаза попалась.

– Ты знаешь, что это такое?

Ее карие глаза настороженно смотрят в мои.

– Да.

– Ты читала?..

Врать Вэл я не могу. Она мне прямо в душу смотрит.

– Ну... немножко.

Достаточно. Слишком много. Мое число. Число Мии.

– А вы?

Она мотает головой:

– Нет. И не хочу. То есть... хочу, но не буду.

Прекрасно ее понимаю.

– Сара, – говорит она, – надо ее уничтожить.

– Как?!

– Нам надо ее уничтожить. Он и так попал в беду. Если ее найдут, лучше не станет. На. – Она берет новую зажигалку и протягивает мне. Хочет, чтобы я сожгла книжку.

– Это Адама. Это его вещь.

– Там есть про того парнишку – Джуниора?

«Насильственная, нож, запах крови, тошнота,

6/12/2026...»

– Да. Да, есть.

– Значит, жги. Жги ее, Сара. Я знаю, он этого не делал. Он мне так сказал, и я ему верю. Думаю, они что-то нашли у него в компьютере, но за эту писанину его точно упрячут надолго. А могут и вздернуть. Смертный приговор применяется с шестнадцати лет. Сара, они могут убить его! Моего мальчика! Моего чудного мальчика!..

Забираю у нее зажигалку и осматриваюсь кругом. Мусорное ведро у нас пластмассовое – не годится. На улицу выйти нельзя – там толпятся журналисты. Вот уж чего мне на фиг не надо, так это публики, еще не хватало, чтобы меня засняли за уничтожением улики. Придется, значит, жечь в раковине.

Беру записную книжку одной рукой, подношу снизу зажигалку, чтобы пламя лизало один уголок. Бумага занимается быстро. Держу книжку на весу, пока можно, а когда огонь уже грозит лизнуть пальцы, бросаю горящую книжку в раковину. Мы с Вэл стоим и смотрим, как сворачиваются страницы, корчась в пламени, и в конце концов в раковине не остается ничего, кроме горки черно-серых хлопьев пепла. Тогда я голыми руками сгребаю их и бросаю в ведро.

– Вот и все, – говорит Вэл. – Спасибо, Сара.

Сую руки под кран, оттираю с них приставшие клочья пепла. Жалко, не получится вот так же взять и смыть все, что я вычитала в книжке. А теперь числа у меня в голове – как уже давно были в голове у Адама: смертные приговоры мне – и Мии.

1/1/2027.

Господи.

Боже.

Мой.

Адам

В передней части зала суда за чем-то вроде стола на возвышении сидят три застывшие фигуры в костюмах – двое мужчин и женщина. Женщина сидит посередине с таким видом, будто она тут главная. На ней отглаженный красный пиджак и очки в толстой черной оправе, из-за которых она выглядит злобной до ужаса.

Перед судьями стоит еще несколько столов, а в задней части зала – перегородка, а за ней два ряда стульев. Там сидит какой-то дядька с ноутбуком, а еще бабуля и Сара.

Не ожидал я их тут увидеть. Даже не думал, что они придут.

Не хочу, чтобы они видели меня таким.

Не могу на них смотреть.

Бабуля поднимает руку и собирается мне помахать, но я отворачиваюсь и прохожу мимо.

Мне показывают стул рядом с моей адвокатшей. Она улыбается мне и, когда я сажусь, легонько пожимает локоть.

– Как ты? – спрашивает она.

Не могу ничего ответить. Оцепенел. Как будто все это происходит не со мной.

Краснопиджачная тетка говорит: «Ну что, начнем», и поднимается дядька в мятом костюме и начинает бомбардировать меня вопросами. Имя? Адрес?

Выдавливаю ответы, потом зачитывают обвинения.

Убийство.

Потом еще немного говорят, но я не понимаю про что. «Заключение под стражу... продолжение расследования... предварительные слушания...»

Потом все встают, охранники возвращаются, и мне опять надо куда-то идти. Что дальше? Что происходит?

Адвокатша подается ко мне:

– Я приеду к тебе в Сиднэм. Завтра или послезавтра. Поговорим.

– В Сиднэм? Это где? Это почему?

– Тебя отправляют в исправительное заведение для несовершеннолетних правонарушителей, – говорит она. – До суда. Ты там держись тише воды, ниже травы. Смотри не наделай глупостей. Ну, до завтра.

Когда меня проводят мимо перегородки, бабуля тянется ко мне. Охранник оттирает ее руку в сторону и толкает меня так, что я чуть не падаю.

– Адам... – окликает меня бабуля, но отвечать мне некогда. Меня выводят из зала и потом тащат вниз по лестнице, обратно в камеру. Снимают наручники, дверь захлопывается, слышу, как шаги охранников удаляются по коридору.

– Что происходит? Зачем вы меня сюда привели?

Стучу по решетке. Сказали, куда-то повезут, а вместо этого посадили обратно.

Шаги останавливаются.

– Тише, ты. Мы тебя перевезем, когда фургон будет готов. Сегодня в Лондоне черт ногу сломит. Сиди и молчи, усек?

Ничего себе – сиди! Время же уходит! Прямо чувствую, как тикают в голове секунды – обратный отсчет. На часах в зале суда было полдвенадцатого. До Нового года осталось чуть больше двенадцати часов. Что делают сейчас бабуля с Сарой? И что делать мне – взаперти в этой долбаной камере?!

Сара

Канун Нового года. Утро мы с Вэл проводим в суде магистрата, а весь день висим на телефоне. Я звоню в комитет по правам ребенка – пытаюсь выяснить, где Мия. Вэл звонит в полицию, адвокату Адама, всем на свете. Нам обеим кажется, что это как со стеной говорить. Все твердят, что надо соблюсти соответствующие формальности, а на формальности нужно время.

Мне говорят, я должна пройти собеседование – «скажем, на следующей неделе». Завтра – нерабочий день, так что везде будут сидеть только дежурные на экстренный случай.

– Это и есть экстренный случай!

– Ваша дочь в полной безопасности. О ней заботятся. После выходных мы позвоним вам и вызовем на собеседование. Вероятно, потребуется несколько встреч. Нам необходимо получить полное представление о вас, ваших обстоятельствах, вашем опыте по уходу за ребенком. С учетом всего этого обсуждение дела состоится скорее всего только в начале февраля, а какое-то время спустя будет принято решение о долгосрочной опеке.

– Какое время? Мне нужно увидеть мою дочь прямо сейчас! Завтра! Я не могу ждать.

– К сожалению, такова система.

– Неужели мне нельзя увидеть ее? Просто увидеть. При этом может присутствовать кто угодно, я не буду возражать.

– Право на посещение мы сможем рассмотреть только после первого собеседования.

– Скажите мне хотя бы, где она!

– В безопасном месте.

– Прошу вас!

– Ваша дочь в полной безопасности. Мы свяжемся с вами после Нового года.

И повесили трубку. Вот так вот. Послали к черту. Сиди и молчи. Два дня ничего не делай. Ничего не делай, пока мир кругом не

рухнет. Ничего не делай, пока Лондон не разнесет в клочки. Гляжу в кухонное окно. Снаружи темнеет. В многоэтажках вокруг загорается свет. Каждый огонек означает, что дома кто-то есть, но огоньков мало, меньше, чем обычно. Похоже, кое-кто все-таки уехал.

Вэл пытается поговорить с Адамом или вызволить его из исправительного заведения, но у нее тоже ничего не получается, как и у меня. Пока она говорит, я стою на пороге кухни, прислонясь к косяку. Мне сразу понятно, что ничего у нее не выходит, но когда она вешает трубку, то раздражается таким потоком ругательств, что даже я загордилась бы.

– Сара, мне не разрешают даже увидеться с ним – в ближайшие две недели! Он же маленький еще! Он там с ума сойдет! Я его знаю! Он будет волноваться за тебя, за Мию, за меня. Сорвется – и пиши пропало. Он на все способен!

– Как же нам теперь быть?

– Не знаю, лапа моя. Не знаю.

Разогреваем поесть, хотя обе ничего не можем толком проглотить. Сидим, глядим в телевизор – там показывают то последние новости, то всякие воспоминания про прошедший год, то «развлекательные» программы, записанные давным-давно в студиях с большими циферблатами на заднем плане.

– Конечно, лапа моя, это Новый год. В прошлый раз я встречала его совсем одна...

– А я – дома. С мамой и папой.

Тут во всех шкафах наметились здоровенные скелеты, которые мы решили не трогать.

– Ну что, выпьешь чего-нибудь? Я – да.

– Вообще-то я не пью.

– Тогда налью тебе самую капельку.

Вэл семенит в кухню и возвращается с двумя бокалами из тонкого стекла с темной густой жидкостью – и с бутылкой под мышкой.

– Капелька шерри, – говорит Вэл и вручает мне бокал.

– Ладно. Спасибо.

Нюхаю жидкость. В горле першит от одного запаха. Держу бокал в ладони – не собираюсь я пить эту дрянь. А Вэл тут же присасывается.

– Наверное, нам надо подготовиться, – говорю. – К завтра.

– А что, мы знаем, что будет? Землетрясение? Бомба? Наверное, стоит спуститься в подземку – так делали во время войны.

– Может, действительно? Пойти и там заночевать?

– Да как-то не тянет. У меня там и в мирное время сразу начинается боязнь закрытого пространства. Вдруг так и не выберусь? Пожалуй, попытаю счастья здесь. Спрячусь под кухонным столом, например. А ты что собираешься делать?

«Пожалуй, попытаю счастья здесь».

Я видела ее число в книжке Адама. И свое тоже видела. Мы уцелеем, и я, и Вэл. Не важно, где мы будем, когда рванет: *мы – выживем.*

А Мия – нет. Мии осталось жить несколько часов. Моей дочке. Моей маленькой.

– Собираюсь найти Мию.

Вэл наливает себе еще бокал шерри, глядит на мой – нетронутый – и ставит бутылку.

– Я об этом думала, – говорит. – Сдается мне, ты знаешь, где она.

– Что?

– Твой страшный сон, твое видение. Ты видела его много раз. Наверняка там есть намеки на то, где это будет. Рассказывай.

– Кругом огонь, пламя, стены рушатся. Мы в ловушке. Там Адам. Он берет ее у меня. И уносит в огонь.

– Это ты мне рассказываешь, что будет, – а где? Думай, Сара, думай. Нащупывай.

Она сверлит меня взглядом, силой воли заставляет меня все вспомнить. Смотрю ей в глаза – и погружаюсь все глубже в себя.

– Думай, Сара, думай. Закрой глаза. Что ты видишь?

Адам

Отсюда не выбраться. Из окна не выброситься. За дверь не выломаться. Единственный шанс – когда меня будут перевозить.

Когда меня везли сюда, руки у меня были в наручниках спереди и я сидел в фургоне, где было еще несколько человек. Не так-то просто вырубить охранника и убежать, когда у тебя руки скованы. Может, остальные тоже решат сбежать вместе со мной? Самый удачный момент – до того, как меня запрут в фургоне, когда меня только будут выводить. Шагаю по камере, думаю про локти, колени и ноги – много ли урона ими можно нанести. Надо, чтобы все получилось. Если я окажусь в Сиднэме, мне кранты. Встречу Новый год под замком. Нет, этого допустить нельзя – чтобы я торчал в камере, как баран на бойне. Чтобы не видел, не слышал, не знал, что происходит. Может, меня вообще завалит, когда здание рухнет. Отличное, блин, место последнего упокоения – тюряга. Нет, этого не будет. Я не допущу.

При аресте у меня забрали часы и ремень, и я не знаю, сколько прошло времени, когда за мной приходят. Наверное, часов десять – двенадцать: мне успели два раза принести поесть, хотя едой это не назовешь, а квадратик окна давно потемнел.

Только вот все не так, как я думал. Меня приковывают наружниками к охраннику. Жирнющий, как сволочь, лет на десять старше меня, на губе мерзкие усики. Сзади и спереди – еще по охраннику, и вот так мы выходим во двор и оказываемся в фургоне, а я даже моргнуть не успеваю. Машина заводится, и мы уезжаем.

Блин, блин, блин! Все проворонил! Что мне теперь делать?

– Который час, чел? – спрашиваю у охранника.

– Без четверти двенадцать.

– Черт!

– А что? Не успел на праздник? Ну так я тоже. Новый год на дворе, а у нас чрезвычайное положение и домой не пускают.

– А почему чрезвычайное положение?

– Ты чего, с луны свалился? Весь Лондон с катушек слетел. Все

дороги забиты, народ рвет когти, а кто остался, психует, как перед миллениумом. На Трафальгар-сквер развернули полевой госпиталь, свозят туда всех, кто надрался в зюю. Блин, целый город одних долбанутых!

– А я бы, знаешь, делал ноги вместе со всеми... Seriously, чел, надо валить отсюда.

Он косится на меня, как на ненормального, и тут я вижу его число. Первое января. Я прикован наручниками к человеку, которому осталось жить меньше суток. А больше ничего его число не говорит – чернота, пустота и все. Странно.

– Вот только не надо этого, – говорит он.

– Да я серьезно. Мне к родным надо.

Он мотает головой:

– Ну, друган, сегодня не получится. Едешь в Сиднэм, и точка. Мы уже переехали мост, осталось минут пятнадцать. Из этих фургонов не выбраться.

– И остановок не будет?

– Не-а. Никаких перекуров. Никаких тебе прогулочек.

– А если я тебе врежу?

Он фыркает:

– Во-первых, я тебе так дам – своих не узнаешь. Специально тренировался, работа такая. Во-вторых, вон там, в потолке, камера. Ребята в кабине видят все, что тут делается. Начнешь дурить – включают сирены, дадут газу, и мы приедем в ближайший участок, а там из тебя котлету сделают.

Ага, а для этого надо будет открыть дверь, так ведь?

– Честно, братан, дело того не стоит. Тебе же хуже, и...

Я сжимаю кулак крепко-накрепко, пригибаюсь и со всей силы бью его в висок.

Он уворачивается, хватается за ремень, в руках у него дубинка.

– Во, блин, придурок! – орет он. Заносит дубинку, но я вскакиваю на ноги и даю ему каблуком по яйцам. Он сгибается пополам, я выхватываю у него дубинку и бью по затылку. Раздается

противный хруст. 112027. Уже есть двенадцать? Неужели это я его убью?

Бросаю дубинку, прижимаю руку к его шее, ищу пульс. Он жив.

Тут орет сирена – оглушительный вой наполняет весь фургон, нас обоих швыряет в конец – машина резко ускоряется. Надо выдраться из наручников. Охранник сидит, свесив голову между колен. Обшариваю его карманы. Ключа нигде нет.

Дубинка перекачивается по полу. Тянусь к ней, тащу за собой руку охранника, скребу по рукоятке пальцами, в конце концов хватаю ее. Потом встаю на колени и кладу его руку на край скамейки. Натягиваю цепь от наручников изо всех сил. Бью по ней дубинкой. Звенья гнутся, но не ломаются.

– Черт! Черт!

Фургон так и швыряет вперед. Я валюсь на спину, затылком об пол. Потом нас дергает в другую сторону. Мы же сейчас перевернемся!

– Остановите! – ору я, хотя понимаю, что на меня не обратят внимания, даже если я сумею перекрыть сирену. – Остановите, пожалуйста, остановите!

Пробираюсь к кабине, волоку Жирдя за собой, молочу в стенку дубинкой:

– Тут вашему доктор нужен! Везите его в больницу!

Меня швыряет на скамейку – фургон снова кренится, но на этот раз не выравнивается. Сирена воет, мы переворачиваемся, пол с потолком меняются местами, опять переворачиваемся. Мой попутчик валится сверху, вышибает из меня воздух, еще один переворот – и он подо мной. Фургон трясет, бросает, раздается жуткий грохот, и пол – а может, стена, а может, потолок – бьет меня в челюсть, и я вырубаясь.

Сара

Закрываю глаза. Из телика гремит обратный отсчет – «Шесть, пять, четыре»... Ничего не вижу. Мне туда не попасть. «Три, два, один»... По гостиной разносится звон Биг-Бена. «С Новым годом!» За окном грохочут петарды, как будто Килбурн превратился в поле боя.

– Думай, Сара.

Пламя и спереди, и сзади. Не могу найти Мию. Не могу ее найти. Здание скрипит, что-то рушится. Боже мой, крыша провалилась. Жарко. Невыносимо. На перилах краска пузырится. Перила. *Перила*. Заканчивающиеся плавными изгибами, которые стали еще плавнее, отполированные стремительными руками, потому что дети, сбегая вниз, всегда перепрыгивали последние три ступеньки. Дети. Мы с братьями.

Открываю глаза.

– Это мой дом. Она у моих родителей. Ее им отдали.

Вэл по-прежнему смотрит на меня, и ее глаза – океаны силы и сострадания.

– Вот туда мы и отправимся. Заберем ее и вернем сюда. Пойдем, Сара, к чему откладывать?

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Вот только возьму сумку из кухни, да и пойдем.

Тут телик с хлопком выключается, и дом погружается в темноту.

– Да что ж это такое, как некстати!

Фейерверки продолжают еще несколько минут – по-моему, они только ярче стали, – потом понемногу гаснут. Темно, но в этой темноте есть что-то жуткое. Гляжу за спину Вэл в кухонное окно.

– Господи!

– Что с тобой?

– Со мной ничего. Небо. Посмотрите на небо.

Свет не горит – и не мешает смотреть. небоскребы торчат, будто

черные пальцы, на фоне неба – и это небо совершенно безумное. В воздухе пульсируют ленты желтого и зеленого сияния. Они переливаются перед глазами, вспыхивают, гаснут, исчезают и возвращаются.

– Ни фиги ж себе...

– Вэл, это просто фантастика! Что это?

– Не знаю, лапа моя. В жизни такого не видела. А ты заметила еще кое-что?

– Что?

– Чертова псина перестала тявкать.

Точно. Весь день мы слушали за стеной постоянное «тяв-тяв-тяв», а теперь там тихо. И вообще тихо.

– Пустячок, а приятно, – замечает Вэл.

Мы снова погружаемся в тишину – и тут начинается скулеж и вой.

– Эх, лапа моя, поторопилась я. Господи, это не пес, а сущее наказание. Зачем только Норма завела этого паршивого мопса?!

И тут раздается такой оглушительный грохот, какого я в жизни не слышала, и пол подо мной встает на дыбы и швыряет меня в воздух, и я не понимаю, где верх, где низ, в ушах грохочет, трещит, валится, что-то твердое бьет меня по голове, красная вспышка перед глазами – и пустота.

Адам

Подо мной мокро и холодно. Я вздрагиваю и сажусь. Небо над головой сверкает и взрывается – петарды разлетаются, словно шрапнель, меня осыпает звездами. Перед глазами переливаются разноцветные пятна, такое чувство, будто я попал в окружение. Да и грохот стоит как на поле боя. «В день Порохового заговора положено пускать фейерверки, – думаю я. Потом снова поднимаю голову. – Сегодня не пятое ноября. Сегодня новогодняя ночь. Уже после полуночи. Первое января!»

Упираюсь руками в землю, чтобы встать. К запястью съезжает металлический браслет. Какой браслет?! В жизни не носил цапек. Под ладонями скользко – оказывается, там ил. Я на берегу реки, метрах в двух от воды.

Осматриваюсь. В небе взрывается очередная петарда, и в свете вспышки я вижу лежащий на боку фургон. Кабина вдребезги, дверца распахнута.

Поднимаюсь на ноги, морщусь – все болит. Делаю несколько шагов к фургону. Сирена молчит. Рядом на земле какая-то груда. Трогаю. Человек. Труп. Мой охранник. Вторая половина наручников по-прежнему на нем, цепочка порвалась от удара.

– Прости, друган, – говорю я.

Ничего лучше в голову не приходит.

Топаю к кабине. Земля мокрая. Поскальзываюсь, теряю равновесие. В кабине еще два трупа. Подушки безопасности сработали, не подвели, да толку от них...

Отворачиваюсь.

Куда меня занесло-то?

Шарю перед собой руками, натыкаюсь на что-то шершавое, холодное, склизкое – парашют. Иду вдоль него, наступаю на всякую дрянь и незнамо что. Добираюсь до каких-то ступенек, плюхаюсь на них, пытаюсь отдышаться и собраться с мыслями.

Фейерверки уже погасли, только вдали еще виднеются одиночные петарды, но на воде пляшут отблески – желтые и зеленые.

Бред какой-то. Поднимаю голову: в небе вспыхивают и гаснут непонятные цветные ленты.

– Это еще что за фигня? – бормочу я, и тут раздается оглушительный грохот, я в жизни такого не слышал, и земля поддает мне снизу и швыряет в воздух. Падаю в воду по щиколотку. В небе по-прежнему переливаются разные цвета, а больше ничего не светится.

Больше ничего нет.

Город погружен во тьму.

И тихо. Ни гудков, ни сирен, только из-за реки доносятся крики и визг.

Вода потихоньку отступает, уносит с собой ил. Как будто меня засасывает в землю, как будто я вот-вот исчезну – дно Темзы поглотит меня. Это как у моря, как в Уэстоне, когда стоишь на берегу моря и волны накатывают, и отступают, и вымывают песок из-под ног и ты от этого шатаешься.

Вода ушла, ее нет. Осталась только мокрая грязь – и никакой реки. Иду назад, вроде бы там был парапет. Если мы переехали реку, значит, мне надо обратно на ту сторону, чтобы добраться до бабулиного дома. А, стоп, воды-то нет. Значит, можно перейти реку вброд. И мост не искать. Поворачиваюсь и иду в другую сторону, но не успеваю пройти и нескольких шагов, как еле слышный голос в голове снова напоминает мне про Уэстон.

...Волны накатывают и отступают...

Вода никуда не исчезла. В Темзе нет сливной дыры с затычкой. Это река – приливная река. Она отхлынула, но вернется.

И тут в моей голове возникают все те «двадцать седьмые», которые должны утонуть, они беспомощно идут на дно, и легкие у них заливают водой.

Снова поворачиваюсь и пытаюсь бежать, но ил под ногами такой вязкий, что получается как в замедленной съемке. Слева доносится какой-то гул – то ли рокот, то ли рев.

Давай, давай!

Я изо всех сил пробираюсь вперед – поднимаю одну ногу, потом другую. Надо найти ступеньки, выбраться отсюда, а потом залезть

куда-нибудь, повыше, подальше от воды.

Я опоздал. Гляжу через плечо. Пока еще не видно, зато слышно. Вверх по реке мчатся тонны воды – чудище, готовое броситься на меня. Останавливаюсь, набираю полную грудь воздуха, но чудище накидывается, когда я еще не готов. Оно ударяет меня на вдохе и сшибает с ног. Только и могу, что закрыть рот, зажмуриться – и меня швыряет, будто тряпичную куклу. Вода не выпускает меня, держит, и мне кажется, грудь сейчас лопнет. Не могу больше. Надо вдохнуть. Надо открыть рот.

Нельзя.

Придется.

Сара

У меня все болит – не только в голове. Не понимаю, где я. Вроде бы лежу на животе. Руками пошевелить могу, а ногами – нет. Рот чем-то набит, то ли шерстью, то ли пылью, эта гадость липнет к языку, я кашляю. Икаю, плююсь, чтобы очистить рот.

В темноте кто-то кричит.

– Адам! Адам!

Это Вэл. Она жива и где-то неподалеку, но я ее не вижу.

Пытаюсь крикнуть в ответ, но получается только шепот.

Ноги чем-то придавило. Изворачиваюсь, тянусь к ним, пытаюсь понять, что это. Ни зги не видно, но на ощупь похоже, что на меня упало кресло – не очень тяжелое, но из такого положения его особенно не сдвинешь. Упираюсь в него обеими руками и пихаю. Оно сдвигается, и мне удастся немного вытащить ноги и нормально сесть. Пихаю еще раз – ноги свободны. Больно ужасно, как будто кто-то втыкает в меня иглы в фут длиной.

– Боже мой! – Не сдержалась, вскрикнула – ничего, говорить могу.

– Кто там? – Голос у Вэл скрипучий, робкий.

– Это я. Сара.

Молчание. Потом:

– Кто вы такая? Что вы делаете в моем доме?

– Это я, Вэл! Подруга Адама. Сара. Это я.

– Ладно, не важно, будьте любезны, помогите мне встать. Я тут, черт побери, как жук какой-то... Лежу на спине и не могу встать.

Она где-то совсем близко, метрах в двух. Ноги меня еще не очень слушаются, и я пробираюсь к ней ползком. Подо мной все трещит, разъезжается, проседает. Все безделушки Вэл разбросаны, перебиты, все ее сувениры, все воспоминания, все красивые вещицы, которые ей понравились. Стараюсь не думать об этом, потому что очередная драгоценность хрустит у меня под коленкой.

Шарю перед собой руками и натыкаюсь на что-то мягкое.

– Это ты, Адам?

– Это я, я, Сара.

– Сара.

Она говорит это, словно на уроке, как будто заучивает, старается не забыть.

– Сара, у которой дочка, – говорю я. – Сара, которая рисует.

– Са-ра. – Кажется, у нее в голове что-то забрезжило. – Сара с дочкой.

– Да-да, это я.

– О господи, вспомнила... Где Адам?

– Не знаю, Вэл. Его арестовали, помните?

– Вот черт! Мой мальчик. Мой чудный мальчик.

– Вы можете двигаться? Вы не ранены? Надо отсюда выбираться.

Весь дом вокруг стонет и вздыхает.

– Вэл! – повторяю я. – Вы не ранены?

– Нет. Не знаю. Помогите мне встать.

Наши руки встречаются в темноте, у нее они костлявые и дрожащие от отчаяния. Вцепляются в меня, как будто никогда не отпустят. Нам удастся встать.

– Давайте выйдем на улицу, – говорю.

– Хорошо, лапа моя, а дверь у нас где?

– Не нужна нам дверь, Вэл, выйдем, и все.

– Не поняла?

– Передней стены больше нет, Вэл.

– Не говори глупостей. Нас немного потрянуло, вот и все. Мы целы и невредимы. И дом тоже.

– Мы – да, но полдома у нас снесло. Идемте.

Не разнимая рук, мы пробираемся через обломки. Над головой

светит луна – половинка, так что света хватает, чтобы различать в темноте контуры предметов, но подробностей не видно. На улице кто-то зажег фонарь и несколько секунд светит в нашу сторону. И тут мы все видим: на месте, где была передняя стена дома, теперь гора обломков, рассыпавшихся по всему дворику. Чтобы выйти, нам приходится взобраться на гору и перевалить через нее, по-другому никак.

Луч света перемещается от нас, и мы снова идем вслепую.

Кое-как оставляем позади мусор, который раньше был нашим домом. Каменная ограда кое-где уцелела, и мы садимся на нее и смотрим на руины, откуда только что выбрались.

В воздухе висит пыль, он от нее густой, но, когда сквозь завесу просачивается лунный свет, мы видим, что произошло. Рухнули передние стены всех домов на нашей стороне улицы. Такой получился страшненький кукольный домик – все комнаты видно.

– Повезло нам, могли погибнуть, – говорю.

– Повезло, – повторяет Вэл. – Повезло.

Рядом со мной на земле кто-то шевелится.

Замечаю движение краем глаза и взвизгиваю.

– Что это?!

Ожидаю увидеть руку или там пальцы, но это не человек. Это какое-то маленькое, черное существо, оно извивается и дергается. Потом оно пищит – нет, то ли урчит, то ли скулит. Я спрыгиваю с ограды и опускаюсь на корточки рядом с ним. Протягиваю руку, трогаю пыль, а под ней мягкая шерстка и тепло. Существо откликается, поднимает голову, и в лунном свете я вижу пустую глазницу.

– Это собака, Вэл, – говорю.

– Собака? – спрашивает Вэл. – Нормин пес?

Провожу рукой по спине песика. Он тяжело дышит. Плохо дело. Задние лапы у него лежат на земле, спина совсем плоская.

– Давай, – говорю, – иди сюда. – Немножко отодвигаюсь и щелкаю пальцами. Он ползет ко мне на передних лапах, как солдат по-пластунски. Задние лапы бессильно волочатся следом. – У него

лапы не действуют. Отнялись.

Вэл встает на колени рядом.

– Дай-ка погляжу. – Ощупывает пса. – Спина у него сломана, – говорит она. – Надо сказать Норме. Где Норма?

Мы смотрим на соседскую дверь. От дома остался один остов. В отличие от домика Вэл, у него рухнул потолок. Все завалило.

– Вот черт, – говорит Вэл. Лица ее мне не видно, по крайней мере выражения глаз, но и по голосу все ясно. – Бедная Норма. Адам нам говорил. Говорил, что это будет. Я всегда ему верила, но никак не предполагала, что будет такое... Надо его прикончить, – говорит она. – Нельзя его так бросить. Сара?

Вэл хочет, чтобы я добила пса. У меня волосы шевелятся от ужаса.

– Я не могу, Вэл. Не могу.

Вэл наклоняется, слышно, как она рвется в обломках. Берет что-то в руку.

– Умница. Умница. Хороший песик, хороший песик.

В тусклом свете видно, как она двигается – поднимает руку высоко над головой. И резко опускает. Слышен глухой удар – удар, и все. Вэл ничего не говорит, берет тельце с земли и шаткой походкой направляется обратно к домам.

– Что вы делаете?

– Собираюсь его похоронить где следует – возле Нормы.

Я ковыляю за ней, и мы вместе нагромождаем над песиком пирамиду из камней и кирпичей. Потом возвращаемся к стене и снова садимся.

– Спасибо, – говорит Вэл. Берет меня за руку и держит. Некоторое время мы сидим молча. Я словно оцепенела. До меня все никак не доходит, что случилось. Поначалу было тихо, но теперь ночь полна звуков – сирены, крики. И на нашей улице полно народу. Они кричат, они молят о помощи, и вдруг мне приходит в голову – а тот человек, у которого сейчас Мия, он тоже кричит? Их завалило, они не могут выбраться или у них все обошлось? Плачет она или все проспала? А может быть, она уже погибла? Ее число запечатлено у

меня в голове – число, которое я прочитала в записной книжке Адама. 112027. Это сегодня. Это здесь. Может быть, я опоздала.

– Вэл, – говорю я, – мне надо найти Мию. Это главное.

– Мия, – отзывается она. – Малышка.

– Да. Надо ее разыскать.

– Конечно, – говорит Вэл. – Пошли. Просто... просто...

– Что?

– Мне не хотелось бы уйти и оставить урну Сирила.

Сирил? Урна Сирила? Мне хочется заорать. Она думает о прахе человека, который умер сто лет назад. А где-то в Лондоне мой крошечный ребенок, которому я нужна прямо сейчас!

– Вэл, пожалуйста, не надо. Нам ее в этом бардаке ни за что не найти. Прошу вас, мне надо к Мии!

– У меня от него больше ничего не осталось.

По-моему, у меня сейчас голова взорвется.

«Какая разница? Он уже умер!» Но для нее разница очень большая.

– Вэл, мне кажется, идти в дом опасно. И вообще вам ее все равно не найти – темно.

– Скоро утро. Подождем, пока не станет светло.

Я пытаюсь держать себя в руках, но с каждой секундой бешусь все больше.

– Вэл, честное слово, мне надо идти.

– В темноте мы далеко не уйдем, при дневном свете будет безопаснее...

Гляжу на шоссе. Светит луна, и нельзя сказать, чтобы было совсем темно. Делаю несколько шагов по тротуару и проваливаюсь ногой в пустоту. Тротуара нет. Нога проваливается глубже, глубже, глубже, я лихорадочно ищу, за что бы схватиться, пытаюсь отклониться назад. Наконец, когда я оказалась уже по бедро в земле, нога нащупывает какую-то опору.

– Да блин! – ору я.

Вэл тут же оказывается рядом.

– Сара! Сара! Что случилось?

Находит мое плечо, вцепляется костлявой рукой, держит меня.

– Провалилась куда-то.

Она помогает мне выкарабкаться.

– Не ходи никуда, Сара, – говорит она. – Не ходи, пока не рассветет.

С другой стороны шоссе кто-то кричит:

– Моя жена! Там моя жена! Помогите! Помогите!

Сердце у меня екает. Я понимаю, что мне сейчас придется сделать, и это мне – нож острый.

– Посидите здесь, Вэл. – Я вздыхаю. – Я попробую помочь этим людям, а как только рассветет, мы откопаем вашего Сирила и двинемся.

– Я тоже могу помочь, – возражает Вэл.

Так что никуда мы не идем. Мы перебираемся через дорогу к соседям Вэл и помогаем им разобрать камни, кирпичи и доски. Вместе нам удастся вытащить из развалин женщину. Она почти не пострадала, но в шоке. Ее муж садится на мостовую рядом с ней прямо в пижаме и халате и держит ее за руку.

Глаза у нас понемногу привыкают к свету, так что мы чуть не пропускаем восход – как небо становится из черного серым. Я сидела, нагнувшись вперед и подпирая голову руками, но спина у меня ноет, поэтому я выпрямляюсь и оглядываюсь вокруг.

– Господи, Вэл! Господи!

– Что? Ты что-то нашла?

– Нет. Смотрите.

Она тоже выпрямляется. Кладет руки на поясницу, выгибает спину. Потом тоже смотрит на улицу, и с губ у нее срывается нечто среднее между вздохом и присвистом.

– Боже милосердный...

Дома лежат в руинах, но главное даже не это. Главное – само

шоссе, точнее, расщелина на том месте, где было шоссе, та самая расщелина, куда я едва не сверзилась. Она метров десять шириной и сто, двести, триста метров длиной, как будто кто-то взял самый большой нож в мире и полоснул им по поверхности земли.

У меня такое чувство, будто этот нож полоснул и по мне, и я понимаю, что не могу больше сидеть на месте ни секунды. Где-то там, в этом изувеченном, располосованном городе, – моя дочь.

– Вэл, пойдем, пожалуйста, ну пожалуйста!

– Да, Сара, пойдем. Я только заскочу домой. На минуточку.

И двигается к дому. Я догоняю ее.

– Посидите здесь, я сама сбегаяю.

– Ты же знаешь, что надо искать, правда? Деревянную шкатулку. Она стояла на камине.

– Да-да, конечно, я ее сейчас принесу.

Пробираюсь через груды камней и кирпича.

Идти ужасно трудно. Постоянно спотыкаюсь, ноги подворачиваются, потому что груды осыпаются. Задняя стена гостиной и боковые стены пока стоят. Потолок тоже вроде бы на месте. Каминная полка по-прежнему одной стороной крепится к стене. Другая болтается и накренилась к полу. Ковер исчез под слоем обломков мебели и осколков безделушек. Все покрыто пылью. Нагибаюсь и роюсь в мусоре.

Потолок скрипит, за спиной у меня осыпается пыль.

– Ну как, нашла? – доносится из-за груды голос Вэл.

Не отвечаю. Пальцы у меня уже все в ссадинах и болят: я всю ночь кого-то откапывала. Когда я роюсь во всем этом хламе, то опять ломаю ногти. Нет, ничего не выйдет. Признать себя побежденной мне не хочется, но стены и потолок все время скрипят, и каждый раз меня обдает волна паники, и по спине бегут мурашки. Еще не хватало, чтобы меня здесь завалило.

– Выходи! – кричит Вэл. – Брось! Это никому не нужно!

Не могу найти шкатулку. Встаю и начинаю поворачиваться, и тут что-то бросается мне в глаза, что-то белое и блестящее, – рамка от фотографии встала наискосок и прикрыла его. Присаживаюсь на

корточки, смотрю, а там крошечный фарфоровый лебедь, целенький, совершенно нетронутый. Сую его в карман и в последний раз выбираюсь из гостиной.

Вэл идет мне навстречу. Кладет руку мне на плечо.

– Я думала, все сейчас обрушится. Боялась, тебя завалит. Я бы себе никогда не простила. Не знаю, о чем я только думала, эгоистка старая...

Дом за спиной снова угрожающе скрипит.

– Давайте отойдем подальше, – говорю.

Мы выходим на шоссе.

– Жалко, что Сирила я не нашла, – говорю, – зато вот, смотрите. Не разбился.

Лезу в карман, достаю лебедя. Кладу Вэл на ладонь. Она смотрит на него и гладит кончиками пальцев.

– Мы его купили в свадебном путешествии, – тихо произносит она, как будто говорит и со мной, и сама с собой. – Поехали на недельку в Суонидж, на южном побережье. Сирил тогда оторваться от меня не мог, прямо отбойный молоток какой-то, я уж боялась, ходить не смогу! – Наверно, она чувствует, что от ее слов меня коробит, и начинает сипло хохотать, но хохот быстро переходит в приступ кашля. – Лишняя информация, да?

Киваю – от смущения я даже потеряла дар речи.

– Спасибо, – говорит она. – За лебедя. И то хлеб, правда? А шкатулку жаль, жаль.

– Вэл, это просто пепел. Это уже не он. – Я пытаюсь подобрать нужные слова – хотя какие могут быть нужные слова в такой обстановке?

– Я понимаю, лапа моя, – отвечает Вэл, – только я туда вместе с ним засунула восемь тысяч фунтов...

У меня отвисает челюсть.

– Восемь тысяч? Вы что, ограбили банк?!

– Ну не я, лапа моя, – Сирил. Он говорил – денежки на черный день.

– Хотите, чтобы я еще искала?

Мы одновременно глядим на дом – и тут где-то внутри раздается громкий треск и труба на крыше накрывается.

– О черт, поехало!

Труба валится набок, пробивает в крыше дыру, а потом все это рушится вниз, валится сквозь спальни и в гостиную. Из дома вырывается облако пыли и мусора. Я инстинктивно отворачиваюсь, обхватываю Вэл. Это как взрыв бомбы. Мы все в пыли. Пригибаю голову и долго не решаюсь открыть глаза. Когда я снова выпрямляюсь и оборачиваюсь, вместо дома висит гора обломков.

Вэл побелела, как простыня.

– Ты могла быть там...

– Не была. Уже вышла.

Я прижимаю ее к себе, чтобы подбодрить, но сама вся трясусь, руки-ноги ходуном ходят. Она обнимает меня в ответ, обхватывает руками, тихонько качает из стороны в сторону. Потом немного отстраняется и вытирает пыль у меня с лица.

– Пошли, Сара, – говорит она. – Нам ведь надо найти ребеночка. Давай, лапа моя. Пошли. Разыщем нашу Мию.

Адам

Голова выныривает на поверхность как раз тогда, когда я открываю рот и вдыхаю. В горло льется смесь воздуха и воды, я давлюсь, кашляю, отхаркиваюсь.

Снова погружаюсь под воду, но теперь мне понятно, куда плыть, и я гребу руками, толкаю тело вверх. Кашляю, отплеываюсь, вдыхаю поглубже. Это помогает держаться на воде, и я ложусь на спину, лицом из воды, и еще немного просто дышу, наполняю легкие воздухом. Желтозеленые огни в небе уже почти погасли, зато светит половинка луны, а свет означает, что стало видно темные фигуры по обе стороны от меня. Понятия не имею, куда меня занесло. Не знаю, сколько пробыл под водой, но чувствую, как меня тащит вперед.

Вода бурлит, течение мощное. У меня нет выбора. Придется плыть по нему. Я начал к этому привыкать, мне уже, можно сказать, удобно, но тут в меня ударяет боковая волна, и я снова тону, течение волочет меня, тащит за собой. А потом рука за что-то задевает, какая-то острая штукавина протыкает флиску. Нога тоже на что-то наталкивается, застревает, меня дергает назад, и я рывком останавливаюсь, а вода мчится мимо.

Пытаюсь дотянуться до ноги, но против течения это трудно. Выныриваю головой наружу, глотаю воздух, снова ныряю: надо разобраться, что там с ногой. Она зацепилась за перила – кроссовка застряла. Бороться с течением мне трудно. Я понимаю, что слабею. Снова выныриваю подышать и снова ныряю, на этот раз удастся ухватиться пальцами за задник кроссовки. Нога не хочет вылезать, но я дергаю кроссовку так и сяк, и она подается, и вдруг я оказываюсь на свободе, и вода подхватывает меня и тащит дальше.

Если под водой были перила, выходит, улицы затоплены, а значит, здесь должно быть мельче. Больше шансов выбраться. Начинаю брыкаться и грести руками – вверх-вниз. Поначалу кажется, будто никакого смысла в этом нет, но потом становится ясно, что я двигаюсь, а вода мелеет.

Пробиваюсь вперед – плыви, плыви! – пока руки не задевают за дно. Тогда я перестаю грести и опускаю ноги. Здесь воды только по колено. Она движется, но течение совсем легкое, и теперь можно

сесть, и меня не снесет.

Ребра ходят ходуном, прямо больно. Сам не верю, что выплыл. Спасся. Живой. Если бы я должен был погибнуть сегодня, у Смерти, конечно, только что были все шансы меня заграбастать. В школе я даже двадцатипятиметровый норматив сдать не мог. Все надо мной прикалывались – мол, черные плавать не умеют. Не представлял себе, что способен на такое.

Пытаюсь встать, чтобы выйти из воды вброд, но ноги совсем вялые, и я некоторое время ползу вперед на заднице, а потом на четвереньках. На что-то натыкаюсь. Оно плывет от меня – темная фигура в воде с торчащими в лунном свете бледными руками. Еще немного, и воды остается всего несколько сантиметров, и я поднимаюсь на ноги и иду.

Чтобы разобраться, где я, много времени не требуется. Через десять минут различаю огромное колесо обзора – черное на фоне неба. И сразу вспоминаю маму.

«Не ездь в Лондон. Не разрешай бабуле увезти тебя туда».

Где она теперь – моя мама? Смотрит ли на меня с небес? Может, она здесь, рядом, дает мне лишнюю капельку сил, чтобы я выбрался из реки? Мы забыли ее слова – мы с бабулей. Бабуля – потому что она старая эгоистка и делает все назло. Я – потому что встретил Сару и надо было ей помочь. Мы забыли ее слова, и теперь за это расплачиваемся, хотя что случилось с бабулей и Сарой, один Бог знает. Честно говоря, я уверен, что с ними все нормально: я же видел их числа. Я знаю – обе они сегодня уцелеют. Но все равно мне становится нервно, когда я вспоминаю о них, и я пускаюсь бежать. Надо пробраться по темным улицам, надо попасть домой.

На это у меня уходит несколько часов. Мне нужно на тот берег, а половина мостов в Лондоне рухнула. На мосту Воксхолл стоит полицейский патруль и всех заворачивает, потому что там опасно, но я проскакиваю мимо и со всех ног перебегаю мост и пробиваюсь через полицейский кордон на той стороне.

Когда я добираюсь до нашего шоссе, как раз светает, а оказавшись на бабулиной улице, я глазам своим не верю. Пол-шоссе провалилось. Зияет здоровенная дыра длиной в несколько сотен метров. Дома рухнули. Я даже не сразу понимаю, который из них бабулин – который *был* бабулин. Передняя стена обрушилась, крыша

провалилась внутрь, так что осталось всего-то пара стен и груды камней. Несколько ее гномов лежат перед грудой ничком, будто трупы.

– Господи, – говорю я вслух. Если в доме кто-то был, они точно покойники. А где им еще быть? В голове не укладывается. Я думал, они обе уцелеют. Я думал, Сара – мое будущее.

Ноги меня не держат. Оседаю на землю и закрываю глаза. Нет, это не так. Это не может быть так.

– Не бойся, они живы.

– Что?

Поднимаю глаза и вижу старика в пижаме и халате. Он засекает наручник у меня на запястье, но ничего не говорит.

– Твоя бабушка и какая-то девочка. Вышли до того, как крыша обвалилась.

– Точно?

– Конечно точно. Они еще потом помогали нам с женой. Настоящие героини.

– А ребенок был? У них был ребенок?

Он мотает головой:

– Нет, только бабушка с девочкой.

– Где они сейчас?

Он опять мотает головой:

– Не знаю, к сожалению. Они недавно куда-то ушли. Минут двадцать – полчаса назад. Куда, не сказали.

Двадцать минут. Ерунда. Я смогу их догнать. Смогу их найти. Если бы я только знал, куда они пошли. Думай, Адам. Думай, думай. Снова закрываю глаза. Пытаюсь сосредоточиться на Саре – что творилось у нее в голове. Если с ними не было Мии, ей сейчас нужно только одного – разыскать ее. Где же она? Где Мия?

Ее мама с папой были в полицейском участке в тот день, когда Сару обвинили в нападении. Она их видела. Вполне может быть, что они в тот же день забрали Мию, если им разрешили в комитете. А с чего им отказывать? Достойные члены общества. Роскошный дом в

Хэмпстеде. Роскошная тачка. Роскошная жизнь.

– Сынок, ты чего? – Пижама по-прежнему глядит на меня.

Я выжат как лимон. Готов лечь тут же на дороге и отрубиться.

– Ничего, – говорю. – Ничего, все нормально. Надо найти пару дамочек, и все.

– А, шерше ля фам, – говорит старик. – Ну, удачи тебе, сынок. – Подмигивает и топает прочь.

У меня все болит, рука саднит, запястье ободрано, щиколотка растянута и вся в синяках, грудь ноет. Но главное – подошва. Сгибаю ногу и выворачиваю ступню, чтобы поглядеть. Оттираю с нее грязь – глину, песок, осколки стекла, щепки. Морщусь и ахаю. На подошве красуется несколько глубоких порезов.

Так я до Хэмпстеда ни в жизнь не дохромаю. Нужна обувка. На груди обломков лежит штора, прямо вместе с карнизом. Подползаю к ней по мусору и раздираю на длинные бинты. Потом обматываю ими ногу. Руки трясутся, но меня этим не остановишь. Стараюсь унять дрожь, и мне удастся аккуратно обернуть ногу тканью от пальцев к щиколотке, так что получается такой тряпичный башмак, и я завязываю бинты узлом спереди. Гениально. Перевожу дух, встаю и проверяю, как нога держит мой вес. Больно, что поделаешь, но все равно гораздо лучше, чем раньше. Да, нормально.

Делаю несколько шагов для пробы – все в порядке, так что я ускоряю шаг, а потом перехожу на бег – и оставляю позади дом, где вырос мой папа, дом, который был домом и мне, хотя и недолго. От него ничего не осталось, и я ничего не чувствую: дом для меня – это люди, которые там живут, а три человека, которые делали его моим домом, уже не здесь.

И я их найду. Найду, даже если это будет последнее, что я успею сделать перед смертью.

Сара

Мы идем через весь город, но места, по которым мы проходим, вообще не Лондон, по крайней мере не тот Лондон, где я выросла. Все не как надо. Он стал совсем, абсолютно другим. Нельзя сказать, что в городе тихо, – нет, время от времени воеет сигнализация, то автомобильная, то в домах, а где-то вдали слышны сирены, но вечный гул машин утих. Того жужжания, под которое засыпаешь вечером и просыпаешься утром, больше нет.

Голова шутит со мной шулки. По пути она вечно подсовывает мне картинки прежней жизни, и, когда я вижу пустое место там, где был дом, или тротуар, засыпанный обломками, такое ощущение, будто я под кайфом. Мы видим еще две расщелины на дорогах. Одна пересекает улицу – широкая, не перепрыгнешь, – и нам приходится возвращаться и искать обходной путь.

Где бы мы ни очутились, везде зовут на помощь. Там, где есть хоть какая-то надежда, собираются кучки народу – родственники, соседи, просто чужие люди разгребают завалы, ищут живых. Они выстраиваются в цепочки на развалинах, передают друг другу кирпичи, камни, доски. Ни полиции, ни пожарных, ни даже военных нигде не видно и не слышно. Ни здесь, ни в Килбурне. Бросили нас. Сами, мол, разбирайтесь. Если сами ничего не сделаем, никто не сделает.

Ужасно хочется всем помочь, но уже почти восемь, а главное для нас – Мия. В этом мы с Вэл согласны.

Первый пожар в нескольких кварталах от нас. Целый этаж квартир над магазинами в огне, из окон к небу рвутся языки пламени. Наверху мечутся две фигуры: они в ловушке, им не спуститься. Внизу на мостовую натащили картонных коробок, чего попало, и все кричат: «Прыгайте!»

На наших глазах фигуры выбираются из окна и, держась за руки, прыгают. Они приземляются на самодельный матрас, но это не все. Они приземляются и так и лежат, рука об руку: у них сломаны шеи. Мы задерживаемся дольше, чем следовало бы, глядим, как тела накрывают теми самыми тряпками, которыми хотели смягчить падение. Потом отворачиваемся и уходим, молча, оцепенев от ужаса.

Улицы полны народу. Все, кто мог выйти на улицу на своих двоих, так и сделали, и в дома никто не вернулся. Да и возвращаться особенно некуда: даже те здания, которые еще стоят, ненадежны. Кто-то бесцельно бродит, кто-то сидит у дороги, схватившись за голову. Большинство примкнули к самостоятельным спасательным отрядам, идут туда, где они нужны, откликаются на доносящиеся отовсюду крики и плач.

Естественно, на помощь ближнему кинулись не все – кое-кто занят своими делишками. Мы проходим массу магазинов с разбитыми витринами. Наверное, какие-то из них разбила природа, однако остальное довершили бейсбольные биты и ломы. Люди снуют туда-сюда, словно на январских распродажах. Только никто ничего не покупает. Растаскивают даром.

Я постоянно гляжу на часы. Мы успели пройти всего пару километров, а уже четверть десятого. Снова останавливаюсь.

– Вэл, мы плетемся как улитки. Не успеваем. Что делать?

– Хочешь – иди дальше без меня, ты проворнее.

Конечно, именно этого я и хочу, но это была бы черная неблагодарность.

– Да нет, нет, – говорю я. – Я хочу туда добраться, но не одна. – Тут меня осеняет. – Вэл, а вы на велосипеде ездить умеете?

– Чтобы я да не умела? Я, знаешь ли, тоже была молодой!

По всему Лондону стоят велосипеды, которые можно взять напрокат, вот и здесь вдоль улицы целая вереница, некоторые помяты, но остальные вполне исправные.

– Пошли, – говорю, и мы бежим туда.

У меня в кармане есть горстка мелочи, я уже заносу руку, чтобы сунуть в щелку евро, но тут Вэл у меня за спиной вскрикивает, словно испуганная птица. Кругом тоже кричат и слышен какой-то гром. Только он доносится не сверху, а из-под нас, со всех сторон, а потом я наконец вижу то, что уже увидели все остальные: по дороге катится волна. То есть нет, это не вода, это сама дорога вздыбилась и стала волной и колыхается, как будто лента или простыня.

Убежать мы уже не успеем, и я хватаю Вэл и тяну ее вниз, к земле. Не успели мы плюхнуться на асфальт, как нас поднимает

обратно в воздух. Я кричу – что-то ударяет меня в спину. Все, что не закреплено, болтается, как лодки в бурном море – машины, велосипеды, люди.

Кругом лопаются окна, дождем сыплется битое стекло, потом рушатся сами здания, падают те, которые выстояли при первом землетрясении.

– Лежите! – ору я. – Еще не всё!

Но на самом деле – всё. Движение прекращается так же резко, как началось. Неужели прошло всего несколько секунд? Правда, гром слышен еще некоторое время, и я жду, пока он стихнет, и только потом открываю глаза и поднимаю голову. Вэл рядом делает то же самое и немного расслабляется.

– Вот блин. – Голос у Вэла, по крайней мере, не пропал.

– Вы целы? – спрашиваю я. – Вы целы?

– Да, – отвечает она. – Вроде бы. А ты?

– Не знаю.

Все это проехалось по мне как танком – не физически, а в голове. Я не понимаю, как это пережить. И вообще, стоит ли теперь стараться.

– Пойдем, Сара, нам надо найти малышку. Надо найти Мию.

Когда она произносит «Мия», у меня набегают слезы.

– Посмотри на меня. Посмотри на меня. У нас все получится, – говорит она. – Сара, у нас все получится. Мы можем влиять на ход событий. Но не здесь. Надо ее найти.

– А может, нам, наоборот, надо держаться от нее подальше? Если Адама не будет рядом и меня тоже не будет, может быть, и будущее у нее станет другим, и число у нее изменится. Я видела его, Вэл. Прочитала в книжке Адама.

– Сегодня, да?

Она знает. Откуда?!

– Вы говорили, вы ее не читали.

– Не читала. Он сам мне сказал.

– Сказал?! Не может быть. Он говорил, что никогда никому...

– Это было после того, как он впервые ее увидел. Ему надо было облегчить душу, когда он вернулся домой. Само сорвалось.

– Не важно. Я же видела, чем все кончится, каждую ночь с тех пор, как забеременела. Ее смерть. Как все будет.

– Дело только в том, что все будет не так, как тебе снилось: там не будет Адама. Так что все уже изменилось. Что бы ни случилось, Сара, ты должна быть с ней. Она твоя дочь. Меня вот не было рядом с Терри, и я так об этом жалею...

Сейчас мы обе разревемся.

– Пойдем, Сара. За дело.

Она кричит, поднимаясь на ноги, и я не знаю, в чем дело: в обычных старческих хворях или у нее что-то сломано. Она поджигает губы в ниточку и берется за велосипед.

– Езжай вперед, – велит она мне. – Я поеду за тобой. Не отстану.

До Хэмпстеда мы добираемся в полчаса. Чем ближе мы подъезжаем, тем бодрее я становлюсь. Я не знала, что там увижу, и ужасно боялась, но дома кругом почти не пострадали. Целые улицы стоят нетронутые. Если не обращать внимание на выбитые окна, сучья деревьев, которые валяются где попало, можно представить себе, будто никакого землетрясения и не было. Можно, да не совсем.

И тут я вижу – вижу столб дыма, поднимающийся над крышами за две-три улицы отсюда. Я останавливаю велосипед и всматриваюсь, и сердце у меня леденеет.

– Что – это там?.. – Вэл подъезжает ко мне и тормозит рядом.

Прижимаю руку к губам и киваю.

– Не могу, – выдавливаю я, и получается шепот, – нет, не могу!

Вэл протягивает руку и кладет мне на плечо.

– Надо. Это твоя дочка.

– Дом... мама с папой...

– Я буду с тобой. Мы уже здесь. Мы на месте.

Я прерывисто вздыхаю.

– Ладно, – говорю. – Поехали.

Адам

Я бегу за ними по пятам. Был бы я собакой, взял бы след. Жалко, я не собака, – знал бы, что я на верном пути.

Я ни в чем не уверен, мне страшно – вдруг я бегу через весь Лондон не туда и все произойдет где-то в другом месте, а я не догадался? Но об этом я стараюсь не думать. Решил – значит, сделаю.

Когда я добирался до бабулиного дома, было так темно, что все целиком не разглядеть. Теперь, при свете, от последствий землетрясения просто выносит мозг. Такое прочное, огромное, сложное – большой город – превратилось в грудку щебенки. Много высотных зданий рухнуло, и в Лондоне стало больше неба. К тому же сегодня солнечно – первый ясный день за пару месяцев. Аж не по себе от этого солнца. И так не разобраться, куда идти, не хватало еще, чтобы слепило глаза.

Иду опустив голову, прячусь от неба, стараюсь не смотреть на людей, собравшихся там и сям, на трупы, лежащие на улице. Так много разных историй. Я видел, как все это надвигалось, эти смерти жили у меня в голове уже несколько лет, и оказалось, что все это – правда. И что мне теперь – радоваться, да? Я пытался всех предупредить – и вот это случилось. Я был прав, так ведь? Только ничего такого я не чувствую, ни капли. Один страх, он заполнил меня до отказа, до последней косточки. Одно опустошение и беспомощность. Я хотел всем помочь, а люди все равно погибли, сотнями, тысячами. И сейчас погибают.

И все равно не собираюсь я сдаваться. Еще чего. То и дело поднимаю голову, смотрю, не покажутся ли впереди бабуля с Сарой. Я уже почти дошел до Сариного района. Некоторые дома, похоже, остались целы, и я даже начинаю думать, что все, может, и обошлось. Приду туда и найду их – и Сару, и бабулю, и Мию, и, может быть, они там будут ругаться с Сариными предками, и, может быть, бабуля как раз сейчас вгоняет им ума куда положено... И тут я вижу дым – столб черного-черного дыма, клубящегося в синем-синем небе.

И вспоминаю...

Сарин сон.

Пламя.

Жар.

Ужас.

Застываю на месте, прижимаю руку к лицу. Пламя. Жар. Все это со мной уже было. Я знаю, каково это. С меня градом льет пот, я же бежал, но внутри все заледенело.

Дым валит в небо, а я думаю: «Вот куда мне ни в коем случае нельзя. Надо повернуться и уйти, и тогда есть надежда, что Мия не погибнет». Только это во мне говорит слабак. Я просто огня боюсь. И смерти тоже боюсь. Но я понимаю – другого выхода нет. Сара все видела во сне – видела, как это будет. И я в ее сне – там, рядом с ней. Она перепугана. Она меня ненавидит. Я забираю у нее Мию.

Но ведь я никому не собираюсь сделать ничего плохого. Я пришел спасти Мию. Эти числа – достали они меня уже. Хочу с ними разделаться по-свойски. Хочу их уничтожить, сделать так, чтобы их не было, и ради этого мне жизни не жалко.

Сара

Все, чего я хочу, все, чего я хотела с тех пор, как у меня отняли Мию, – это снова увидеть ее. Поддержать ее на руках.

Когда я вижу дым над крышами, то сразу понимаю, что это горит мой дом, и погружаюсь обратно в свой кошмар. Он крутился у меня в голове безостановочно, целый год, а жизнь – снаружи – дразнила меня, издевалась: «Вот тебе твоя дочка, вот тебе Адам, это сбудется, это произойдет!» Теперь я знаю, что вот сейчас они сомкнутся – фантазия и реальность, настоящее и будущее. Только все перекручено, все не так, как я думала. Рядом со мной Вэл. Адама нет. И не важно, есть он или нет, я все равно должна это сделать. Войти в собственный страшный сон.

Меня сейчас вырвет.

Я не знаю, жива Мия или уже нет. Я *чувствую*, что жива, – а может быть, это самообман. Я же знаю ее число. Видела ее смертный приговор.

Мы с Вэл подкатываем к дому, я гляжу на все словно со стороны, словно в кино... или во сне. Нажимаю педали, мышцы ног напрягаются. Руки у меня все ободраны, в крови, но я вцепилась в руль и не чувствую боли. В воздухе висит едкий запах дыма – горят дома, горит мебель, горят люди. И слышно только людей и огонь – ни машин, ни самолетов, только треск пламени и отчаянные крики и стоны.

Некогда мне думать, как я вернусь домой. Нечего мне замечать, что улица практически не изменилась, только поперек дороги лежат два дерева и фонарный столб. Ворота открыты.

Крыша вся полыхает, изрыгает в небо черный дым, трещит, лопается.

Бросаю велосипед на дорожке и бегу к дому. Там собралась толпа. Проталкиваюсь сквозь нее. В гуще всего этого – Марти и Люк. Сидят на земле среди леса ног. Падаю на гравий рядом с ними.

По-моему, они не сразу меня узнают. Ну конечно, прошло несколько месяцев и к тому же я выбрила почти все волосы.

– Люк, Марти, это я, Сара.

Две пары глаз изучают мое лицо, и потом Марти бросается ко мне, обхватывает меня руками за шею, а Люк начинает реветь.

– Где мама и папа? – спрашиваю.

– В доме.

– А там есть маленькая девочка?

Марти кивает:

– Она жила у нас. Все время плакала и плакала.

– Она там, в доме?

– Да.

– Где? Внизу? Наверху?

Мотает головой. Гляжу на дом. Передняя спальня рухнула на первый этаж.

– Они здесь были? В гостиной?

Он только пожимает плечами.

Кто-то хлопает меня по плечу. Поднимаю голову, вижу женщину, миссис Диксон, она живет через два дома от нас.

– Сара? – спрашивает она. – Это ты?

Глядит на меня так, будто я только что вылезла из летающей тарелки.

– Да, я. Я вернулась.

– Где же ты... твои родители... твои родители!

Она смотрит на дом, и тут раздается взрыв, и целое окно вылетает – рама, осколки стекла...

– Назад! Все назад!

– Миссис Диксон, – говорю я, – пожалуйста, возьмите мальчиков и уведите на дорогу, хорошо? Тут опасно.

Она хмурится:

– Естественно, а куда ты...

Передняя часть дома вся пылает, поэтому я бегу по тропинке к

боковой двери, прикрывая лицо от жара. Кухня у нас сзади. Заглядываю в стекло на двери и вижу, что на полу лицом вниз лежит человек.

– Боже мой!

Это папа. Я знаю, это он.

– Что? – Рядом Вэл.

– Ничего. Там кто-то... на полу.

– Господи!

– Вэл, вернитесь. Здесь опасно.

– Никуда я не пойду. Я пришла тебе помочь.

Спорить с ней нет времени. Дергаю за ручку двери – заперто. Хватаю горшок с цветком и запускаю в стекло. Потом просовываю руку внутрь, поворачиваю ключ и вхожу.

Папа лежит ничком и не движется. Наклоняюсь, кладу руку ему на шею. Холодная. Нажимаю, пытаюсь найти пульс. Ничего. *Его* больше нет. В кухне жуткий бардак, но непохоже, что *его* чем-то ударило. Кажется, *он* просто рухнул где стоял.

Я боюсь *его* даже мертвого. Жду, что *он* вот-вот откроет глаза, схватит меня за руку, заорет.

«Сара, прекрати, – говорю я себе. – Прекрати. Брось его. Он покойник. Где Мия?»

За спиной стоит Вэл.

– Он что...

– Да, – говорю.

Иду в коридор, кричу:

– Эй! Эй, есть тут кто-нибудь?

Коридор завалило – кладка обрушилась.

Складываю руки рупором и снова кричу:

– Эй!

Никто не отвечает, только кровля трещит у нас над головой, только пыль и мусор сыплются перед нами, словно водопад. И жар –

жар, который идет сверху.

И тут я слышу. Застываю и вслушиваюсь. Как хорошо я знаю этот звук, ведь он – это я. Вэл сзади, в коридоре. Она тоже кричит. Поворачиваюсь и кладу ей руку на локоть.

– Тс-с. Послушайте.

– Сара, здесь очень опасно. Надо уходить.

– Слышите ее?

Она замирает склонив голову набок:

– Нет, Сара. К сожалению, не слышу.

Над нами раздается оглушительный грохот – и тошнотворный треск разваливающейся крыши. Вцепляемся друг в дружку и валимся на пол, закрыв головы руками.

Что-то большое ударяет меня в плечо, я кричу. Грохот все не унимается: дом стонет, трещит, вокруг все сыплется. Когда все наконец стихает, я чуть-чуть приоткрываю глаза и осматриваюсь из-под руки. Коридор не узнать. Почти весь потолок рухнул, утащив с собой перила и половину лестницы. Передняя часть дома вся в огне, а теперь и задняя тоже. Кругом бушует пламя. Немного выпрямляюсь и гляжу вверх. Видно все до самой крыши, а там зияет дыра – метра три-четыре в поперечнике – прямо в небо. Из-за дыры получилась сильная тяга: пламя со всех сторон всасывается в нее с диким ревом.

– Ой, блин, – произносит Вэл, – надо уносить ноги. Сара, надо уносить ноги.

– Вэл, я ее слышала, – говорю я.

Вэл смотрит на крышу, потом снова на меня. Глаза у нее круглые от ужаса.

– Очень сомневаюсь, – говорит она. – Я думаю, ты *хотела* ее услышать.

– Вы что, считаете, будто я не узнаю голос собственной дочери?!

– Конечно, но...

– Она где-то тут и жива. Я уверена.

Вэл берет меня за плечи:

– Полдома уже рухнуло. Она могла быть где угодно.

– Она где-то близко. Я ее слышала. Я не могу ее оставить. Она без меня пропадет!

– Это опасно. Надо уходить.

– Я не могу.

– Сара, если ее завалило, – Вэл кивает в сторону груды на месте гостиной, – мы ее оттуда не откопаем. Для этого надо забраться через крышу. Давай-ка на выход, пока можно.

Над головой слышен громкий звон.

– Сара, прошу тебя!..

Одновременно оборачиваемся и смотрим, откуда мы пришли. За дверью в кухню – стена пламени, желтые, оранжевые языки извиваются до самой крыши, лезут в небо. А в центре – тьма, темная фигура, призрак. Размытые контуры становятся четче, и мы разом ахаем. Это человек, он движется к нам сквозь пламя.

Папа. Это папа.

Не может быть. *Он* же мертв. Я *его* видела. Ощутила смертный холод, когда прикоснулась к *его* шее. Это не *он*, это...

– Адам! – выдыхает Вэл. – Господи, это же Адам!

Она нетвердо шагает ему навстречу и падает к нему в объятия. Мне бросается в глаза, как Адам изменился – наверное, стал старше. Я моргаю, и перед глазами встает страшный сон.

Незнакомец со шрамами на лице берет у меня ребенка и уходит в огонь.

Мой ребенок. Моя дочка. Где она?

– Всего четыре шага, и никакого огня! – кричит Адам, перекрывая шум. – Баб, выходи! Все, я пришел. Я разберусь!

Вэл держит его за руки, темно-карие глаза изучают его лицо.

– Баб, я спорить не буду. Уходи. Четыре шага – и ты на улице. Мы выйдем сразу за тобой.

Вэл кивает.

– Хорошо, – говорит она. – Адам... Адам?

– Не сейчас. Выходи. Я тоже выйду через минуту.

Обнимает ее за плечи и мягко подталкивает в нужную сторону. Она снова смотрит на него, и то ли идет, то ли бежит в сторону кухни. На миг от нее остается только силуэт, как от него, а потом она исчезает.

– Адам... – говорю я и замолкаю. Я снова его слышу – слабый крик, будто писк какой-то маленькой зверюшки, и Адам тоже слышит. Видно по лицу.

Крик приглушенный и доносится откуда-то сбоку. Мы бросаемся к двери, ведущей в каморку под лестницей. Там такая круглая ручка с кнопкой посередине, надо ее нажать, чтобы открыть дверь. Дотягиваюсь до нее первой. Кнопка обжигает кончик пальца. Распахиваю дверь и с визгом закрываю нос рукавом. Оттуда вырывается кошмарная вонь – кислятина, спирт, дерьмо.

В кладовке темно, и глазам нужно время, чтобы привыкнуть, и тут я их вижу. Мия – она жива, вся красная, извивается в руках у моей мамы. Щека у Мии вымазана кровью, но это не ее кровь. У мамы на голове большая рана, на лице порезы. Ее кровь натекла на Мию, и она ее не вытерла, потому что не знает о ней. Глаза у нее открыты, она смотрит прямо на меня, но ничего не видит. Она мертва.

Я подползаю к ним поближе. Пол усыпан стеклом – это бутылки и банки – и залит их содержимым: виски, джином, соленьями. Осколки, будто ножи, полосуют мне джинсы, режут колени. Подаюсь вперед и осторожно забираю Мию из маминых рук.

– Ничего, ничего, – воркую я, – все, ты у меня.

Прижимаю ее к себе, нагибаюсь поцеловать ее в щеку, ощутить ее тепло, впитать аромат младенческой кожи. Она вся горячая. Под руками у меня мокро – подгузник у нее протек, и она пахнет срыгнутым молоком и детской мочой. Но это она срыгнула молоко и она намочила подгузник, и я вдыхаю эти запахи в полном восторге.

Моя девочка.

Моя жизнь.

Живая и снова у меня в объятиях.

Адам

Сара ныряет в кладовку. Что там делается, мне не видно.

– Она там? Ты ее взяла? – кричу я.

Над головой кровля раскалилась просто жутко, даже здесь чувствуется. Я пытаюсь держать себя в руках, не поддаваться эмоциям, быть здесь главным, принимать верные решения, только вот я уже слышал этот треск. Тело помнит палящий жар, кожа орет: «Ты знаешь, каково это. Тебе что, хочется все повторить? Выходи! Сваливай отсюда!» С меня льет пот. От каждого скрипа, каждого шороха над головой меня прямо крючит.

Ну все. Сейчас рухнет.

– Сара! – Голос у меня позорно срывается. – Сара! Ты ее взяла? Давай, выноси!

Слышу, как Мия плачет. Нагибаюсь поглядеть в темноту. Туда набилось три человека – Сара с Мией и ее мама.

– Боже мой!

Сарина мама погибла, у нее полголовы снесено.

Сара держит Мию на руках. Мия по-прежнему плачет, зато она жива.

– Сара, ради бога, вылезай оттуда!

Пячусь, чтобы ей было куда выходить, и тут над головой раздается хруст и шипение. Поднимаю голову – с неба на меня валится бревно.

– Блин!

Бросаюсь в кладовку, налетаю на Сарину маму. Она мешком валится набок, Сара орет, бревно рушится на пол в метре от моей ноги.

– Господи! Господи!

Разворачиваюсь и гляжу назад. Весь коридор завален кровельными плитками, они горят, и жар и пламя так и тянутся к нам. Сверху все падает и падает всякий хлам, и все, что еще не горело,

быстро занимается.

Сара никак не может замолчать. В этой крошечной кладовке шума от нее, как от Мии. Гляжу в пламя. Мы в ловушке. Становится жарче, вот-вот дверь тоже вспыхнет, и пламя ворвется к нам. Оранжевое, желтое, белое. Яркое, смотреть больно, но я не могу отвести взгляд. В огне чье-то лицо. Джуниор шатается, валится назад, схватившись за живот, а я падаю, падаю, падаю. Вокруг – огонь. Он плавит кожу, пожирает меня...

Первый язык пламени добирается до косяка. Отползаю от него по битому стеклу и вжимаюсь в Сару. Ее губы прямо возле моего уха, и она визжит во все горло.

– Сара! – рывкаю я. – Замолчи, а? Мию напугаешь!

Сквозь ее крики пробиваются слова:

– Огонь! Прямо здесь! Мы попались!

– Вижу!

– Что нам делать?

Глядеть за дверь кладовки – это как в топку смотреть. Соваться туда – безумие. Надо повернуться к пламени спиной, обнять Сару и Мию да так и держать до конца. Надо сказать им, что я их люблю, закрыть глаза и больше не открывать. Здесь найдут четыре трупа.

– Адам! Адам!

Она смотрит на меня и ждет ответа. А что мне отвечать? Никакого плана у меня нет, и страшно мне не меньше, чем ей. Но тут я вспоминаю ее число, и до меня доходит, что оно значит. Мы с ней состаримся вместе. Она уйдет мирно и спокойно. Мы не должны здесь погибнуть. Сарино число – единственное, которое я не хочу менять. Я держался за него с первой секунды, когда увидел ее. И теперь буду держаться.

– Надо выходить сквозь огонь.

Других вариантов нет.

– Не могу! Не могу!

– Я пойду первым, посмотрю, как там. Потом, когда я позову, ты тоже выйдешь. И мы выберемся вместе.

Сара уже не визжит, а плачет – тоненько всхлипывает.

– Сара, мы выберемся. Обязательно.

Я знаю, как это будет. По себе знаю.

Не думай. Не думай. Иди. Давай. Ну!

Отодвигаюсь от Сары, задеваю рукой порог.

Краска пузырится от жара. Передвигаюсь вперед, стараюсь не поднимать голову. От жара трудно дышать. Как будто пламя вообще везде. Передняя часть коридора завалена, я видел, так что лучше всего попробовать выйти, как вошли, сзади, через кухню, куда я отправил бабулю. Огонь очень близко, мне не видно, что происходит по ту сторону. Рухнула уже крыша кухни или еще нет?

Проверять некогда. Волосы тлеют на голове. Если я буду и дальше торчать здесь, то сгорю.

– Сара, надо выходить!

Она смотрит на меня из темноты, словно загнанный зверь, и не шевелится.

– Не могу.

– Бабуля смогла. Все нормально. Только не тормози. Иди, быстро!

Она ползет вперед на коленях, прижимая к себе Мию. Беру ее за локти, помогаю встать и вытаскиваю из кладовки. Глаза у Сары красные. Она пытается держать их открытыми, хотя кругом жарко и ослепительно светло.

– Боже мой. Не могу, не могу!

Приседает.

– Там четыре шага – и все. Четыре шага.

– Мы не сможем. Господи...

– Слушай, некогда ныть.

Нагибаюсь над ней, загораживаю ее от огня. Чувствую, как кожа на спине поджаривается.

– Дай мне ребенка. Дай мне Мию.

Тут она смотрит на меня. Вижу отражение пламени в ее глазах –

и посреди хаоса между нами наступает миг тишины. Мы понимаем, что очутились прямо в ее страшном сне.

Вот оно.

Вот как это будет.

Сара медлит – секунду, две. Спина флиски у меня горит, я чувствую.

– Сара! Дай мне ребенка!

Она дает мне Мию. Мия выкручивается у меня в руках, но я держу ее крепко.

– Вперед!

Она делает шаг. На миг ее фигура превращается в черный силуэт на фоне огня – и исчезает. Мия плачет. Я тоже плачу. Думал, уж я-то знаю, что такое боль. Знаю, что такое страх. Я ошибался.

Вот она, боль.

Вот он, страх.

Прижимаю Мию к груди, укрываю собой, и тут тельце у нее каменеет, а глаза закатываются. Руки и ноги начинают дергаться.

Мия! Мия! Только не сейчас! Не сегодня! Держись, Мия, держись!

Прижимаю ее к себе еще теснее – и шагаю в огонь.

Сара

Он сказал, всего четыре шага. Раз, два, три, четыре. Цифры вспыхивают у меня в голове, когда я ухожу от него – ухожу от Мии. Они визжат в мыслях, когда в меня ударяет волна жара. Закрываю глаза и иду.

Раз, два, три, четыре.

Открываю глаза, а кругом по-прежнему пламя. Бушует со всех сторон. Он меня обманул! Он солгал мне! Я ему доверилась, а он обманул меня, и теперь он там, с ней, и я больше никогда их не увижу!

Оборачиваюсь. Надо вернуться. Нельзя было оставлять Мию. От жара приходится снова закрыть глаза – и вместо Мии я вижу Адама, его темные зеленовато-карие глаза, они смотрят прямо на меня, прямо мне в душу. Я чувствую под пальцами его лицо – как тогда, когда я в первый раз потянулась через стол и прикоснулась к нему, и кожа у него была гладкая-гладкая. Адам. Парень, который искал меня и нашел – раз, другой, третий. Который забрал меня к себе домой. Уступил свою постель. Остался в Лондоне, когда надо было бежать сломя голову. Целовал меня.

Тут кто-то хватает меня за руку – костлявыми пальцами – и разворачивает.

– Туда, туда. Еще несколько шагов.

Не открывая глаз, я снова начинаю идти. Пол весь завален, я постоянно натыкаюсь на что-то ногами. Поднимаю колени повыше, чтобы перешагнуть, перейти, обогнуть – и все это с закрытыми глазами.

И вдруг жар куда-то девается. Рев в ушах стихает. Я по ту сторону – в кухне.

Там, где лежал труп отца, пусто, к двери в мусоре проделана тропинка. Ко мне подбегают люди. Меня охлопывают там, где одежда затлела, и выводят на улицу. Бомбардируют вопросами. Свежий воздух рвется в легкие, пробивается сквозь накопившийся во мне дым.

Пытаюсь отбиться от всех этих рук, от голосов. Я хочу вернуться. Хочу быть с Адамом и Мией. Хочу их вытащить.

Тут голоса соединяются в хор – в коллективный вздох:

– Смотрите!

Оборачиваюсь – и вижу, как из двери в кухню выходит Адам. Он горит, за одеждой и волосами тянется хвост пламени, но он идет.

– О господи!

Его окружают. Заслоняют от меня стеной ног и спин.

– Адам! – кричу я. – Адам!

Стена распадается, и я вижу его, он лежит на земле, завернутый во что-то с головы до пят. Его катают с боку на бок. И тут сквозь крики и возгласы до моего слуха доносится голос, который я так рвалась услышать, голос, в котором моя жизнь. Мия. Она плачет. Она жива.

Бегу к толпе, ввинчиваюсь в нее. Они уже разворачивают Адама, осторожно снимают одеяло. Когда его становится видно – голову, плечи, грудь, – все умолкает. Он лежит на боку, спиной ко мне. Волосы на затылке сгорели, одежда тоже. Кожа вся в пузырях и слезает.

Глаза у него закрыты, но весь перед – лицо, руки – не очень пострадал. Жар пришелся на спину, а Мия по-прежнему у него в объятиях. Она вся растопырилась, странно, неестественно.

– Дайте мне, – говорю я и осторожно подсовываю под нее руки и беру ее. Стоит мне к ней прикоснуться, как она расслабляется. Плач стихает и, несколько раз судорожно всхлипнув напоследок, она умолкает и открывает глаза.

– Мия, – говорю я. – Мия.

Она смотрит на меня голубыми-голубыми глазами.

– Мия... все в порядке. Все хорошо. Не бойся.

– Ну как она?

Это Адам – шепотом. Глаза у него тоже открыты.

– Хорошо, – говорю, – все хорошо. Посмотри, она цела и невредима. Это ты ее спас.

Подношу ее к его лицу, чтобы он сам посмотрел, но он снова закрывает глаза.

– Не могу, – говорит он. – Не могу смотреть.

– Можешь. Еще как можешь. Она цела.

Мия гулит и тянет к нему руки. Пушок на коже у нее подпален, но сама кожа розовенькая, гладкая, идеальная. Она трогает его лицо, и он открывает глаза.

– Боже мой, – выдыхает он.

– Что?

– Мия, – говорит он.

Он произносит ее имя – и плачет.

Адам

Припадок ее не убил. Она перепугана, но цела и снова на руках у Сары, как и положено.

Изменилось только одно – и у меня это не помещается в голове. Не доходит. Не понимаю.

На глаза набегают слезы. Пытаюсь их сморгнуть. Хочу и дальше смотреть ей в лицо, ей в глаза.

– Все хорошо, – повторяет Сара. – Посмотри, она цела и невредима. Это ты ее спас.

Кажется, да. То есть это так кажется. И при этом... при этом...

Она рядом со мной. Протягивает руку к моему лицу, гладит меня. Не улыбается. Глядит на меня серьезно-серьезно. Немного успокоилась и теперь разглядывает меня, а я ее.

Я слышал разговоры о детях, которые рождаются со старыми мудрыми душами, и никак не мог понять, о чем это. А тут, кажется, понимаю.

В человеке, который смотрит сейчас на меня, есть что-то вечное. Такое чувство, будто ей совсем не месяц, будто она везде побывала и все видела. И все знает. И все понимает.

Ее лицо – последнее, что я вижу, перед тем как отключиться, и оно остается у меня перед глазами, когда меня уносит куда-то вдаль. Оно плывет передо мной и отпечатывается в голове. Внутри оно меняется – из цветного становится черно-белым, а потом негативом: где был свет, теперь тени, а где тени – свет. Выворачивается наизнанку, черты распадаются и пляшут, потом соединяются, но неправильно, оставив меня ломать голову, каким же оно должно быть, это лицо. Это игра. Я понимаю, что это просто игра, но больше всего на свете хочу, чтобы ее лицо снова стало как надо. Хочу, чтобы все стало правильно. Надо, чтобы кусочки сложились в осмысленную картинку. Если я не заставлю их сложиться правильно, все пойдет наперекосяк. Если не получится, лучше умереть.

Раньше кругом стоял шум: трещало пламя, шипело и стонало охваченное огнем здание, кричали люди.

Теперь стало тихо – и эта тишина похожа на вопль.

Сара

Это как фильм – фильм-катастрофа. Я в нем и при этом смотрю его, наблюдаю, как разворачиваются вокруг события.

Дом уже весь в огне. Потушить нет шансов. На заднем дворе толпятся группами люди – вокруг Адама, вокруг нас с Мией. Здесь есть все, что обычно бывает во дворах загородных особняков – качели, лазалка, горка. Папу положили в метре от надувного гимнастического мяча с рожками и нарисованной рожицей. Сначала мяч был мой, потом достался мальчишкам. Вылупил на меня безумные глаза и улыбается. Папе закрыли лицо. Кто-то набросил на него куртку, но руки и ноги торчат из-под нее в разные стороны.

Я гляжу на него и не знаю, что мне полагается чувствовать. Пока что я не чувствую ничего. Просто тело, прикрытое курткой. Гораздо хуже думать про маму, лежащую в кладовке под лестницей. Пламя наверняка уже добралось до нее. Как кремация. Нет, даже думать страшно.

Я перед ней в долгу. Не важно, что у нас творилось, пока я жила дома, – мама спасла Мию. Защищала ее даже мертвая.

Оборачиваюсь на дом.

«Спасибо, – мысленно произношу я. – Я люблю тебя, мама».

Правда? Я люблю эту женщину, которая делала вид, будто ничего не происходит? Разве я ее любила – и люблю?

Пламя ревет, будто какой-то зверь, швыряет высоко в небо пепел. Задираю голову, чтобы посмотреть, докуда доходит черный столб дыма, но не вижу.

– Конец, – говорит кто-то.

Это слово припечатывает меня к земле. Это про Адама. Они про Адама говорят.

Он по-прежнему лежит на боку, но глаза у него закрыты. Кожа на спине и плечах побледнела – огонь обжег его добела.

– У него шок.

Все эти недели и месяцы, когда мне снился мой сон, я боялась

только за Мию. Я была в ужасе, в панике, и все из-за нее. Эта мысль преследовала меня. Я была уверена, что она погибнет.

И не думала, что это будет Адам.

– Адам, не умирай, не умирай!

Не отзывается. Глаза у него открыты, но смотрят в одну точку. Лицо начинает расслабляться. Он сейчас умрет.

Осторожно кладу Мию на землю, а потом беру лицо Адама в ладони и то ли приседаю, то ли ложусь рядом, чтобы он видел меня.

– Адам. Посмотри на меня. Посмотри на меня, ну!

Глаза у него открыты, но он меня не видит. Не достучаться.

– Адам! Ну пожалуйста!

Наклоняюсь и целую его. Губы у него пахнут дымом. Он не отвечает.

– Все, – говорит кто-то.

– Нет! Такого не может быть!

Подаюсь вперед еще немного и целую его глаза. Когда я отрываюсь от него, слезы так и льются, падают ему на ресницы, шлепаются, будто капли дождя.

Адам

Всю жизнь меня бесило, что я вижу числа. Они меня пугали. Не знаю, за что мне достался этот дар, это проклятье. Но спасает меня именно число. Сарино.

Я – в туннеле, в длинной трубе, где сплошная темнота, но в конце виден свет – свет, тепло, и там меня ждут. Мама. Она такая, какой я ее помню, а не такая, как перед смертью. Она протягивает ко мне руку, и я тянусь к ней, но пальцы у нас не соприкасаются. Она улыбается – мне так приятно, что я снова ее вижу. Я и не надеялся. Она говорит со мной, но губы у нее не двигаются. Я слышу ее мысли.

– Что ты тут делаешь, малыш? Еще не пора.

Слышу другие голоса, они кричат, зовут, но это где-то далеко-далеко, за много миль.

– Все.

– Нет! Такого не может быть!

И тут кто-то оказывается рядом со мной, совсем-совсем рядом, и я открываю глаза, но ничего не вижу. Вижу только свет, и получается как-то так, что свет – это мама, а мама – это свет. Больше я никуда смотреть не хочу. Я так по ней тосковал.

Что-то капает мне в глаза – щиплет. Моргаю и вижу другое лицо. Сара. И ее число захлестывает меня – как в первый раз, когда я ее видел. Я не представлял себе, что человек может покинуть этот мир так легко, купаясь в море света и любви. И я знаю, что буду с ней. Буду рядом, буду держать ее в объятиях. Я буду в этом участвовать, я есть в ее жизни. Значит, уходить мне еще рано, я должен остаться.

Туннель исчез, мама исчезла, но это ничего. Я ее повидал, этого мне пока хватает.

Сара

Он моргает. Раз. Другой. И смотрит на меня.

– Адам, – говорю я. – Вернись. Вернись ко мне.

И в тот самый миг, в ту самую долю секунды, он снова со мной. Я отчаянно хочу удержать его. Это такое напряжение – прямо больно, но я знаю, что мое дело – только смотреть на него. Все, что я могу, – это смотреть ему прямо в глаза и чтобы он смотрел мне в глаза тоже. Все остальное исчезает. Остаемся только мы. У нас есть настоящее, эта минута, эта секунда.

– Адам, вернись ко мне. Я пропаду без тебя.

Губы у него двигаются. Вслушиваюсь, чтобы уловить слова.

– Я люблю тебя, Сара.

– Я тоже тебя люблю. И всегда любила, только мне было страшно.

– Мне сейчас страшно... – Он пытается сказать что-то еще, собирается с силами, чтобы выдать слова.

– Тс-с, – говорю. – Ничего. Потом скажешь.

– Числа... – говорит он.

– Ничего. Не беспокойся из-за них. Потом.

– Сара, ты не понимаешь...

– Что? Чего не понимаю?

– Число у Мии...

Я каменею. Ее число – сегодня. Господи, господи! Нагибаюсь ближе к нему, ухом к его губам. Он говорит еле слышно. Перечисляет какие-то цифры. Мне их не расслышать.

– Двадцать. Два. Две тысячи...

– Адам! Адам, что это?..

– Это число Мии, – говорит он тихим-тихим шепотом, – оно другое...

– Боже мой. Ты хочешь сказать, что у нее все хорошо? Она не погибнет?

– Не знаю. Сам не понимаю.

– Почему? Это же не сегодня, значит, она обязательно выживет, правда? Адам, скажи мне. Скажи мне, какое у Мии число!

– Двадцатое февраля две тысячи пятьдесят четвертого, – шепчет он. – Как у бабули. Надо ей сказать. Где она? Где бабуля?

Выпрямляюсь и оглядываю толпу, все эти лица, которые смотрят на нас. Она должна быть где-то здесь, а ее нет. Кручусь на месте, выгибаю шею, вглядываюсь в лес ног, в тех, кто стоит сзади...

И тут до меня доходит: я не видела Вэл с тех пор, как Адам подтолкнул ее за плечи и отправил в огонь. Ее не было во дворе, когда я вышла, но я слышала ее в огне. Я чувствовала, как она берет меня за руку и ведет. Ведь было же!

– Сара! – Адам смотрит на меня в упор. – Сара! Где бабуля?

Сара

Он не хочет оставлять ее в развалинах. Он весь в ожогах, просто весь. Надо отправить его в больницу, чтобы ему там обработали спину, но он отказывается.

– Она там, – говорит он, глядя на дом. – Там бабуля. Никуда я не пойду.

Были бы у него силы, он бы бросился туда, но огонь полыхает вовсю, и к тому же Адаму не встать на ноги. Он и сам еле спасся. И Мию спас.

Пожарные не приехали, только горстка соседей беспомощно смотрит, как догорает дом. Понемногу они расходятся по домам, тоже пострадавшим от подземных толчков, или искать помощи. Мы остаемся во дворе – Адам, мы с Мией, Люк и Марти, – смотрим и ждем. Ждем, пока пламя не унимается и столб дыма не тает. И на ночь устраиваемся в нескольких метрах от тлеющего пожарища.

Утром становится ясно, что ничего тут не поделаешь: от дома ничего не осталось, он превратился в груды пепла, горелого дерева, закопченного металла... и где-то там лежат человеческие кости. Мама – и Вэл.

Адам все глядит и глядит на обугленные развалины.

– Адам, – говорю я, – ничего не получится.

Я хочу поскорее отсюда уйти. Найти кого-нибудь, кто его полечит. За ночь кожа у него на спине вздулась и пошла волдырями. Он уверяет, что ему не больно, но мне-то больно даже смотреть на него. Не понимаю, как человек с такими ожогами может выжить. И очень рада, что он жив. Правду говорят, мы не ценим того, что у нас есть, пока не потеряем. А я чуть не потеряла Адама. Думала, уже все. А он ушел и вернулся.

– Ее нет, – говорю я мягко, как могу. – Адам, мне так ее жалко...

– Нельзя бросать ее здесь.

Меня тут же переносит в Карлтон-Виллас, и Вэл глядит на руины своего дома. Она не хотела уходить, но я ее заставила. А теперь мне надо заставить Адама уйти от нее.

– Мы для нее уже ничего не сделаем, – говорю. – Надо найти врача. Тебе.

– Почему...

Я думаю, это он про свои ожоги спрашивает. Сам он не может на них посмотреть, только краем глаза, так что не знает, насколько все плохо, но тут он говорит:

– Почему она погибла, Сара? Как так вышло, что у нее число изменилось?

– Не знаю. Вэл считала, ты можешь менять числа. Она мне так говорила, и я тоже так считаю, Адам. Не знаю, сколько народу уехало из Лондона, но это сотни, если не тысячи. Ты их спас. И Мию тоже.

Тут он смотрит на меня.

– Насчет сотен и тысяч – не уверен. Мало ли какие у них с самого начала были числа, а вот Мия... Мия – другое дело. Ты же знаешь, какое у нее было число, – говорит он.

– Да. Видела в твоей записной книжке.

– Я ошибался. Я видел числа, а они оказались неправильные.

– Нет, ты их видел, но они изменились. Это ты их изменил.

Он отворачивается, на глазах у него слезы.

– Я хотел спасти Мию, но я же не хотел... не хотел...

Дальше можно не говорить. Я понимаю. Он не хотел, чтобы погибла его бабуля.

– Это из-за меня, Сара, да? Это я ее убил!

– Нет, конечно! Ты спас кучу народу, ты...

Замолкаю. Он снова смотрит на меня, и в глазах у него мука. Я пытаюсь подобрать нужные слова, сделать так, чтобы ему стало легче. Только иногда бывает так, что легче не станет, как ни старайся. И никакими дурацкими словами тут не поможешь.

– Не знаю я, Адам. Я ничего не понимаю про числа. Не знаю, какие у них законы. Может, это сделал ты. А может, сама Вэл. Она хотела тебе помочь. Она так тебя любила, Адам. Вэл была сильная женщина.

– А я ее терпеть не мог, Сара. Терпеть не мог – и все равно

любил. И так ей этого и не сказал.

– Ей было не нужно. Она и так все понимала.

– Правда?

– Конечно правда.

Он мотает головой и смотрит в сторону.

– Адам, – говорю, – ты спас тысячи жизней. Ты настоящий герой.

Он все равно не хочет на меня смотреть. Не отвечает. Только в уголке глаза набегает слеза и катится по обожженной щеке.

Адам

Несколько недель мы торчим в Лондоне: сначала в полевом госпитале на Трафальгар-сквер, потом, когда мне говорят, что опасность миновала и ожоги заживают, в лагере в Гайд-парке. Не знаю, чего мы ждем. Наверно, думаем, будто вот-вот начнется нормальная жизнь. Дни складываются в недели, ничего вроде бы не меняется – только очереди становятся длиннее, а дневной рацион – меньше.

По ночам в городе совсем темно. Электричество так и не наладили. У нас есть генераторы, но в десять свет гасят, и до рассвета темно, хоть глаз выколи.

В палатке нас пятеро, но такое чувство, будто пятьсот, особенно после очередной ночи, когда мальчишки не дают спать, вертятся, плачут. Они не виноваты. То, что раньше снилось Саре, сбылось и досталось всем нам, даже детям. Особенно детям. Когда кто-то из мальчишек плачет, то будит второго, и они заливаются хором и в итоге мы все не спим. Сара старается как может, но ведь темной ночью им нужна не она. Им нужна мама. А мама больше не утешит их и не успокоит.

Мне тоже снятся страшные сны. Все время одно и то же – маленькая фигурка уходит от меня в огонь. Не могу до нее дотянуться. Она не слышит, как я зову ее. Не оборачивается. И мне приходится стоять и смотреть, как пламя поглощает ее.

Сара вообще толком не спит, ей хватает хлопот с мальчишками и с Мией. Самое интересное, что с Мией как раз все очень мирно. Она не плачет. Поест, поспит, еще немного поест. По идее трехмесячный ребенок в таком месте – это просто катастрофа, хуже и представить себе нельзя, но с ней – одно удовольствие: она спокойная, довольная, даже веселая. Когда мне кажется, что я дошел до предела, когда я думаю, что больше не могу, я беру ее на руки и держу – и снова чувствую себя человеком.

Солдаты, которые заправляют всем в лагере, объявляют, что воду теперь тоже будут нормировать, и я понимаю – пора уходить.

– Куда нам податься? – спрашивает Сара.

– Не знаю. Куда-нибудь, где выращивают всякое съедобное. Куда-нибудь к реке, чтобы воды было сколько угодно. Куда-нибудь к лесу, чтобы было что жечь и чем греться.

Сара вздыхает:

– За город, значит. Там ничего нет, Адам. Мы будем голодать. Мы умрем.

– А это, типа, жизнь? В лагере холера. Об этом помалкивают, но я слышал, уже три человека умерли. Сара, пора забирать отсюда детей. Это плохое место.

Она мрачнеет и прижимает Мию к себе.

– Адам, что, у мальчиков плохие числа? Какие у них числа?

В животе у меня холодеет. Про числа мы не говорили. Я пытался отгородиться от них, ни на кого не смотреть, не думать про них, потому что стоит задуматься, и шарики за ролики заходят. И вот опять нахлынуло, будто плотину прорвало.

– Сара, да при чем тут числа?! – Сам не заметил, как сорвался на крик. – Числам нельзя верить! Они меняются! Плохие превращаются в хорошие! Хорошие в плохие!

Сара протягивает руку и гладит меня.

– Ладно, ладно, Адам. Все нормально. Успокойся. Мы уйдем отсюда. Уйдем.

Пытаюсь взять себя в руки, дышать как положено, перестать раскачиваться взад-вперед.

– Прости, Сара. Я не хотел взрываться. Просто... просто...

– Понимаю, понимаю, – утешает она меня. – Сегодня уже поздно уходить. Завтра утром.

Утром мы тихонько собираем убогие пожитки.

– Интересно, правильно ли мы поступаем? – спрашивает Сара перед тем, как выйти из лагеря. Под глазами у нее темные круги, щеки совсем ввалились. И все равно она красивая. Ничего не могу поделать – люблюсь ею, и, когда она смотрит мне в лицо и ждет ответа, ее число снова заполняет мои мысли, и мне ужасно хочется, чтобы все было взаправду. Ее число – это любовь, надежда и свет. Ее число заставляет меня верить в хеппи-энд.

Беру ее лицо в ладони и нежно целую.

– Да, Сара, – говорю. – Мы поступаем правильно. Все будет хорошо, вот увидишь.

Самому хочется в это верить. Я и верю. Честно. Оглядываемся кругом в последний раз, потом Сара сажает Мию в слинг, протягивает мальчишкам руки, я беру мешки, и мы уходим.

NUMBERS 2: CHAOS

Original English language

edition first published in 2010 under the title

NUMBERS 2: CHAOS by The Chicken House,

2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA 11 1DS

Translation Copyright © 2011 Chicken House Publishing
LTD

Text Copyright © 2010 RASHEL WARD

All character and place names used in this book are

© Di Toft and cannot be used without permission.

The Author/Illustrator has asserted his/her moral rights.

All rights reserved